

детектив

Смерть в Голливуде

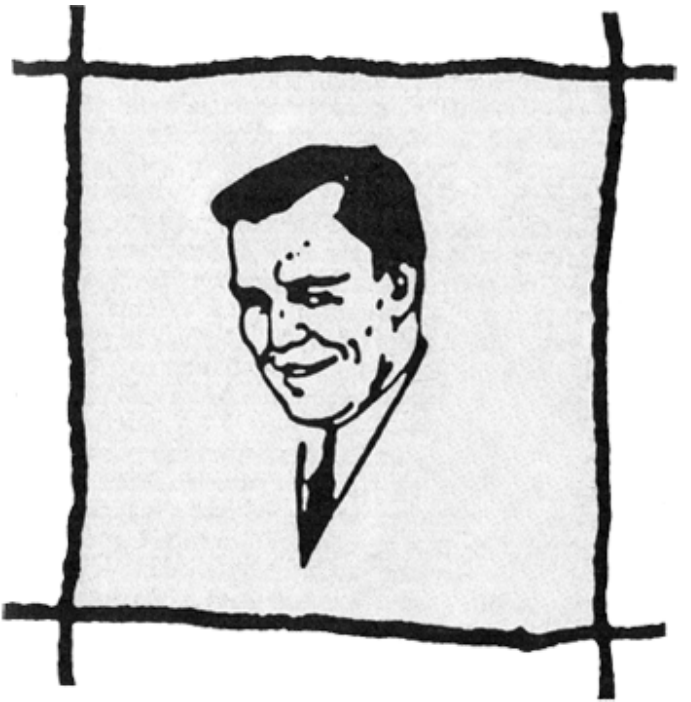
Смерть в Голливуде
Эллери Куин

Аннотация
Эллери Куин. Смерть в Голливуде
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
Глава XIV
ГЛАВА XV
ГЛАВА XVI

Аннотация

Эллери Куина без преувеличения можно назвать американским Шерлоком Холмсом. Эллери Куин — не только псевдоним двух известный американских писателей, но и имя главного героя целой серии классических психологических детективов.

Эллери Куин
Смерть в Голливуде



ГЛАВА I

Эллери Куин лениво восседал в роскошном кожаном кресле прямо напротив большого панорамного окна гостиной. Шорты его небрежно валялись на письменном столе. В руках Эллери держал большой фужер со льдом и неподвижно созерцал жертву у себя под ногами. Время от времени он отхлебывал глоток-другой и опять погружался в созерцание покойника, но — напрасно! Впрочем, на этот раз отсутствие видимых улик его совсем не беспокоило: расследование в самом начале, все еще впереди! Да и жертва весьма необычных размеров — сразу глазом и не охватишь.

Он отхлебнул еще глоточек.

Да, любопытный случай! Вон там, внизу, сразу за окном, прямо у него в ногах, жертва шевелилась, двигалась и подавала все признаки жизни. Правда, в Нью-Йорке его сразу предупредили, что это лишь видимость, так сказать — посмертные судороги, а не подлинная жизнь. Все в один голос уверяли, что можно даже не сомневаться — процесс распада уже в самом разгаре, хотя на первый

взгляд поверить в это трудно. Впрочем, любой, кто знает, как благоухает увядающая камелия, сразу поймет, о чем речь! Однако теперь Эллери весьма скептически вспоминал напутствия своих нью-йоркских друзей. Он хорошо знал покойника в его лучшие времена — славный был малый, что и говорить! Просто сказка наяву. И что-то с трудом верилось, что такая жизнь может оборваться…

И Эллери сидел, полный сомнений, на месте преступления — вернее, над этим местом, ибо его маленький коттедж располагался как раз на краю обрыва над городком, напоминая орлиное гнездо на вершине скалы. И тот, чья смерть широко обсуждалась в Нью-Йорке, был прекрасно виден отсюда, слегка подернутый легкой дымкой и искрящийся огнями. Хотя на Севере утверждали, что ОН мертв.

ОН — этот сказочно-прекрасный Голливуд!

Газеты вовсю публиковали некрологи и заявляли, что ОН убит. Убит Телевидением.

Эллери бросал пристальные взгляды на панораму города у себя в ногах, изредка потягивал ром и наслаждался возможностью в этот обычный для Калифорнии душный день тихо и спокойно посидеть нагишом, созерцая открывающуюся

перед глазами величественную картину зеленых холмов, покрытых цветами, колеблющимися в знойном мареве.

Почему он выбрал именно Голливуд, Эллери и сам не знал. Любой другой город точно так же подошел бы для его новой книги. Все эти детективы пишутся на один манер, по определенным законам, и место действия не имеет никакого значения: везде один случайный взгляд незаметной женщины из толпы или небольшая опечатка в завещании, или еще какая-нибудь мелочь в этом же роде может послужить началом захватывающей истории. Тем более что Эллери еще весьма смутно представлял содержание своей новой книги, и ровно с тем же успехом он мог поместить героев на Миссури, в Кейптаун или Кремлевский Дворец съездов.

Время шло, а сюжет будущей книги никак не мог выйти из зачаточного состояния, поэтому известие о смерти Великого Голливуда, убитого Мистером Телевидением, прозвучало для Эллери, как знак судьбы. Смерти, убийства и все такое прочее — ведь это как раз по его части! И он немедленно решил прибыть на место преступления и присутствовать при освидетельствовании трупа. Эллери очень надеялся, что атмосфера

агонии и краха подстегнет его творческое воображение и работа закипит.

Однако к своему глубокому разочарованию он обнаружил старый добрый Голливуд в полном здравии. Конечно, половина кинотеатров с шикарными рекламами над входом были просто-напросто закрыты и разорены. Получить столик в знаменитом Браун-Дерби теперь не составляло труда для любого смертного. Владельцы знаменитых галантерейных фирм терпели большие убытки и закрывали магазины один за другим. Звезды экрана становились гораздо более сговорчивы и охотно принимали предложения выступить на радио за весьма умеренную плату. Участники музыкальных радиопрограмм потуже затягивали пояса, продавали свои виллы и изо всех сил пытались пробиться на телевизионные конкурсы певцов. Владельцы небольших магазинчиков жаловались, что теперь ни у кого не находится лишних денег, чтобы купить отрез хорошей материи или маникюрный набор, — бюджет практически каждой семьи на много лет вперед был посвящен приобретению нового автомобиля и телевизоров. Шайки подростков, с мрачной торжественностью прозванные газетчиками «волчьими стаями», шныряли по улицам

и потрошили приезжих. Старшеклассники на каждом углу продавали анашу. Самым популярным видом спорта у обладателей огнестрельного оружия стало останавливать проезжающие машины на пустынных автострадах. Вы могли бы преспокойно придушить какого-нибудь зазевавшегося туриста на Голливуд-Бульвар в любой вечер после захода солнца, пребывая в полной уверенности, что ни одна живая душа вам не помешает.

Долину Сан-Фернандо начали заполнять толпы дешевых домишек из красного кирпича, а на перекрестках появились невиданные доселе светофоры, ограничивающие привычное свободолюбие калифорнийских водителей. Бетонные защитные столбики по краям дороги прочертили долину во всех направлениях, как «молнии» — кожаную куртку рокера.

Со стороны же океана, на побережье Санта-Моника, куда спускалась живописная цепь холмов, один за другим отстраивались роскошные особняки, владельцы которых гордо именовали их «поместьями», избегая теперь прежнего скромного названия «ранчо». Сюда стремились толпы молодежи самого разного толка, а богатые старички, с трудом притащившись из какой-нибудь

Айовы или Мичигана, лечили свой артрит и проживали солидный пенсион. И теперь вам пришлось бы потратить вдвое больше времени, чтобы проехать днем с одного конца Лос-Анджелеса до другого и миновать по крайней мере три или четыре автомобильные пробки. Эллери слышал, что сюда, в Южную Калифорнию, переместились огромные фабрики, и тысячи мигрантов хлынули следом: последние из породы «пионеров Дикого Запада», и вот для них-то кино все еще оставалось единственным видом развлечений, а слово «телевидение» звучало примерно так же невразумительно, как «антибиотик». Начали процветать придорожные бары и кабачки, а горизонт покрыли двадцатифутовые рекламы мороженого в стаканчиках. Верные поклонники классической музыки все еще наполняли открытые сцены Голливуда, чтобы послушать Чайковского на свежем воздухе. Знаменитая фермерская ярмарка в Файерфаксе по своей пестроте, шуму и гвалту стала напоминать восточный базар, особенно в туристический сезон. Создавалось впечатление, что Безумный Мюнц полностью завладел небесами: повсюду его имя, написанное или высвеченное огромными буквами, смотрело на вас с высоты. На что еще обратил

внимание Эллери, так это на газеты, страницы которых заполонили теперь смачные изображения голых бабенок, совершенно немыслимые в прежние времена. Одно фото особенно поразило его: этакая толстушка с аппетитными формами, взгромоздившаяся на украшенный цветами гроб с надписью: «Мисс Похороны»... Но это еще что! Через три дня, как сообщали газеты, Великий Владыка должен был предпринять шестичасовой поход по Фиджроу-Стрит к Мемориал-Колизеум в сопровождении тринадцати тысяч «красных фесок» [1], прыгающих и выкидывающих самые невообразимые коленца вместе с пятьюдесятью одним оркестром, клоунами, верблюдами и колесницами... И все это с одной единственной целью созвать очередной семьдесяткакой-то Вселенский Съезд Древнего Арабского Ордена Рыцарей Священной Гробницы... В общем, это должно было быть событие, способное даже мертвых поднять из могил, полюбоваться на невиданное зрелище.

В первые же дни пребывания в Голливуде и его окрестностях Эллери стало ясно, что в северо-восточных штатах слишком поторопились

---

[1] СНОСКИ: 1
Наряд турецких воинов. (Прим. переводчика)

вывесить траурные флаги и заказать похоронную мессу по поводу смерти легендарного города, которая на самом деле была вовсе не смертью, а волшебным перерождением в новое существо. Просто старые образы и обычаи ушли в прошлое. Появились новые, очень жизнеспособные, но, увы, не во вкусе Эллери! И он уже стал подумывать о возвращении в Нью-Йорк. Однако в последний момент он решил, что наверняка, несмотря на всю эту белиберду и шумиху в новом вкусе, здесь осталась старая добрая голливудская закваска, надо только хорошенько присмотреться. Кроме того, вся эта кровожадная и убивающая своей хаотичностью обстановка, может статься, как раз и вдохновит его на что-нибудь эдакое, и новый шедевр в ближайшем будущем пополнит книжные полки библиотек.

Неожиданное препятствие возникло в связи с прессой. Эллери намеревался тихо-мирно прибыть в Локхид и незаметно приехать в город, вместо того чтобы проследовать обычным путем через международный аэропорт Иглвуд. Но и это не помогло. Стоило ему коснуться благодатной земли Южной Калифорнии, как на него обрушился шквал вопросов и вспышек фотоаппаратов, сравнимый разве что с зенитным артобстрелом.

На следующий же день его физиономия красовалась во всех передовицах. Каким-то образом стал известен даже его адрес — здесь, на холмах, хотя приятель-управляющий клялся и божился, что не имеет никакого отношения к утечке информации. Впрочем, все происходящее уже стало для Эллери привычным с тех пор, как американскую публику потрясло последнее раскрытое им дело. Его считали чуть ли не спасителем Манхеттена, поэтому газетчики были непоколебимо уверены, что и в Лос-Анджелес Эллери прибыл по делу такой же (если не более!) важности и срочности. Когда же он попытался объяснить им простым английским языком, что всего-навсего прибыл сюда написать очередную книгу, они недоверчиво смеялись, а на следующий день публиковали статьи, в которых его визиту давались самые невероятные объяснения. От специального задания шефа местной полиции по борьбе с мафией до разгадки неувядающей тайны черного Георгина.

Что оставалось делать бедному Эллери?

В этом месте своих размышлений он вдруг заметил, что его фужер так же пуст, как лист бумаги, давно уже торчащий в пишущей машинке.

Он встал с кресла и нос к носу столкнулся с очаровательной девушкой.

Голый Эллери одним прыжком достиг двери в спальню, но за этот миг в его голове успела промелькнуть мысль: «А шорты? Нет, в них еще хуже…». Затем он подумал: «Ах, ну почему я не купил те приличные брюки у Барни?» и исчез в спальне. Тут его охватил гнев, он просунул голову в щель двери и истерически завопил:

— Ну в чем дело! Я сказал миссис Вильямс, что я не желаю никого видеть сегодня, и ее в том числе! Как вы-то сюда попали?

— Через сад, — ответила девушка. — Просто вскарабкалась по склону, прямо с дороги внизу, у подножия холма. Я так старалась не помять ваши маргаритки… Вы не будете сердиться?

— Буду. Убирайтесь отсюда.

— Но мне необходимо было встретиться с вами!

— Всем необходимо. Но я абсолютно не нуждаюсь во встречах. Особенно, когда я в таком виде…

— Да, вид у вас действительно неважный — что-то вы слишком бледны, да и ребра выпирают просто ужасно, Эллери! — произнесла она укоризненным тоном старшей медсестры госпиталя.

Только тут Эллери сообразил, что в Голливуде к вопросам внешнего вида относятся весьма

свободно, и ваш наряд — дело лишь вашего собственного воображения и предприимчивости. Вы можете напялить на себя меховой эскимосский комбинезон или чукотский костюм и промчаться на упряжке сибирских лаек прямо от аптеки Шваба до Вайна вдоль подножия Лаурел Каньон, и никто даже не повернет головы в вашу сторону. Меховое боа в сочетании с широкими брюками спортивного типа — это уже почти официальный костюм, а голый пупок уже давно воспринимается как нечто очень консервативное в области моды. И в любом самом захудалом уголке Калифорнии вы обязательно наткнетесь по крайней мере на одного человека, не имеющего на себе ничего, кроме трусов, и угрюмо слоняющегося с отсутствующим видом среди авокадо.

Девушка все тем же тоном посоветовала Эллери, собирающемуся опять захлопнуть дверь в спальню:

— Вам надо обязательно слегка набрать в весе, Эллери. И побольше загорать на солнце!

— Спасибо за заботу, — ответил он почти против своего желания.

Ей было явно наплевать на его костюм Адама. А сама она, подумал Эллери, одеваясь, была даже еще симпатичнее, чем ему показалось сначала.

Такой особый, типично голливудский род красоты, угрюмо подумал он. Все они тут красотки на один манер. Какая-нибудь очередная «Мисс Лос-Анджелес» или что-нибудь в этом же дурацком роде. На ней были полосатые брючки в обтяжку и короткая курточка до талии, накинутая на какую-то штуковину, смахивающую на бюстгальтер, из ярко-зеленой замши, едва доходящую до пупка. На миниатюрных ступнях были подвязаны такие же зеленые замшевые сандалии. Русую голову венчала кепка из все той же зеленой замши, что-то вроде жокейской шапочки. Во всех многочисленных местах, где кожа ее оставалась открытой, она была золотисто-коричневого цвета, как хорошо подрумянившееся печенье, и уж ребер-то, конечно, никаких не выпирало… В общем, очень изящное и стройное создание, обладающее, где требуется, весьма выпуклыми формами… Что-то около девятнадцати лет, наверное. Он сам не знал почему, но неожиданная гостья напоминала ему Мэг из «Ночной жизни Богов» Торна Смита. Да, он правильно сделал, что так решительно захлопнул дверь!

Наконец он позволил себе появиться в гостиной, на этот раз в полном вооружении: на нем были надеты брюки свободного покроя, шелко-

вая тропическая рубашка и легкая вельветовая куртка вишневого цвета. Он обнаружил, что его гостья забралась с ногами в его же собственное кожаное кресло и лениво курила.

— Вот, я налила вам, — заявила она.

— Как любезно! Полагаю, я также должен предложить вам выпить стаканчик? — он старался ни в коем случае не допустить ни малейшей нотки фамильярности в голосе. К чему это?

— Спасибо. Я не пью до пяти, — рассеянно ответила она, явно думая о чем-то другом.

Эллери подошел к окну, прислонился к раме и враждебно уставился на свою посетительницу.

— Я не хочу сказать, что я лицемер и ханжа, мисс…

— Хилл. Лаурел Хилл.

— …мисс Лаурел Хилл, но когда мне в Голливуде, будучи в чем мать родила, приходится иметь дело с предприимчивыми молодыми особами вроде вас, я хотел бы быть уверенным, что рядом не присутствует кто-нибудь третий с фотокамерой. Где-нибудь за портьерой, например… А с чего это вы взяли, что вам необходимо встретиться именно со мной?

— Потому что в полиции одни болваны.

— Ах, вот оно что. Они, наверно, отказались

выслушать вас?

— Выслушать-то они выслушали. Да только потом просто посмеялись надо мной. Но что, собственно, такого уж веселого в мертвой собаке, а?

— В чем, в чем!?!

— В мертвой собаке.

Эллери вздохнул и устало прижался лбом к холодному стеклу.

— Вашего пса отравили, так, что ли?

— Не угадали, — решительно заявила непрошеная гостья. — Это был вовсе не мой пес, и я не знаю, отчего он умер. Более того, хотя я сама обожаю собак, но в данном случае мне плевать на него… В полиции заявили, что это просто чья-то неудачная шутка, но это вздор, они, видимо, по себе судят. Что это было, я не знаю, но только не шутка.

Эллери поставил свой фужер на столик. Она выжидающе смотрела на него. Тогда он насмешливо покачал головой и сказал:

— Примитивная уловка, Лаурел. Шито белыми нитками, и этот номер у вас не пройдет.

— Да никакая это не уловка! — в отчаянии вскричала она. — Дайте же мне все объяснить…

— Отвечайте, кто подослал вас ко мне?

— Да никто, Господи! Я просто увидела ваши

фото в газетах. Это сразу разрешило все мои трудности.

— Но не мои. Дело в том, что все МОИ трудности заключаются в безуспешных попытках найти спокойное уединенное место, чтобы произвести на свет что-нибудь приемлемое для моих дорогих читателей, простых и безыскусных. Лаурел, я приехал сюда написать книгу, которая, к несчастью, у меня никак не выходит. Писатели, знаете, просто никак не могут жить без своей писанины, и я отношусь к их числу. Поэтому вам должно быть ясно, что я не собираюсь заниматься никакими другими делами.

— Вы даже выслушать меня не хотите! — от обиды у Лаурел задрожали губы.

Она поднялась и поспешно направилась вон из комнаты. Он разглядывал ее голую загорелую талию, выступающую под курточкой. Не в его вкусе, но весьма… весьма мило.

Эллери попытался смягчить впечатление:

— Собаки ведь часто умирают, это обычно… — как можно деликатнее заметил он.

— Да не в собаке же дело, говорю я вам. А в том, как это все случилось! — бросила она, не оборачиваясь, уже готовая выйти.

— То есть, как этот пес умер? Так, это что-то уже

более интересное.

— Нет, как мы нашли его. — Девушка внезапно остановилась в дверях, прислонилась к косяку, боком к Эллери, и закурила сигарету. — Он лежал на пороге. Вы никогда не видели, как кот старательно оставляет аккуратно задушенную мышь у вас на коврике, как раз, когда завтрак ждет вас на столе? Это вроде… ну, вроде подарка. — Она оглянулась в поисках пепельницы и направилась к камину. — И этот подарок убил моего отца.

Да, мертвая собака, способная убить кого-либо… Эллери счел это достойным внимания. Да и в самой девушке было нечто такое, что заставляло принимать ее слова всерьез и не на шутку его заинтересовало.

— Что ж, садитесь, — пригласил он.

Она с такой поспешностью кинулась к предложенному креслу, так напряженно сцепила руки на коленях и так выжидающе уставилась на Эллери, что сразу стало ясно, насколько происходящее важно для нее.

— Ну а теперь, Лаурел, давайте-ка разберемся, как это мертвая собака могла «убить» вашего отца.

— Она прикончила его.

Его почему-то очень раздражала поза, в кото-

рой уселась его гостья. Поэтому он настойчиво попросил:

— Прошу вас, не устраивайте сцен. Мы сейчас не фильм ужасов снимаем, не надо так на меня смотреть. Попробуем спокойно выяснить, какая может быть связь между трупом животного, оставленного около вашего порога, и смертью вашего отца. Ну?

— Он умер от испуга.

— А что показали результаты вскрытия? — Теперь он начинал понимать, почему в полиции девушку не принимали всерьез.

— Что-то с сердцем. Какая разница — что именно. Настоящая причина — в собаке.

— Ну что ж, тогда давайте начнем по порядку, — Эллери предложил ей свои сигареты, но она отказалась и вытащила свою собственную пачку «Данхилла». Он зажег для нее спичку и заметил, что сигарета в ее губах сильно дрожит.

— Так, вас зовут Лаурел Хилл. У вас был отец. Кто он? Где вы живете? Чем он зарабатывал на жизнь? И все остальное, пожалуйста.

Она удивленно взглянула на него, как будто ей и в голову не могло прийти, что такие мелкие подробности их жизни могут иметь какое-либо значение.

— Лаурел, я не обещаю, что займусь вашим делом. Но твердо обещаю не смеяться над вами.

— Спасибо… Лендер Хилл. «Хилл и Приам». Оптовая ювелирная торговля.

— Понятно, — он впервые слышал о подобной фирме. — В Лос-Анджелесе?

— Основная контора здесь, хотя папа с Роджером имеет… то есть имел… — Она горько засмеялась. — И я должна теперь говорить о нем в прошедшем времени!.. филиалы в Нью-Йорке, Амстердаме, Южной Африке.

— А кто это — Роджер?

— Роджер Приам — папин партнер. Мы живем около Аутпоуст, совсем недалеко отсюда. Двенадцать акров кривобокого леса вниз по склону холма… Около дома — английский парк с эвкалиптами и королевскими пальмами в шахматном порядке, вокруг заросли бугенвиллей, где порхают всякие райские птички и попугайчики — ну, всякая живность, которая болеет и мрет, как мухи, при малейшем падении температуры. А это случается регулярно каждую зиму и вызывает удивленные толки и уверения, что такого в Южной Калифорнии не бывает и больше не повторится. Но папа был без ума от них. Он часто говаривал, что чувствует себя среди их щебета

как карибский пират. Прислуги у нас в доме трое человек, а садовник приходящий. Участок Приама граничит с нашим. — По тому, как она произнесла имя партнера своего отца, Эллери почувствовал, что он вызывает у нее отвращение, граничащее с ненавистью. — У отца было больное сердце, и ему следовало бы жить не так высоко на холмах. Но он любил это место и слышать не хотел о переезде.

— А мать жива? — но он уже и сам догадался по ее виду, что нет. Такая самостоятельная девчонка… В ней было что-то мужское, и Эллери сильно подозревал, что бывают моменты, когда она в состоянии действовать как настоящий мужчина. Никакая она не «Мисс Лос-Анджелес», подумал Эллери. Вот теперь девушка ему нравилась.

— Так жива мать или нет? — переспросил он, не дождавшись ответа Лаурел.

— Я не знаю. — Так, он явно задел больное место. — Если я когда и знала свою мать, то теперь забыла.

— Ну, а приемная мать?

— Он никогда не был женат. Меня вырастила нянька, которая умерла, когда мне исполнилось пятнадцать. Четыре года назад. Я всегда плохо относилась к ней, и порой мне кажется, что она

заболела воспалением легких и умерла специально, чтобы на всю жизнь у меня остался комплекс вины. Я… была его приемной дочерью. — Она поискала глазами пепельницу, и Эллери быстро пододвинул ее. Девушка, давя окурок, многозначительно добавила:

— Но я была его настоящей дочерью. Не то что темные делишки некоторых личностей, которые пускаются на всякие уловки, чтобы прикрыть свои сомнительные связи. Я любила и уважала его и я — как он частенько шутил — была единственной женщиной в его жизни. Папа был слегка старомоден в своих привычках. Всегда, например, подавал мне стул и все в этом роде. Он вообще был… такой славный!

«Так, что-то начинает проясняться», — промелькнуло в голове Эллери, и он подумал, что пора переходить к существу дела.

— Это случилось две недели назад, — как будто прочитав его мысли, сказала все тем же ровным тоном Лаурел. — Третьего июня. Мы только что кончили завтракать. Симон, наш шофер, вошел сказать, что машина готова и что у порога лежит что-то «любопытное». Мы все вышли и увидели его, этого мертвого пса. Прямо у дверей. А на ошейнике болтался обычный багажный ярлык.

Черным карандашом на нем было написано имя папы: «Лендер Хилл».

— Адрес?

— Нет. Только имя.

— А почерк знакомый?

— Да я толком и не смотрела. Только заметила, что черным карандашом, а больше ничего. Когда папа склонился над собакой, он удивленно сказал: «Смотрите-ка, это мне». А потом открыл небольшую коробочку.

— Какую коробочку?

— Ну, к ошейнику была прикреплена серебряная коробочка, вроде как для таблеток. Папа открыл ее и достал плотно свернутую бумажку. Он развернул ее и увидел текст. Точно не могу сказать — написанный от руки или напечатанный на машинке. Кажется, напечатанный. Я не успела рассмотреть — папа отвернулся, чтобы прочитать записку.

Когда он кончил читать, его лицо стало мучнисто-серым, а губы посинели. Я только собралась было спросить, кто прислал ее и что все это значит, как вдруг он судорожно скомкал записку, сдавленно вскрикнул и рухнул на землю. Такое уже случалось на моих глазах. Это был инфаркт.

Она пристально смотрела сквозь широкое окно

на Голливуд.

— Может, выпьете что-нибудь, Лаурел?

— Нет, спасибо. Симон и я…

— А какой породы была собака?

— Какая-то охотничья, по-моему.

— Был ли на ошейнике номерной знак?

— Что-то не припомню.

— А метка о прививке от бешенства?

— Я не помню, чтобы на ошейнике было что-нибудь, кроме ярлыка с папиной фамилией.

— Может, ошейник был какой-то особый?

— Да нет, стоимостью не более семидесяти пяти центов.

— Значит, простой ошейник. — Эллери лениво откинулся в кресле и вытянул ноги. — Что же дальше, Лаурел?

— Симон и Ичиро, наш слуга, перенесли папу в спальню. Я тем временем бегала за бренди, а наша экономка миссис Монк вызвала врача. Он живет на Кастильен-Драйв, и прибыл буквально через несколько минут. Папа тогда еще не умер.

— Понятно, — сказал Эллери. — А что было написано в этой записке, которую ваш отец достал из серебряной коробочки на ошейнике мертвой собаки?

— Этого-то я как раз и не знаю.

— Вот это досадная неожиданность!

— Понимаете, когда он упал без чувств, бумага была у него в руках, он смял ее в комок. Сначала мне было не до нее, а когда пришел доктор Волюта, я вообще о ней забыла. Но ночью вспомнила и при первом же удобном случае — наутро — спросила папу. Стоило мне упомянуть о записке, как он резко побледнел и забормотал: «Ох, это ерунда, сущая ерунда», а я поскорее сменила тему. Но когда доктор Волюта в очередной раз заглянул проведать папу, я отвела его в сторону и спросила, не видел ли он записки. Он ответил, что разжал кулак отца и положил смятую бумажку на ночной столик рядом с кроватью, не читая. Я обращалась к Симону, Ичиро и экономке, но все отвечали, что не видали записки. Скорее всего папа обнаружил ее, когда пришел в себя, и забрал.

— И с тех пор она вам не попадалась?

— Нет. Хотя я усиленно искала ее. Думаю, что папа ее уничтожил.

На это Эллери ничего не ответил.

— Ну ладно. Значит, собака, ошейник, коробка. Что с ними?

— Знаете, мы были так обеспокоены состоянием папы, что о собаке как-то позабыли. Помню, я сразу же сказала, чтобы ее убрали. Я имела в виду,

чтобы ее просто убрали с порога, но на следующий день, когда я вспомнила о ней, миссис Монк сказала, что она вызвала ветеринарную службу, или что-то в этом роде, и они увезли собаку.

— Да-а, ищи теперь ветра в поле… — мрачно прокомментировал Эллери, покусывая ноготь. — Хотя вот этот ошейник и коробочка… А вы уверены, что реакция вашего отца не была вызвана просто-напросто видом мертвого животного? Может быть, он очень боялся собак? Или, — прибавил он внезапно, — смерти?

— Он обожал собак! Настолько, что, когда наша Сара скончалась от старости в прошлом году, он отказался заводить другую собаку. Он сказал, что терять их слишком тяжело. Что касается смерти как таковой, то я не думаю, чтобы эта перспектива особенно волновала папу. Во всяком случае не настолько, чтобы он мучился ею. Да, он ужасался при мысли о затяжной и обременительной для окружающих болезни, с постоянными болями. Поэтому не раз выражал надежду, что, когда пробьет его час, он тихо угаснет во сне. — Вот и все. Я ответила на ваш вопрос?

— И да, и нет, — сказал Эллери. — А был ли он суеверен?

— Да вроде нет. А что?

— Вы сказали, что он умер от страха. Вот я и пытаюсь выяснить его причины.

Лаурел помолчала. Потом сказала:

— А ведь вы правы. То есть, в том, что у него были какие-то причины для страха. Но уж собака-то его никак не могла испугать. — Она обхватила руками колени и неподвижно уставилась прямо перед собой. — Мне показалось, что эта собака не произвела на него никакого впечатления, пока он не прочел записку. А может, и потом она не играла никакой роли, я не знаю. Но вот содержание записки самым страшным образом потрясло его. Это точно! Я никогда раньше не видела его перепуганным. Причем до такой степени. Я готова поклясться, что когда он прочел записку, то уже как бы и умер… Он лежал тогда, как мертвый. Эта записка поразила его в самое сердце. — Она обернулась лицом к Эллери. Глаза у нее оказались зеленоватыми, с коричневыми крапинками, слегка навыкате. Она сказала:

— Эта записка могла напомнить ему то, что он сам давно позабыл. Что-то настолько важное, что заставило даже Роджера впервые за пятнадцать лет выбраться из своей конуры.

— То есть? — не понял Эллери. — Это еще что за фокус?

— Я же говорила вам — Роджер Приам, папин партнер и старейший друг. Роджер вышел из дома.

— Впервые за пятнадцать лет?! — воскликнул Эллери.

— Пятнадцать лет назад его разбил паралич. С тех пор он передвигается в инвалидном кресле на колесах, и с тех же самых пор отказывается покидать пределы своего дома. А все из-за больного самолюбия! В свое время он был, говорят, ничего себе мужик, видный. Очень гордился своей силой, физической силой. Поэтому мысль, что его увидят беспомощным, была для него невыносима. И из-за этого он со временем сам стал просто невыносим.

Роджер старался изо всех сил вести себя так, как будто ничего не произошло. И до сих пор пытается доказать всему свету, что отсюда, со своего инвалидного кресла, он ведет самую крупную торговлю драгоценностями на всем западном побережье. Конечно, это одна видимость. В действительности всем заправляет… заправлял папа. Но он, ради общего согласия, всегда подыгрывал Роджеру, специально старался подсовывать ему какие-нибудь дела, которые можно решить по телефону, старался советоваться с

ним по малейшему поводу, держать его в курсе событий. Смешно сказать, но масса сотрудников папиной фирмы в городе и в других филиалах Роджера и в глаза не видела! Он вызывает у всех странную ненависть, служащие даже прозвали его «Невидимый бог», — рассмеялась Лаурел. Однако Эллери не находил здесь ничего смешного. Девушка продолжала:

— Ну, конечно, работники есть работники — они всегда слегка побаиваются хозяина, кто бы он ни был.

— А вы не разделяете их страха?

— Я не выношу Роджера, — очень спокойно отвечала она, но тут же отвела глаза в сторону.

— А ведь вы тоже его боитесь.

— Нет. Просто не люблю.

— Ладно, продолжайте.

— При первой же возможности я сообщила Роджеру, что у папы инфаркт. Вечером того же дня. Сама позвонила ему по телефону. Он очень заинтересовался подробностями случившегося и стал настаивать на разговоре с папой. Я отказывалась — ведь доктор Волюта категорически запретил беспокоить больного. На следующее утро Роджер звонил дважды. Папа беспокоился, так же, как и Роджер, и тоже хотел переговорить

с ним. Он так просил меня, так расстраивался, что я решилась и включила ему телефон. У них с Роджером был проведен отдельный, прямой кабель. И папа попросил меня выйти из комнаты на время разговора.

Лаурел резко поднялась, потом так же внезапно села обратно и достала еще одну сигарету. Эллери даже не сделал попытки зажечь для нее спичку, она зажгла ее сама. Ей явно было сейчас не до тонкостей этикета…

Девушка сделала несколько судорожных затяжек.

— Никто не знает, о чем они говорили. Вся беседа заняла не более пяти минут. Но этого было достаточно, чтобы заставить Роджера подняться с насиженного места, приказать погрузить себя вместе с легендарным креслом в специальный фургон и прибыть к нам в сопровождении Делии — его жены.

Когда Лаурел произносила имя миссис Приам, ее голос выразил ту же смесь отвращения и ненависти, что и несколько минут назад, когда она произносила имя ее мужа.

— Когда Роджера доставили в папину спальню, он запер дверь и говорил с папой в течение трех часов.

— Они обсуждали мертвого пса и записку?

— А что же еще? Не о делах же они беседовали: чтобы вести деловые переговоры, Роджеру никогда раньше не требовалось покидать свою комнату. И не о здоровье папы: у него было уже два инфаркта, и прежде Роджер довольствовался телефонными беседами. Вне всякого сомнения речь шла о собаке и записке. И если сначала я еще не была в этом уверена, то когда увидела лицо Роджера, выруливающего из папиной спальни, мои сомнения полностью рассеялись. Он был так же перепуган, как за день до этого папа. И по той же самой причине.

Лаурел помолчала и продолжала все тем же ровным голосом:

— Да, вот это было зрелище! Вы не знаете Роджера Приама, поэтому вам трудно понять меня. Страх и лицо Роджера — две совершенно несовместимые вещи. Попробовал бы только кто-нибудь припугнуть его — Роджер сам кого хочешь испугает до смерти! И он сказал мне тогда тоном, каким раньше не сказал бы ни за что на свете: «О, позаботьтесь о вашем отце, поберегите его!» Прежде он предпочитал особо не утруждать себя подобными трогательными замечаниями… Я умоляла его объяснить мне, в чем дело, а он

сделал вид, что просто не слышит меня. Симон и Ичиро отвезли его к фургону, и Делия отправилась с ним.

Неделю назад — в ночь на десятое июня — желание папы сбылось. Он умер во сне. Доктор Волюта сказал, что третий инфаркт доконал его. Папу кремировали, пепел в бронзовой урне покоится в земле, в Форест-Лауне… Что ж, как он хотел, так мы и сделали. Ну, а теперь, Эллери, осталось ответить всего лишь на один-единственный каверзный вопрос: кто убил его? И я хочу во что бы то ни стало получить ответ.

Эллери позвонил. Миссис Вильямс не появлялась. Тогда он извинился перед Лаурел и сам спустился вниз в небольшую прихожую. Там вместо своей экономки он обнаружил записку. В ней миссис Вильямс кратко сообщала, что решила нанести визит в ближайший супермаркет. Однако что касалось ее прямых обязанностей, упрекнуть ее было не в чем: на плите в кухне стоял свежеприготовленный кофе, рядом — большое блюдо с авокадо и беконом, в окружении румяных хрустящих хлебцев. Да, миссис Вильямс обладала редким даром предвидеть все. Эллери взял кофейник, блюдо и отправился с ними наверх.

— Как мило с вашей стороны! — сказала Лау-

рел с таким видом, словно за последнее время обычная любезность и обходительность стали чем-то редким и достойным удивления. Сначала она вежливо отказалась, но потом передумала и принялась за хлебцы, причем умудрилась уничтожить их целый десяток, один за другим, без перерыва. Три чашки кофе подверглись такой же участи.

— Вы знаете, я, оказывается, сегодня еще не завтракала.

— Я так и думал.

Наконец она расслабилась и сидела, уныло наморщив лоб, но на взгляд Эллери это было уже получше, чем прежнее застывшее выражение какой-то обреченной решимости. Наконец она продолжила свой рассказ.

— Я сотню раз с тех пор пыталась поговорить с Роджером, но он наотрез отказывался обсуждать содержание их беседы с отцом. Утверждал, что говорили о пустяках. Тогда я прямо высказала ему, в чем состоит его долг по отношению к покойному, с которым его всю жизнь связывали и дружба, и бизнес. Я заявила, что убеждена в том, что папу убили, причем убийца знал о папином больном сердце и специально довел его до инфаркта. Я потребовала сообщить мне содержание записки.

Он с невинным видом пожал плечами: «Какой записки?». Тогда я поняла, что ничего от него не добьюсь. Либо он насмерть перепуган, либо это его обычная манера любыми способами подавлять всех вокруг, держать всех в зависимости от себя и чувствовать от этого свое превосходство. Ясно одно — за всем этим кроется что-то очень серьезное, но Роджер намерен держать язык за зубами.

— Как вы думаете, а миссис Приам он доверяет больше, чем другим? — спросил Эллери.

— Роджер не доверяет никому, — мрачно ответила Лаурел. — Но если уж ему взбредет в голову открыть душу, то будьте уверены, доверенным лицом окажется кто угодно, только не Делия.

— Значит, супруги не ладят между собой?

— Я не говорила, что они не ладят.

— Так, значит, — ладят?

— Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом. Хорошо?

— Почему же, Лаурел?

— Потому что характер отношений Роджера и Делии не имеет никакого значения в данном случае, — ответила Лаурел очень серьезно. Но в то же время чувствовалось, что она чего-то недоговаривает. — Лично меня сейчас волнует

исключительно один вопрос: кто послал роковую записку моему отцу?

— Ну тогда скажите, какие отношения были между вашим отцом и Делией Приам?

— О Боже! — рассмеялась Лаурел. — Конечно, вы здесь приезжий… Нет, нет, что вы — между ними не было ничего такого. Это исключено. Я же говорила вам, что у отца, кроме меня, женщин не было.

— Ну тогда, может быть, они враждовали?

— Да что вы привязались к этой Делии? — не выдержала Лаурел.

— А почему вы так старательно избегаете разговора о ней?

— Да прекрасно они ладили между собой, папа и Делия! Мой папа со всеми умел найти общий язык…

— Видимо, не со всеми… — печально покачал головой Эллери. Лаурел бросила на него удивленный взгляд. — То есть я имел в виду — в том случае, если справедливы ваши предположения о преднамеренном убийстве. Или шантаже. Не вините полицию, Лаурел, что она оставила подобные предположения без внимания. Страх — опасное оружие, которое невозможно увидеть даже под микроскопом. Он не оставляет

отпечатков пальцев или стреляных гильз и является самым неблагодарным объектом для судебной экспертизы или лабораторного анализа. Где, собственно, полиции было взять законные основания для официального открытия дела? Записка… вот если бы вы могли предъявить эту записку, был бы совсем другой разговор. Но у вас ее нет…

— И вы туда же, об этой записке! — обиженная Лаурел готова была вскочить с места.

— Лаурел, не волнуйтесь, я отношусь к вашему рассказу с полным доверием. Просто я хочу объяснить вам, что обычные случаи требуют обычного подхода, к которому и привыкла полиция. Я имел в виду только это. Но мне, наоборот, по душе как раз что-нибудь позамысловатее и посложнее. Такое, где есть возможность пораскинуть мозгами и покопаться… Вот, например, я уже и откопал кое-что: не все так просто с Делией и Роджером Приамами. Какие-то нюансы вы скрываете, Лаурел.

— Да с чего вы взяли?

— А с того, что вы так старательно обходите некоторые моменты.

— Вовсе нет. Просто не хочу тратить время на не относящуюся к делу болтовню. А обсуждать

Делию и их супружеские отношения — и есть именно такая болтовня. Семейная жизнь Приамов и смерть моего отца — разные вещи.

Она закрыла глаза.

Эллери улыбнулся и задумчиво покачал головой.

— Да, у меня нет записки, — грустно кивнула девушка. — Вы в точности повторили сейчас слова, сказанные мне в полицейском управлении. Без записки или какой-либо другой улики они не могут начать следствия. Я просила Роджера обратиться в полицию и рассказать им хотя бы то, что ему известно. Но он расхохотался мне в лицо и посоветовал подлечить нервишки на приличном курорте Тихоокеанского побережья. В полиции мне предъявили результаты вскрытия и историю его болезни. То есть попросту вежливо послали подальше… Вы намерены сделать то же самое?

Эллери отвернулся к окну. Меньше всего на свете он был сейчас готов к тому, чтобы ввязаться в очередную историю с убийством человека. Но эта вот деталь — мертвая собака — казалась для его беспокойного ума слишком заманчивой. Почему именно мертвый пес в роли рокового посланца? Очень похоже, что в это вложен какой-то символический смысл… Ну а Эллери питал просто

невероятную слабость к преступникам с богатой фантазией и метафорическим мышлением! Если, конечно, за всем этим действительно скрывается преступление. Ведь Голливуд — такое игривое местечко, поди, разберись: что тут в шутку, а что всерьез. А шуточки у местных обитателей порой превосходят все мыслимые рамки человеческого поведения. По сравнению с некоторыми из них мертвая собака в роли посыльного — просто детские игры. Один чудак, которого Эллери знавал лично, держал скаковую лошадь в ванной. Другой умудрился за два дня сделать семьдесят шесть экстренных выпусков газеты. Почему, собственно, какому-нибудь еще умнику сдуру не послать ювелирному торговцу с больным сердцем только что сдохшее животное с запиской якобы от имени мафиозной группировки? Их ведь тут пруд пруди. Потом, конечно, до этого идиота могло дойти, что иногда не вредно слегка подумать, прежде чем делать что-нибудь… Да уж поздно было: объект неудачной шутки стал жертвой инфаркта… Видя столь неожиданные плоды своего не в меру резвого остроумия, шутник, естественно, уже был не на шутку растерян… А бедная больная и потрясенная жертва пригласила партнера посоветоваться. Может быть,

в записке угрожали зверской расправой, если какая-нибудь немыслимая диадема не окажется в положенный час — скажем, в полночь — в каком-нибудь премерзком гадком уголке на окраине города. И вот в течение трех часов партнеры обсуждают эти невероятные требования. Хилл, к примеру, мог испуганно утверждать, что разумнее пойти навстречу и удовлетворить бандитов. Приам же, естественно, лишь презрительно фыркал и уверял, что все это бред. В конце концов Приам удалился, а странное выражение, которое Лаурел истолковала как страх, было всего лишь гримасой досады на слабонервного Хилла. Легкомысленное отношение компаньона могло совсем подкосить Хилла, и его без того слабое сердце не выдержало… Вот и вся разгадка. Хотя все-таки кое над чем в этой истории стоит поломать голову. Но и полицию понять тоже можно. Ведь если особенно не вдаваться в подробности, то с первого взгляда заявления Лаурел смахивают на плод воспаленного воображения разбитой горем дочери. Конечно же, они отнесли все ее слова на счет расшатанных в результате несчастья нервов. Вот и все. А неврастения — еще не основание для начала следствия. Да, именно так полицейские и отнеслись к ней.

Эллери обернулся. Она сидела, закинув голову, и дым от сигареты в бессильно повисшей руке вился под потолком бесконечным знаком вопроса.

Эллери спросил:

— Вероятно, у вашего отца была масса заклятых врагов?

— Насколько я знаю — ни одного.

Такой ответ его удивил. И заинтересовал. Если бы это был бред, то он должен был быть красочно и убедительно оформлен. Она обрушила бы сейчас на него шквал имен, дат, мелких подробностей. Но она сказала — «ни одного»…

— Мой отец был очень располагающим к себе человеком. Мог поладить с любым. Он был добр к людям, а они — к нему. Можно даже считать, что фирма «Хилл и Приам» своим успехом была обязана именно характеру моего отца. Конечно, и у него случались срывы, как у любого нормального человека. Но я не помню, чтобы он хоть раз вызвал у кого-нибудь вспышку настоящего гнева. Даже у Роджера.

— Значит у вас нет ни малейших предположений — кому могла понадобиться эта нелепая… смерть от испуга? — спросил Эллери.

— По-моему, я напрасно пришла сюда, если вы

считаете мой рассказ нелепостью… — Лаурел Хилл резко вскочила на ноги, швырнула сигарету прямо в пепельницу и сказала:

— Простите. Я понапрасну отняла у вас время.

— Лаурел, понимаете, я рад был бы сам, но… Вы могли бы поискать заслуживающего доверия частного сыскного агента…

Она с улыбкой прервала его:

— Я сама займусь этим. Лично. И спасибо за авокадо…

— Лаурел, подождите!

Но она уже быстро шла к выходу.

Высокая стройная женщина загородила ей путь в дверях.

— Привет, Делия! — небрежно бросила Лаурел.

ГЛАВА II

Основываясь на скудных замечаниях, брошенных Лаурел по поводу Делии Приам, Эллери ожидал увидеть совершенно иную женщину. Он даже нарисовал себе ее портрет, пользуясь очень бедной палитрой — единственно доступной ему палитрой взглядов неопытной в психологии человеческих отношений юной Лаурел. Выходило, что муж Делии — старый хрыч и тиран, свирепый калека, под железную дудку которого пляшет весь дом. И что из этого следовало? Что его жена должна была быть этакой бесцветной тихоней, вечно испуганно жмущейся в уголок потемнее… унылой, ссохшейся раньше времени женщиной.

Однако особа, стоящая в дверях, была явно не из тех, на кого можно не глядя наступить, раздавить и забыть. Над этой женщиной явно нелегко было взять верх, а уж забыть — просто невозможно.

Она выглядела настолько моложе портрета, мысленно рисовавшегося Эллери, что только спустя много-много дней он понял, что ее юность — всего лишь кажущаяся. Один из ее обычных, однако волшебных трюков, при помощи которых

она производила впечатление на людей так же легко и естественно, как дышала. С течением времени он узнал, что ей сорок шесть лет, но даже тогда он понимал это только умом — физически ощущая ее возраст совсем иначе. Как если бы, он смотрел на прекрасное юное тело, а ему бы говорили, что этой античной статуе две тысячи лет…

И она действительно напоминала античную статую — сама воплощенная полунагая молодость, так что Эллери не мог не восхититься ею. Однако роскошь ее облика была сродни цветку, раскрывшему свой последний и самый прекрасный бутон незадолго до наступления холодов. Одна видимость юности, с которой ему уже не раз приходилось сталкиваться, особенно в Голливуде.

Одного взгляда оказалось достаточно Эллери, чтобы понять — Делия Приам была женщиной незаурядной. Она предстала перед ним в дверном проеме, словно на картине, и Эллери впервые мог созерцать совершенные пропорции. Она была одета в рыжевато-коричневую деревенскую блузу из какой-то легкой ткани и типичную для Калифорнии яркую, цветастую юбку. Ее густые черные волосы гладко зачесаны на один бок, на полинезийский манер. Ровные широкие золотые

кольца блестели в ушах. Голова, плечи, грудь, бедра — Эллери никак не мог решить, что больше восхищает его. Она все еще стояла в дверях, будто окутанная загадочным облаком. В воздухе вокруг нее ощущалась одновременно и расслабленность, и напряженность. Волнующая смесь осторожности и безрассудства.

Делия не была безумно красивой по голливудским стандартам, глаза слишком глубоко посажены, а блеск их чрезмерен. Брови слишком густые, губы полнее и краснее обычного, и во всем облике чувствовался избыток решительности и властности… Но именно эта избыточность и волновала — какая-то тропическая роскошь, сочность, блеск, томность и ленивая наглость. Увидеть ее впервые — было все равно, как первый раз в жизни войти в джунгли. Она полностью поглощала все ваше внимание, все чувства. Привлекала, восхищала и пугала одновременно. Эллери заметил, что старается подольше задержать в сознании звук ее голоса, напоминающий нежное ворчание сонной тигрицы в диких зарослях.

Первой связной мыслью Эллери было: «Роджер, старый козел, ты не мог не жениться на ней!». А второй: «Но чем, чем ты смог удержать ее?».

И только в его голове начала вызревать третья мысль, как вдруг он заметил язвительную усмешку на губах Лаурел Хилл.

Он тут же опомнился. Очевидно, Лаурел уже не в первый раз наблюдает подобную реакцию на появление Делии.

— Лаурел, видимо, уже… говорила вам обо мне, — произнесла она неожиданно настолько манерно и заискивающе, что Эллери поморщился, как от зубной боли. Но все-таки даже сейчас в ее голосе оставалось что-то от тигрицы в джунглях.

— Я всего лишь ответила на кое-какие вопросы мистера Куина, — с деланной непринужденностью обратилась к ней Лаурел. — Странно, что мое присутствие тут тебя совсем не удивляет.

— Я оставила свое удивление внизу, около твоего автомобиля, — отвечала Делия с такой же деланной непринужденностью. — А ты, Лаурел… кажется, вроде тоже не особенно удивлена моим появлением.

— Милая, когда дело касается тебя, я уже давно ничему не удивляюсь. — И они обменялись лучезарными улыбками.

Лаурел внезапно вернулась на свое место и схватила новую сигарету. Затем сказала:

— Не смущайтесь, Эллери. Делия всегда производит такое впечатление на мужчин, что они начисто забывают обо всех присутствующих поблизости женщинах.

— Ну что ты, Лаурел! — снисходительно усмехнулась Делия. Лаурел чиркнула спичкой.

— Будьте любезны, миссис Приам, проходите, присаживайтесь.

— Если я не ошибаюсь, Лаурел пришла сюда, чтобы…

Лаурел резко оборвала ее:

— Пришла, чтобы поговорить об этой собаке, Делия. И, конечно, о записке. А ты что, по тому же самому вопросу?

— Что за дурацкие предположения!

— Значит — да?

— Конечно — нет, милая моя. Я прочла о мистере Куине в газетах как раз в тот момент, когда меня весьма обеспокоила одна вещь.

— Сожалею, Делия. Наверное, я ошиблась.

— Мистер Куин, я загляну попозже.

— Миссис Приам, имеет ли эта обеспокоившая вас вещь отношение к смерти отца мисс Хилл?

— Я не знаю. Может быть.

— Ну, в таком случае мисс Хилл не будет возражать против вашего присутствия. Я вторично

приглашаю вас войти и присесть.

Она медленно прошествовала через комнату упругой походкой. Пока Эллери устанавливал для нее кресло, он смог рассмотреть Делию во всех подробностях. Когда она уселась, ее обнаженная спина оказалась так близко от Эллери, что он мог коснуться ее легким движением пальцев. И он чуть было не сделал этого.

А Делия, казалось, вообще не замечала его волнения и того впечатления, которое производила. Она разглядывала Эллери с ног до головы, словно манекен в витрине универмага. Видимо он не представлял для нее никакого интереса, не больше, чем манекен.

— Выпьете что-нибудь, миссис Приам?

— Делия не пьет, — все так же деланно непринужденным тоном вмешалась Лаурел. Два колечка дыма вырвались из ее ноздрей.

— Да-да, дорогая. Мистер Куин, вино слишком ударяет мне в голову.

«А ты никогда не позволишь чему-нибудь слишком вскружить тебе голову, если только это не входит в твои расчеты, — подумал Эллери… — И если только силой не влить пару глотков крепкого мартини в этот багровый рот!» Эллери сам изумился своим мыслям. Боже, замужняя жен-

щина, из порядочного круга, муж — инвалид, а он… Однако чего стоит одна ее упругая походка!

— Лаурел уже собиралась уходить. Знаете, я действительно заинтересовался ее рассказом. Но дело в том, что я здесь по делам чисто литературным, пишу книгу, а не…

Вырез на ее блузе мерно поднимался и опадал с каждым вздохом. Он встал и отошел к окну, так что ей пришлось повернуть голову в его сторону.

— Но если дело стоит того, чтобы потратить на него время, то я охотно, миссис Приам…

У Эллери возникло основательное подозрение, что никакой книжки он уже писать не будет. В ближайшее время, во всяком случае.

Рассказ Делии Приам с трудом проникал в сознание Эллери. Он изо всех сил старался сосредоточиться, но с ужасом замечал, что путается в деталях. В колыхании ее блузы. В манящих складках юбки, облегающей стройную талию Делии. В ее крупных, красивой формы руках, покоящихся на округлых чашечках колен, полуобхватив их. «О, Женщина с прекрасным телом…» возникли в нем слова древнего поэта. Да, словно живая античная… нет, статуя эпохи Возрождения. Чтобы взглянуть на нее, мертвец встал бы из могилы…

— Мистер Куин! Вы слушаете меня?

Эллери виновато спохватился:

— То есть, миссис Приам, вы имеете в виду тот самый день, когда Лендер Хилл нашел мертвую собаку?

— Да, в то же самое утро. Что-то вроде подарка. Иначе и не назовешь.

Лаурел так и застыла с сигаретой в руках:

— Делия! Ты не говорила, что Роджер тоже что-то получил!

— Он запретил мне сообщать кому бы то ни было. Но ты вынудила меня нарушить его запрет. Подняла такой шум вокруг мертвой собаки! Сначала в полиции, теперь вот здесь…

— Значит, все-таки ты, Делия, по тому же самому вопросу…

Женщина улыбнулась.

— Я не собиралась. Но заметила, как ты, Лаурел, ищешь фото и адрес мистера Куина в газете.

— Делия, ты просто прелесть! Никогда не знаешь, что от тебя ждать.

— Благодарю тебя, дорогая, — миссис Приам покоилась в кресле, как тигрица на вершине скалы, таинственно улыбаясь и тихо скаля зубы. Да-а, Эллери, ты, кажется, влип не на шутку…

— Значит, миссис Приам, ваш муж был напуган…

— Да, и с того дня он не перестает чего-то бояться. Он категорически отрицает это, однако если человек впадает в ярость, пытаясь убедить окружающих, что он совершенно спокоен, то все становится ясным само собой… Его что-то грызет изнутри, что-то глубоко личное… Это не похоже на Роджера. Обычно мне свойственны всякие терзания…

Как очаровательна! Бедняжка!

— Что было в коробке, миссис Приам?

— Понятия не имею.

— Мертвая собака! — выкрикнула Лаурел. — Еще одна мертвая собака. — Она сама в эту минуту была похожа на маленькую собачку, старательно пытающуюся взять след. Было забавно видеть, насколько жалкой выглядела она рядом с Делией Приам.

— Ну, если и собака, Лаурел, то совсем крошечная. Коробка была не больше футляра для карт.

— Никаких надписей? — спросил Эллери.

— Нет. Но на веревке, которой была обвязана коробка, болтался ярлык с надписью «Роджеру Приаму», сделанной черным мягким карандашом. — Она немного помолчала, повела роскошными плечами и спросила:

— Вы вообще слушаете, мистер Куин?

— Да-да, конечно, миссис Приам. Черным карандашом. Без адреса?

— Без. Только имя.

— И вы не знаете, что было в коробке? Даже не догадываетесь?

— Нет. Что бы там ни было, но содержимое буквально убило Роджера. Саму коробку обнаружил кто-то из прислуги, на пороге. И передал ее Альфреду.

— Альфреду?

— Ну… секретарю Роджера.

— Делия, правильно будет называть его… хотя бы напарником, не так ли? — пуская клубы дыма, иронически прищурилась Лаурел.

— Да, ты права, дорогая. Напарник, или компаньон, сиделка, помощник, секретарь — короче, человек на любой случай. Ведь мой муж, знаете, — инвалид…

— Да, Лаурел уже говорила мне. А не много ли обязанностей для одного человека, миссис Приам? Я говорю об Альфреде. Ладно, мы остановились на том, как этот мастер на все руки получил таинственную коробку. Отнес ее в комнату мистеру Приаму. А что потом? — Эллери не мог понять причины для веселья Лаурел. Она не то чтобы открыто смеялась… Но ее явно что-то

весьма забавляло. Делия же, казалось, не замечала ее веселости…

— Я как раз случайно оказалась в комнате Роджера, когда вошел Альфред. Мы не знали тогда… ну, о Лендере и его «подарке» в это утро. Альфред отдал коробку Роджеру, тот приподнял край крышки и заглянул внутрь. Сначала он был сердит, потом озадачен. Закрыл крышку и приказал мне удалиться. Альфред вышел следом, и мы услышали, как Роджер запер дверь. И больше я … не видела ни этой коробки, ни ее содержимого. Роджер не пожелал сообщить мне, что в ней было и что он с ней сделал. Вообще отказывается говорить на эту тему.

— А когда вы заметили в вашем муже признаки страха, миссис Приам?

— После его разговора с Лендером на следующий день. По дороге домой он уставился в окно, не проронив ни слова. И с тех пор его явно что-то беспокоит. Особенно плохо стало через неделю после смерти Лендера.

Выходит, содержимое коробки мало беспокоило Роджера, пока он не сравнил его с «подарком» Хиллу. Или не прочел записки, адресованной последнему. Если только Роджер сам не получил записки… Но тогда…

Эллери беспокойно расхаживал перед огромным окном, уже наполовину завешенным табачным дымом. И это в его годы — смех и только! — ввязываться в какую-то дурацкую историю, скорее просто розыгрыш, только потому, что солидная замужняя женщина имеет несчастье походить на всех райских птиц и тропических животных сразу… Надо же так влипнуть, думал сокрушенно Эллери.

Тут до него дошло, что за его волнением пристально следит пара женских глаз. Он выпустил клуб дыма, старательно напустил на себя деловой вид и придал голосу чисто профессиональные интонации: — Лендер Хилл получил странный подарок, а потом умер. Не боитесь ли вы, миссис Приам, что жизнь вашего мужа тоже в опасности?

Теперь уже весь облик Делии говорил о появлении некоторого интереса к Эллери. Он заметил, что радужная оболочка ее глаз была настолько прозрачна, что, когда на них падал свет из окна, она становилась почти невидимой. Как будто на него смотрела статуя без зрачков. Эллери почувствовал, как краска заливает ему лицо, и что это забавляет Делию. Ярость захлестнула его. Да пусть убирается со своим ненаглядным мужень-

ком и с его дурацкими страхами!

И тут Делия Приам сказала извиняющимся тоном:

— Лаурел, милая, ты не очень обидишься, если я поговорю с мистером Куином… наедине?

Девушка поднялась.

— Я подожду в саду, — сказала она, раздавила окурок в пепельнице и вышла.

Супруга Роджера Приама молча дождалась, когда хрупкая фигурка мисс Хилл покажется за окном в саду, среди махровых астр. Лаурел не смотрела в их сторону и вышагивала, хлопая кепкой по бедрам.

— Лаурел очень милая девушка, — заговорила Делия. — Но еще совсем ребенок, не так ли? Вот сейчас, например, она горит воинственным пылом и готова сражаться со всем мировым злом одновременно… И сразится, будьте уверены. Да, так вот насчет вашего вопроса, мистер Куин. Я хочу быть с вами совершенно откровенной. Мне попросту наплевать на судьбу моего мужа. И на его возможную смерть — тоже. Если случится что-нибудь в этом роде, у меня будет шанс изменить всю мою жизнь…

Эллери застыл, как вкопанный. Секунду она смотрела прямо на солнце, и ее глаза светились,

как два прозрачных минерала. Но во всем ее облике чувствовалась неподдельная искренность, никакого коварства… Через секунду она прикрыла глаза.

— Вы честны, миссис Приам, ничего не скажешь. Даже слишком.

— О, мистер Куин, мне было когда научиться бесстрашию, чтобы быть честной!

Эта правда, подумал Эллери.

— Я позволю себе быть еще откровеннее, — продолжала она. — Я не знаю, что точно успела рассказать вам Лаурел… Сообщила ли она, в чем именно состоит болезнь моего мужа?

— Она сказала, что он частично парализован.

— А какая именно часть тела парализована, она не уточнила?

— Какая часть? — переспросил Эллери.

— Значит, нет. Так вот, мистер Куин, мой муж парализован… — она быстро улыбнулась с вызывающим видом, — парализован от пояса и ниже — до кончиков пальцев.

Надо отдать ей должное — КАК удалось ей произнести эти слова. С такой смелой улыбкой. С улыбкой, говорящей: «Не надо меня жалеть».

— Я очень сочувствую… — начал Эллери.

— Я живу так уже пятнадцать лет.

Эллери промолчал. Она откинула голову на спинку кресла. Ее глаза были почти закрыты, а шея напряглась и выглядела совершенно беззащитно.

— Вам, наверно, интересно, к чему я все это рассказываю.

Эллери кивнул.

— Потому что вы иначе не сможете понять, зачем я обратилась к вам. Если сами сразу не поняли. Ведь не поняли?

— Не понял. Так почему вы обратились ко мне?

— Ради приличия.

Эллери оцепенел от неожиданности.

— Вы просите меня заняться выяснением возможной угрозы для жизни вашего супруга ради приличия, миссис Приам?!

— А что здесь удивительного?

— Ничего, ровным счетом ничего. Но кому бы пришла в голову подобная мысль!

Эллери подошел вплотную к Делии со спины, взял ее ладонь в свои. Она лежала в его руках — прохладна, таинственна и безвольна.

— Вы не знакомы с прозой жизни, — сказал он.

— Что вы имеете в виду?

— Этим рукам не знаком труд.

— Это плохо?

— Может быть. — Эллери положил ее ладонь обратно к ней на колени.

— Женщина вроде вас не имеет права связывать себя с фактически полумертвым мужчиной. Если бы он обладал ангельским нравом, или если бы вы очень любили друг друга — тогда другое дело. Но я не могу понять: ведь он груб, и вы ненавидите его… Почему вы, в таком случае, не распорядитесь своей жизнью как-нибудь иначе? Не разведетесь? Что, мешают религиозные соображения?

— Если бы я была молода, все было бы возможно. А сейчас… — Она покачала головой.

— Теперь уж что есть — то есть, и иного не будет. Видите, я ничего не скрываю.

На лице Эллери появилось выражение внутренней боли.

Она рассмеялась.

— Вы так любезны со старой женщиной, мистер Куин… Я серьезно! Знаете, я родом из старинной калифорнийской семьи католиков. Воспитана во всей строгости традиций. Хорошие манеры. Дуэньи, гувернантки — все как положено, на старинный манер. Гордость крови и рода. Но я никогда не относилась ко всей этой чепухе так

же серьезно, как мои родственники…

Моя мать вышла замуж за «еретика» из Новой Англии. Семья изгнала их, и это доконало мою мать. Она умерла, когда я была совсем крошкой. Я не знала родственников матери до ее смерти, мы не общались с ними. А потом они приказали моему отцу отдать меня им на воспитание. Растила меня тетка, этакая великосветская дама. Я вышла замуж за первого встречного, лишь бы уйти от них. Мужа мне выбрали не они — он был не в их вкусе, «американец», как и мой отец. И не любила я его нисколько. Но он имел деньги, мы же были бедны, а я хотела свободы. Мой брак навсегда отсек меня от моей семьи, моей церкви, моего мира. У меня есть девяностолетняя бабушка, она живет всего лишь в трех милях отсюда. Я не виделась с ней уже восемнадцать лет. Для нее я все равно что мертвая…

Делия болезненно повела головой из стороны в сторону.

— Харви умер через три года, оставив меня с ребенком на руках. Тогда я и встретила Роджера Приама. Мне не было пути назад, в семью матери, отец же в очередной раз развлекался, путешествуя где-то. И Роджеру удалось быстро увлечь меня. Я готова была пойти за ним куда угодно, на

край света, в ад… — Она горько рассмеялась. — И вот именно туда-то он меня и привел.

Вскоре я разобралась, что он за птица. А когда его разбил паралич, то тут я лишилась и последнего утешения в нашей с ним семейной жизни… Наступила страшная пустота, которую я попыталась заполнить, вернуться к своим — так сказать, корням… Это было нелегко, — почти прошептала Делия. — Мои родственники никогда не забывают подобных выходок и не прощают их. Но более молодое поколение оказалось не столь консервативным, его уже коснулись веяния современности. Мне, конечно же, во многом помогли… И теперь родные по материнской линии — это единственное, на что я могу опереться в жизни…

На ее лице вспыхнуло выражение горькой неудовлетворенности. Эллери был рад, когда оно наконец исчезло.

— Мои родные даже не подозревают, какую жизнь я веду в доме Роджера Приама. Стоит им узнать и меня вышвырнут без разговоров, откажут от дома. А если я расстанусь с Роджером, они тут же заявят, что я предала своего мужа. Женщины из высшего круга в Калифорнии никогда не разводятся, мистер Куин, какой бы муж ни был.

Вот я… и не развожусь.

Сейчас же что-то случилось, я толком не пойму — что. Если бы Лаурел держала язык за зубами, я бы и пальцем не пошевельнула. Но постоянные толки о предполагаемом убийстве создают вокруг нас атмосферу излишнего внимания и любопытства, могут возникнуть подозрения и жизнь моя окажется под ударом. Рано или поздно газеты ухватятся за эту тему — странно, что они до сих пор этого не сделали! — и тогда всплывет тот факт, что над жизнью Роджера тоже нависла угроза. Не могу же я — если я добропорядочная жена — сидеть сложа руки и дожидаться, пока события примут для моего супруга роковой оборот. От меня ожидают, что я буду вести себя самоотверженно, как полагается верной жене. Вот я и веду себя так. Мистер Куин, я умоляю вас действовать так, как будто я безумно обеспокоена безопасностью супруга, — Делия Приам повела роскошными плечами, — или все это для вас слишком хлопотно?

— Знаете, для меня, конечно, было бы гораздо проще умыть руки и поискать себе более спокойное местечко для работы над задуманной книгой, — ответил Эллери.

— Понятно. А я — одно из порождений этого

беспокойного места, — она бросила взгляд на расстилавшийся внизу город. Фигурка Лаурел маячила в углу сада. — Я не считаю себя частью пустого маскарада, так характерного для моего родного Голливуда, для его фальшивой суеты, мерцающей там, внизу. Но я плоть от плоти этих холмов, фруктовых садов, старинных особняков в староиспанском католическом стиле… Впрочем, это неважно. Есть еще один повод для моего появления здесь. И он не имеет ничего общего ни со мной, ни с моими родными, ни даже с милой моему сердцу романтикой Южной Калифорнии.

— Что же это за повод, миссис Приам?

— Роджер никогда не позволил бы мне прийти к вам. Он очень свирепый человек, мистер Куин. Вы не … вы не можете… не в состоянии представить себе, как он дьявольски самолюбив и как он умеет давить и угнетать всех вокруг, как он любит … обожает это делать. Иногда мне кажется, что я замужем за маньяком.

Она закрыла глаза. В комнате стояла полная тишина. Было лишь слышно, как внизу в кухне миссис Вильямс жалуется большому золотистому попугаю в клетке над раковиной на немыслимые цены на кофе. Вдали, над Вильширом невидимая рука вывела по небу огромными буквами «Мюнц-

ТВ». Эллери случайно задел локтем заброшенную пишущую машинку.

И тут он остро осознал, что помимо всего знакомого и привычного, здесь еще находилась она — воплощение знойных тропических джунглей, колыхающихся в складках батиста и цветного шелка. И его безликий, типичный для Голливуда дом никогда не будет больше таким, как сейчас, если не будет ее… Эллери терял самообладание от одной только возможности сидеть вот так и смотреть на нее, полулежащую в его простом кресле. И мысль, что неизбежен момент, когда кресло окажется пустым, приводила его в отчаяние.

— Миссис Приам.

— Да?

— Почему вы… — Эллери старался не думать о Роджере Приаме, — почему вы не захотели, чтобы Лаурел Хилл слышала наш разговор?

Женщина открыла глаза.

— Я могу, образно выражаясь, раздеться перед мужчиной, — медленно проговорила она, — но я всегда держу определенную дистанцию с женщинами.

Она произнесла эти слова очень непринужденно, но горячая волна захлестнула Эллери и заклокотала у самого горла.

Он резко отвернулся и сказал:
— Ведите меня к вашему мужу.

ГЛАВА III

Когда они появились на пороге дома, Лаурел любезно спросила:

— Ну, как, Эллери, обоюдовыгодный контракт уже заключен? А может быть, вы еще только собираетесь его заключить? Тогда с которой из нас? Хотя, видимо, мой вопрос неуместен, и мне не следует совать нос куда не следует?

— Причем здесь контракт! — оборвал ее бурный монолог Эллери, при этом краска залила его лицо.

— Никакого контракта, Лаурел. Я просто хочу ближе познакомиться с обстоятельствами дела, а там посмотрим.

— Ну и само собой разумеется, что ваше пристальное внимание в первую очередь привлек дом Роджера Приама, а не Лендера Хилла?

— Да.

— В таком случае, раз уж мы совершенно случайно — ведь правда случайно, Делия? — оказались вместе, то вы не будете возражать, если я составлю вам компанию?

— Пожалуйста, дорогая, — ответила Делия. —

Но я убедительно прошу тебя избегать стычек с Роджером. Он всегда потом отыгрывается на мне.

— Делия, да ведь он все равно… ты что же, предполагаешь, что он с восторгом примет новость, что ты притащила в дом сыщика?

— Это верно, — сокрушенно вздохнула Делия. Потом ее лицо просветлело.

— Послушай, Лаурел, пусть будет так, будто это ты его привела. Ладно? Ты ведь не против? Я понимаю, это не совсем порядочно с моей стороны, но ведь мне жить с ним! К тому же ты действительно первая обратилась к мистеру Куину.

— Ладно, — махнула рукой Лаурел. — Ты появишься там первая. Поезжай через Франклин и Аутпоуст, а я поеду кружным путем, через Кайенгу и Мильхолланд. Значит, будем считать, что ты отлучилась за покупками, так?

Делия Приам рассмеялась в ответ, села в новый кадиллак кремового цвета и тронулась по направлению к городу.

— Я, конечно, не могу взамен предоставить вам равноценный экипаж, — секунду спустя вздохнула Лаурел. Эллери недоуменно посмотрел на нее. Тогда девушка указала на распахнутую дверцу своего крошечного зеленого остина.

— И машина, и водитель — совсем не то, правда, Эллери? Трудно было бы представить Делию за рулем такого вот автомобильчика. Все равно что царицу Савскую в байдарке —…Садитесь.

— Эта Делия Приам… необычный тип женщины, — рассеянно заметил Эллери, когда машина тронулась с места.

— Что касается прилагательного — то да, действительно необычный, — усмехнулась Лаурел. — А вот насчет существительных вы не правы. Делия единственная в своем роде и ни к какому типу женщин ее отнести нельзя.

— Она производит впечатление такой честной и искренней!

— Неужели?

— Мне так показалось. А что вы думаете на этот счет, Лаурел?

— Неважно.

— Что ж, ваш ответ говорит сам за себя.

— А вот и не так. Но если вам хочется вникать во все, то я отвечу: вы никогда не узнаете, что на самом деле творится в душе Делии Приам. Она, действительно, не лжет. Но и не говорит правду. Всегда что-то оставляет про себя, недосказанное, на что вы наткнетесь позже, гораздо позже. Если вообще посчастливится наткнуться. И больше

я ничего вам про Делию не скажу, потому что вы все сказанное обернете против… нет, не ее. Против меня. Делия всегда ведет очень крупную игру и делает это мастерски, куда уж мне. О содержании вашей уединенной беседы спрашивать, полагаю, бесполезно?

— Эй, полегче! — взмолился Эллери, хватаясь за шляпу. — Еще один такой вираж, и мои колени раздробят мне челюсть!

— Лаурел, будь умницей, — громко сказала Лаурел и влилась в поток машин на Фриуэйбаунд.

Через некоторое время Эллери спросил, не глядя на устремленный вперед профиль девушки:

— Вы как-то сказали насчет Роджера Приама, что «никогда» не покидает свое инвалидное кресло на колесах. Это буквально?

— Буквально. Никогда. Неужели Делия ничего не рассказывала вам о его кресле?

— Нет.

— О, это презанимательнейшая штуковина. Некоторое время после инсульта Роджер пользовался обычным инвалидным креслом-коляской. Но его необходимо было сажать в него и вынимать оттуда. Папа рассказывал мне об этом. Ну, а наш Роджер — Львиное Сердце терпеть не может, если он хоть в чем-то зависит от окружающих.

Поэтому он сконструировал для себя особое, специальное кресло.

— Интересно, он что, умудрился придумать кресло, само перекладывающее его на кровать и обратно? Вероятно, при помощи рычагов?

— Нет. Кресло само превращается в кровать.

Эллери так и застыл от изумления.

— Он спит в нем, ест, работает — короче, делает буквально все. Кабинет, спальня, гостиная и столовая в одной-единственной конструкции. Вот это вещь! С одной стороны кресла выдвигается небольшая полка, которую можно повернуть и передвинуть в любом направлении. Он ест на ней, готовит себе коктейли и все остальное… Под полкой устроено помещение для ножей, салфеток, ликеров и прочих мелочей. По другую сторону — такая же полка, на ней помещается пишущая машинка, хорошо укрепленная, чтобы не упасть при поворотах. Под ней — место для бумаги, копирки, карандашей и Бог знает чего еще. Кресло оборудовано двумя висячими телефонами: обычная связь и частная линия с нашим домом. Есть еще звонок в комнату Уоллеса.

— Кто это — Уоллес?

— Альфред Уоллес, его секретарь-компаньон. — Лаурел нахмурилась. — В общем, все кресло

напичкано всякими ящичками и приспособлениями на любой, самый немыслимый случай. Журналы, сигары, очки для чтения, зубная щетка… Есть все, что может вдруг понадобиться человеку. Кресло устроено так, что спинка его опускается, а подножие поднимается: получается постель. Конечно, он все-таки нуждается в помощи Альфреда. Вместо ванны тот протирает его мокрой губкой, одевает, раздевает и все прочее. Но Роджер постарался устроить все так, чтобы обходиться минимумом чужой помощи и справляться со всем самостоятельно. Всякая поддержка вызывает у него ненависть. Я вчера была у него, а его пишущая машинка как раз находилась в ремонте в городе. Поэтому он был вынужден диктовать Альфреду. И Роджер из-за этого так бесился, что даже Альфред не выдержал. Если Роджер в ужасном настроении, он действительно отвратителен… Простите, если я заболталась, но я думала — вам интересно.

— Что-что?

— Вы не слушаете меня.

— Слушаю. Хотя и вполуха.

Они находились на Миллхоланд Драйв. Эллери вцепился в дверцу остина, пока машину круто бросало из стороны в сторону на многочислен-

ных ухабах и поворотах дороги.

— Лаурел, скажите, кто наследует состояние вашего отца? Кроме вас?

— Никто. Больше никого нет.

— И Приаму он ничего не оставил.

— С какой стати? Роджер и папа были равноправными партнерами. Небольшая сумма наличными завещана сотрудникам и работникам в доме. Все остальное переходит ко мне. Следовательно, Эллери, — заявила Лаурел, приземляясь на очередном повороте, — основные подозрения падают на меня.

— Да, — коротко бросил Эллери. — К тому же вы новый партнер Роджера Приама. Ведь так?

— Мое положение еще не совсем ясно. Адвокаты сейчас как раз разбираются. Конечно, я ничего не смыслю в торговле, да и не хочу ничего об этом знать. Но Роджеру не удастся обвести меня вокруг пальца, если вы это имели в виду. Мои интересы защищает одна из крупнейших юридических фирм Лос-Анджелеса. Во всяком случае я, к своему удивлению, не могу пожаловаться на поведение Роджера. Может быть, смерть папы оказалась для него большим ударом, чем он ожидал… ну и заставила его осознать, как много папа значил для фирмы и как мало — он сам. Что касается дел,

так беспокоиться не о чем. У папы был хорошо обученный сотрудник, мистер Фосс, который готов вести дела самостоятельно. Он так и делал в случае папиной болезни или отсутствия. Но дела фирмы меня сейчас не очень волнуют. У меня на повестке дня один, самый главный вопрос. И вы знаете — какой. Если вы не захотите мне помочь ответить на него — я и сама справлюсь.

— Неужели вы до такой степени любили Лендера Хилла?

— Да!

— А может быть, вы в большей степени боитесь, что подозрения падут на вас?

Маленькие ладони Лаурел впились в руль, потом ослабли.

— Эллери, это же бред! — усмехнулась она. — Я упомянула об этом своем опасении чисто умозрительно. А вот и дом Роджера.

К дому вела своя особая дорога. Здание из темного тесаного камня и почерневшего дерева казалось врезанным в склон холма и наполовину терялось в сумраке толстых деревьев, вплотную подступавших к нему. Лес практически начинался от самого порога: плакучие сикаморы, вязы и эвкалипты. Первым впечатлением Эллери было, что участок заброшен. Но потом он заметил следы

как старой, так и совсем недавней обрезки деревьев около дома. Он понял, что здесь сознательно стараются создать виды естественной, дикой природы. Беспорядочный ковер из опавших листьев и сучьев не убирался явно намеренно. Все здесь внушало ощущение тайны и мрака. Приам, видимо, основательно окопался на склоне холма и закрылся деревьями от всего мира. Каков же должен быть человек, избегающий солнечного света?

Окрестности скорее подошли бы для заброшенной охотничьей сторожки, чем для богатого жилого дома в Голливуде. Большая часть его была полностью недоступна взглядам проезжающих по главной дороге. Обычный пригородный уголок Южной Калифорнии превратился в дикую лощину словно где-нибудь в Северной Шотландии. Лаурел объяснила Эллери, что участок Приама простирается на четыре-пять акров вверх по холму и весь выглядит подобным образом.

— Джунгли, — пробормотал себе под нос Эллери, пока Лаурел ставила машину на стоянку. Кремового кадиллака нигде не было заметно.

— Этот дом напоминает мне свирепого дикого вепря, который иногда мелькнет сквозь чащу и исчезнет, — сказала Лаурел.

— Но и платить ему за это удовольствие приходится соответственно, не так ли? В счетах за электричество у него должны стоять просто астрономические цифры.

— Еще бы! В доме нет ни одной светлой комнаты. Когда ему хочется — не скажу больше света — но поменьше темноты, он выкатывается вон на ту террасу, на свежий воздух.

С одной стороны дома виднелась огромная веранда, наполовину скрытая под крышей, а наполовину — под кронами двух гигантских вязов, сквозь которые едва проникало солнце.

— Его комната выходит прямо на эту террасу, через стеклянные двери. Но мы пойдем с главного входа. Роджер не очень жалует людей, бесцеремонно вторгающихся в его святая святых. В доме Приама принято сначала докладывать о посетителях.

— Отчего же Делия Приам ничего не сообщила об особенных порядках в ее доме, — спросил Эллери.

— А кто сказал, что это ее дом? — вопросом на вопрос ответила Лаурел.

Их встретила традиционно для служанок одетая горничная, страдающая нервным тиком.

— А, мисс Хилл, — неприветливо кивнула

она. — Не думаю, чтобы мистер Приам… Он сейчас занят, диктует мистеру Уоллесу. Лучше бы вам…

— А миссис Приам у себя, Магз?

— Она только что вернулась из города, мисс Хилл. Сейчас наверху, в своей комнате. Сказала, что очень устала и чтобы ее не беспокоили.

— Бедняжка Делия, — вздохнула Лаурел. — Как будет разочарован мистер Куин! Передайте мистеру Приаму, что я хочу его видеть.

— Но, мисс Хилл…

Сдавленный вопль ярости заставил горничную прерваться. Она в панике бросила взгляд через плечо.

— Спокойно, Магси. Я возьму удар на себя. Вперед, Эллери!

— Интересно, отчего она… — забормотал Эллери, увлекаемый Лаурел вверх по лестнице.

— Никогда не задавайте вопросы, если дело касается Делии, — наставительно сказала Лаурел.

Дом оказался еще мрачнее, чем ожидал Эллери. Они проследовали мимо ряда угрюмых комнат, выходивших в холл, обшитый темными деревянными панелями, тяжелыми и безрадостными, с мрачными портьерами и громоздкой, неудобной на вид мебелью. Этот дом удивительно подходил

для жестоких и страшных тайн.

Свирепый рев перешел теперь в глухое рычание.

— А мне начхать, что мистер Хилл собирался делать с этим счетом, Фосс! Мистер Хилл сейчас заперт в уютной урне в Форест-Лаун и никак не может осчастливить нас своими драгоценными советами… Нет, я не буду ждать ни секунды, Фосс! Я здесь хозяин, и вы обязаны либо выполнять мои приказы, либо выметаться вон!

Лаурел сжала зубы. Подняла кулак и забарабанила в дверь.

— Кого еще там принесло, Альфред! Фосс, вы слышите?

Дверь открылась, из-за нее выскользнул мужчина и сразу же захлопнул дверь за собой, не отпуская ручки.

— Подходящий момент вы выбрали для визитов, Лаурел, ничего не скажешь! Он звонит в контору.

— Я слышу, — махнула рукой Лаурел. — Вот мистер Куин. Мистер Уоллес. Его должны были бы звать Джоуб[2], но он — Альфред. Я зову его

---

[2] СНОСКИ: 2

Джоуб, — Job — (англ.) — Иов, библейский персонаж, жизнь которого была полна трудов и лишений. Символ терпения. В конце концов Бог вознаградил его. (Прим. переводчика)

«универсальный Альфред». Сверхполезный человек. Само благоразумие и выдержка. Никаких промахов. Посторонитесь, Альфред. У меня дело к моему партнеру.

— Лучше дайте мне сначала подготовить его, — усмехнулся Альфред и проскользнул обратно в комнату, бросив быстрый взгляд на Эллери. Когда дверь за ним захлопнулась, Эллери бережно потер свою правую ладонь. Она онемела от крепкого рукопожатия Альфреда, когда Лаурел представила их друг другу на скорую руку.

— Вы удивлены? — прошептала она.

Эллери был удивлен. Он ожидал встретить тщедушного угодливого человечка. Вместо этого Альфред оказался огромным мужчиной, мощного телосложения с правильными, довольно крупными чертами лица, густыми седыми волосами, загорелым и сдержанным в манерах. Его голос обладал силой и звучностью, в нем чувствовалась глубина мысли и легкое… превосходство? Что бы это ни было, но оно создавало смутное ощущение, тревожащее, но слишком слабое, что бы раздражать или возмущать. С первого взгляда Эллери охарактеризовал его как тип, подходящий для съемок сцены в гостиной из жизни высшего света. Но в следующее мгновение ему уже так не

казалось: разворот плеч Альфреда был совсем домашним и провинциальным, не голливудским. И пиджак казался надетым с чужого плеча!

Эллери сказал:

— Вот вам достойный противник, Лаурел, с которым вы вряд ли совладаете, даже при вашей напористости. Сильная натура. Видно, что умен как черт, при этом полное самообладание.

— Староват, где ему против меня, — небрежно бросила Лаурел.

— Ему не больше пятидесяти пяти. А на вид не дашь и сорока пяти, вот если бы только не седина…

— Альфред был бы слишком стар для меня, даже если бы ему было только двадцать. Такой тип характера… Ну что, Альфред? Буду я вынуждена прибегнуть к помощи мистера Куина, чтобы убрать вас с дороги, или сегодня Великий Визирь сам будет милостив?

Альфред Уоллес улыбнулся и пригласил их войти.

Мужчина, только что оравший в телефонную трубку, а теперь свирепо разъезжающий на кресле по комнате, как моторист на лесозаготовках, был воистину безмерным созданием. Каждая часть его тела была чудовищно раздута, он ка-

зался воплощением всего чрезмерного. Глаза буйвола полыхали над скулами, словно высеченными из камня. Вместо носа торчало нечто массивное и свирепое, а чудовищная черная борода клоками падала на грудь. Огромные ручищи яростно орудовали рычагами кресла, а рукава рубашки трещали по швам. Гигантская человеческая машина находилась в непрерывном движении, как будто энергия сама вырывалась из Роджера, как пар из кипящего котла. Рядом с этим чудовищным торсом крепкая фигура Альфреда Уоллеса казалась почти детской. А уж Эллери и подавно чувствовал себя рахитичным ничтожеством.

Но вниз от пояса Роджер Приам был совершенно мертв. Колосс на глиняных ногах. Фундаментом этой свирепой громадине служили высохшие кости, обтянутые тонкой пленкой истаявших мышц. Он был одет и обут. Эллери старался не думать о том, какой адский труд дважды в день надо приложить, чтобы переодеть его. Из-под брючин торчали лодыжки — две морщинистых палки, а колени беспомощно и неестественно выворачивались наружу, подобно двум концам потолочной балки, пробитой молнией.

Эллери подумал, что все несоразмерности его

облика легко объяснимы: торс развился сверх всякой меры, потому что простейшее действие требовало в данной ситуации невероятных усилий. Бороде позволялось расти как придется, чтобы избежать ежедневной утомительной процедуры бритья. Его бешеные манеры выражали злобу на судьбу, сыгравшую с ним такую жестокую шутку. А вечное беспокойство — признак постоянного отчаяния, оттого, что он пожизненно прикован к креслу в четырех стенах. Но несмотря на подобные простые причины, что-то в его характере оставалось необъяснимым… Лютая свирепость — жуткая сила, жуткие эмоции, жуткая реакция на людей и любые препятствия в жизни… эта лютость, казалось, была заложена в его характере изначально. Эллери подозревал, что даже если убрать все побочные тяжелые обстоятельства, свирепость все равно кипела бы в нем. Должно быть, он был таким уже в утробе матери — дикий зверь по самой своей природе. И несчастье, происшедшее с ним, дало простор для развития подобных свойств его натуры.

— Лаурел? Чего тебе? А это кто? — встретил он их угрожающим басом, извергающимся из его груди подобно раскаленной лаве. Он весь еще клокотал от гнева после разговора со злополуч-

ным Фоссом. В глазах горела ненависть.

— Что ты уставилась на меня? Ты будешь отвечать, когда тебя спрашивают, или нет?

— Это Эллери Куин.

— Кто-кто?

Лаурел повторила имя Эллери.

— Не знаю такого. Чего ему надо? — Эллери достался свирепый взгляд. — Ну так чего же, а?

— Мистер Приам, — раздался от дверей спокойный голос Альфреда Уоллеса, — Эллери Куин — знаменитый писатель.

— Писа-а-атель?

— А также частный детектив — сыщик, — мистер Приам.

Губы Приама свирепо надулись, так что борода встала торчком, а огромные ладони инстинктивно сжались в кулаки.

— Я же говорила вам, Роджер, что я этого так не оставлю, — ровным голосом произнесла Лаурел. — Моего отца убили. На это должны были быть причины. И каковы бы эти причины ни оказались, вы тоже замешаны в этом, как и папа. Я пригласила Эллери Куина расследовать это дело, и он изъявил желание встретиться с вами.

— Ах он изъявил желание, надо же! — В голосе Роджера послышались раскаты грома, глаза

угрожающе загорелись. Убирайтесь вон, мистер! Встречайтесь с кем-нибудь другим!

— Во-первых, мистер Приам, — заговорил Эллери, — я хотел бы спросить…

— Я отвечаю — нет, — сверкая глазами и зубами в дебрях бороды, рявкнул Роджер Приам. — Чего желаете во-вторых?

— Мистер Приам… — все так же терпеливо попытался продолжить Эллери.

— Без толку, мистер. Плевать я хотел на ваши вопросы. И вот что я тебе скажу, Лаурел, — его правый кулак с грохотом опустился на ручку кресла. — Что ты суешь во все свой проклятый нос? Это не твоего ума дело, ясно? А моего. И я чего захочу, то и буду делать, и в указчиках не нуждаюсь. Заруби это себе на носу!

— А вы, видно здорово струсили, Роджер, — отвечала ему Лаурел Хилл.

Приам приподнял свой кулачище, глаза его медленно закипели. Словесная лава уже клокотала у него в глотке.

— Я стр-р-русил? Чего, спрашивается? Какого-то призрака, тени? Ты что же меня, за второго Лендера Хилла принимаешь? За сопливую нюню? Что я как он, сразу в штаны наложу от страха? Не боюсь я никаких привидений, а он как родился

тряпкой, так и концы отдал…

Лаурел с размаху врезала ему кулаком по щеке. Он мгновенно вскинул левую руку и отшвырнул ее прочь. Девушка пролетела почти через всю комнату и рухнула в объятия Альфреда.

— Пустите меня, — шипела она, вырываясь, — да пустите же!

— Лаурел, — окликнул ее Эллери.

Она остановилась, тяжело дыша. Уоллес молча выпустил ее.

Лаурел повернулась и вышла из комнаты.

— Ишь ты, — струсил — передразнил ее Роджер. На щеке у него проступило красное пятно. Он бросил ей вслед:

— Думаешь, струсил? Ну так кое-кому придется убедиться, что мой пыл не остывает с первым же ударом! Струсил, надо же… Это я-то! Да будь я проклят, если не смогу… Да в любое время дня и ночи! Да пусть он только попробует сунуться ко мне! Я дам ему отведать моих кулаков — хоть живому, хоть мертвому! — И он свирепо сжал огромные кулачищи.

— Роджер. В чем дело?

В дверях стояла она. Она успела уже переодеться в домашнее платье из золотистого шелка, облегавшее ее фигуру с нежным трепетом лю-

бовника. От колен шел разрез. Она переводила холодный взгляд с Эллери на мужа и обратно.

Уоллес вытаращил глаза. Казалось, он не скрывал своего восхищения ее видом.

— Кто этот человек?

— Никто. Неважно, Делия. Тебя это не касается. — Приам уставился на Эллери. — Эй, ты! Пошел вон.

Она молча повернулась и отошла к двери, на террасу, всем своим видом показывая, что они с Эллери незнакомы. Такое поведение должно было бы обрадовать его своим благоразумием. Вместо этого Эллери почему-то почувствовал раздражение и досаду. Но почему — он и сам не отдавал себе отчета. Господи, да — «что он Гекубе» Хотя и подросток бы давно уже понял — «что ему Гекуба» [3] … Он был огорчен и растерян. И в то же время мучился вопросом, так же ли парализует она сознание других мужчин, смотрящих на нее…

Уоллес стоял, откровенно довольный собой и наблюдаемым зрелищем, как посетитель те-

---

[3] СНОСКИ: 3

Гекуба — персонаж древнегреческой эпической поэмы «Илиада» — жена троянского царя Приама… Ее образ используется в классической литературе как олицетворение беспредельной скорби и отчаяния (прим. ред.)

атра, уловивший забавный момент, который ускользнул от внимания остальной аудитории, но слишком хорошо воспитанный, чтобы вслух рассмеяться. Она же смотрела на своего мужа совершенно безразлично, без тени страха или другого какого-либо чувства.

— Чего вы дожидаетесь? — заревел опять Приам. — Вы тут не требуетесь. Убирайтесь!

— Я вот все никак не могу решить для себя, — задумчиво произнес Эллери. — То ли вы просто трепло — то ли набитый дурак.

У Приама затряслась борода. Его гнев, всегда готовый прорваться наружу, опять вспыхнул с новой силой. Эллери же мысленно поздравил себя с небольшим успехом. Да, Приам чего-то явно опасается. Уоллес — молчаливый, предупредительный, готовый к услугам Уоллес — также замечает это. И Делия Приам тоже, судя по улыбке, мелькнувшей у нее на губах.

— Альфред! Если этот тип еще раз сюда сунется, вышвырни его вон!

Эллери не успел даже бросить взгляд на свои руки, как почувствовал, что ладони Альфреда крепко сжимают его запястья.

— Боюсь, мистер Куин, что я вынужден буду подчиниться приказу, — пробормотал он.

Компаньон Роджера держал Эллери мертвой хваткой. Приам усмехался премерзкой, действующей на нервы усмешкой. А женщина — этот живой кусочек джунглей — молча наблюдала за происходящим… Тогда, неожиданно для самого себя Эллери почувствовал, как его захлестывает волна холодного бешенства и он почти теряет сознание. Когда же он пришел в себя, Альфред уже лежал на полу, со стоном потирая свое плечо и глядя на Эллери снизу вверх. Он не был сердит — только удивлен.

— Славный прием, — сказал он. — Я запомню его.

Эллери вытащил сигарету, помял ее и сказал:

— Теперь я понял, мистер Приам. Вы и трепло и набитый дурак одновременно. — И обернулся. У двери на террасу никого не было…

Эллери невероятно злился на себя. Так потерять всякое самообладание! А ведь первое и золотое правило, усвоенное им еще от отца, — держи себя в руках. И при всей этой безобразной сцене присутствовала она! Видела, как Уоллес взлетел в воздух. Как скривился Приам. Наверно, это лишит ее душевного равновесия на целую неделю…

Когда он шел через холл, то поймал себя на том, что повсюду ищет ее глазами. Помещение было

слишком темным, и она могла оказаться в любом углу, теряющемся во мраке. Стоять, полуприкрыв глаза, но все равно замечая все на свете…

Однако холл был совершенно пуст.

О, этот разрез от колен! Эта женская уловка древнее египетских пирамид. А чего древнее, спрашивается тогда, его мужская глупость? Она, скорее всего, берет свое начало от сотворения мира…

Но тут он вспомнил, что Делия Приам принадлежит к высшему обществу, а он сейчас вел себя как пылкий неуравновешенный мальчишка. И Эллери с грохотом захлопнул за собой парадную дверь.

Лаурел ждала его в своем остине. Она была очень бледна и судорожно курила. Эллери рухнул на сиденье рядом с ней и простонал:

— Ну, чего же мы еще ждем?

— Он сегодня просто вне себя, Эллери, — возбужденно заговорила Лаурел. — Сам не свой! Уже не раз я наблюдала, как он вот так ревет и мечется по комнате, но сегодня просто совсем ни на что не похоже! Нечто невероятное. Я рада, что привезла вас именно сегодня. Какие теперь у вас планы?

— Добраться домой. Если вы не можете меня подбросить, то поймайте мне такси.

Она заколебалась.

— Ну, а как насчет расследования? Вы беретесь?

— Я не могу позволить себе тратить время на безумных идиотов.

— То есть на меня?!

— Да нет, я не имел в виду вас.

— Но ведь уже так много удалось выяснить! — начала убеждать его Лаурел. — Ведь он признался! Вы слышали, он сказал — «призрак», «тень», «он»... И еще — «кое-кому придется убедиться»... Я слышала, когда выходила. Как это по-вашему? Мало? Теперь вы видите, что это не просто мой бред. Роджер явно считает, что кто-то напугал папу до смерти. И даже более — он наверняка знает, что означала мертвая собака...

— Необязательно, — устало возразил Эллери. — Вы совершаете ошибку всех непрофессионалов. Торопитесь с выводами. Вцепились в этого Приама, а он и ухом не ведет. Ему на вас плевать.

— А кто ведет? А кому не плевать? Делии? — возмутилась Лаурел.

— Делии? То есть миссис Приам? А что с Делией?

— Знаете что, оставим-ка Делию в покое, — буркнула Лаурел. — Вместе с универсальным

Альфредом. Делия кому хочешь голову заморочит. Вот и вам…

— Ну и что с того? — в свою очередь возмутился Эллери. — Да, я не отрицаю, что она обладает определенной привлекательностью… даже для меня. Только слишком уж вызывающе выглядит. — Он изо всех сил старался не смотреть на окна второго этажа, где наверняка располагалась ее спальня. — Лаурел, мы не можем больше торчать здесь, в машине, прямо посреди дороги, как пара заблудившихся туристов. — Он должен увидеть ее хотя бы еще один раз! Просто увидеть…

Лаурел посмотрела на него долгим и странным взглядом и тронулась с места. Медленно свернула налево, на шоссе.

Эллери сидел, обхватив руками колени. У него было такое чувство, как будто он непоправимо теряет что-то дорогое с каждым оборотом колес остина. А тут, совсем рядом, сидит Лаурел и пристально смотрит в лобовое стекло. Маленькая упрямая чудачка. И ей, наверное, еще более тошно, чем ему сейчас. Эллери внезапно почувствовал, как его сердце сжало сострадание. И он спросил:

— Что вы собираетесь предпринимать дальше, Лаурел?

— Буду по-прежнему копаться во всей этой истории. До самого конца.

— Неужели вы рассчитываете справиться сама?

— Не надо так жалостливо говорить со мной. Я справлюсь.

— Тогда я скажу вам, что собираюсь предпринять я. Она с интересом обернулась в его сторону.

— Я помогу вам с этой запиской. Ну, пока вы не заимеете на руках что-нибудь существенное, чтобы дальше действовать самостоятельно. Или обратиться в полицию. Если получится.

— Что вы имеете в виду? — Она резко затормозила.

— Я имею в виду записку, которую ваш отец нашел в серебряной коробочке на ошейнике. Вы убеждены, что он уничтожил ее?

— Я же говорила вам, что безуспешно разыскивала ее повсюду.

— Может быть, стоит поискать мне самому.

Лаурел несколько секунд пристально смотрела ему в лицо. Потом рассмеялась, и маленький остин рванулся вперед.

Дом Хилла располагался высоко на склоне холма, дружелюбно подставляя солнцу крас-

ную черепичную крышу. Это был обычный двухэтажный особняк испанского типа, чисто выбеленный, с коваными ажурными решетками, арками и балконами, с небольшим внутренним двориком и кучкой деревьев в нем. Его окружало несколько цветочных клумб и ряды кустарников. Дальше все было аккуратно засажено плодовыми и ореховыми деревьями, пальмами, эвкалиптами. В их листве порхали райские птички. А еще дальше начинался лес.

— Граница нашего участка идет вниз, под гору, — сказала Лаурел, когда они вылезли из автомобиля. — Прямо по направлению к дому Приама. Наш лес непосредственно переходит в его. Если идти напрямик, то тут совсем рядом.

— На мой взгляд не так уж и рядом, — пробормотал Эллери. — Не ближе, чем от гнезда орла до норы спрута на дне морской впадины. Какой славный особняк, в истинно староиспанском стиле! Не то что жалкие подделки, встречающиеся тут на каждом шагу. Делия Приам жестоко наказана: быть рожденной в таком вот доме и влачить жалкое существование совсем в другом!

— А, так она уже рассказала вам о себе, — пробормотала Лаурел, увлекая его к дому. Почерневшие кафельные плиты под ногами и кружево

железных испанских решеток давали ощущение прохлады и свежести. Они вошли в просторную гостиную с огромным камином, украшенным изразцами с рисунками Гойи. Повсюду были книги, ноты, картины, керамика и огромные вазы с цветами. Появился улыбающийся японец довольно высокого роста и взял шляпу Эллери.

— Ичиро Сотава, — представила его Лаурел. — Ичи служит у нас уже целую вечность. Ичи, это мистер Куин. Он интересуется обстоятельствами смерти папы.

Улыбка исчезла с лица слуги.

— Беда, беда, — закачал он головой. — Совсем плохое сердце. Хотите выпить, сэр?

— Спасибо, не сейчас, — отказался Эллери. — А все же, сколько времени вы служите у Хиллов, Ичиро?

— Шестнадцать лет, сэр.

— Значит, вам ничего не известно о том, чтобы было до… А что этот шофер, Симон, кажется?

— Шимми сейчас возит по магазинам миссис Монк.

— Да нет, я хотел узнать, как давно он служит здесь.

— Примерно лет десять, — сказала Лаурел. — И миссис Монк столько же.

— Тогда у меня все, Лаурел. Приступим.

— К чему?

— Скажите, Лаурел, с того времени, как с вашим отцом случился инфаркт и до самой смерти он не покидал спальни?

— Нет. Мы с Ичи по очереди ухаживали за ним круглосуточно, в течение всей недели.

— Значит, начнем со спальни. Проводите меня.

Через полтора часа Эллери распахнул дверь спальни Лендера Хилла. Лаурел сидела в оконной нише, скрючившись и привалясь к стене.

— Вы можете считать меня слабонервной дурочкой, — заявила она, не оборачиваясь, — но когда я прихожу сюда, у меня встает перед глазами папино мраморное лицо с синими губами и беспомощно отвисшей челюстью… совсем на папу непохоже. Ничего общего.

— Зайдите сюда, Лаурел.

Она вздрогнула. Потом вскочила и торопливо подошла к нему.

Эллери захлопнул за ней дверь.

Глаза Лаурел заметались по комнате из стороны в сторону. Однако ничего такого особенного в неприбранной до сих пор спальне она не увидела. Покрывало, простыни и стеганое одеяло были

сдернуты в сторону и обнажали край матраса.

— Что, — прошептала Лаурел.

— Записка, которую ваш отец достал из коробки на ошейнике собаки, была на очень тонкой бумаге? — спросил ее в свою очередь Эллери.

— Да. Что-то вроде папиросной.

— Бумага белая?

— Белая.

Эллери удовлетворенно кивнул. Он подошел к открытому краю матраса и сказал:

— Лаурел, он пробыл тут в течение всей недели от инфаркта до смерти. Много ли посетителей побывало у него за это время?

— Экономка Приама. Несколько служащих из конторы. Пара друзей.

— В какой-то момент в течение этой недели ваш отец испугался, что записка может быть украдена или уничтожена. Поэтому он принял меры предосторожности. — Эллери провел пальцем по боковой стороне матраса сверху вниз вдоль одной из голубых полос матрасного тика. — У него не было иного орудия, чем перочинный ножик, вот он — на ночном столике. К тому же ваш отец, видимо, делал все в спешке, чтобы никто не застал его за этим занятием. Поэтому работа слегка топорная, — палец Эллери внезапно провалился

в какое-то отверстие. — Вот, он просто сделал надрез там, где сходятся встречные голубые полосы, как на всех матрасах испокон веков. И засунул туда записку, где я ее и обнаружил.

— Записку! — с трудом выговорила Лаурел, задыхаясь. — Вы обнаружили записку! Дайте мне взглянуть.

Эллери сунул руку в карман. Он готов был уже вытащить ее, как вдруг остановился. Его внимание было приковано к одному из окон.

В десяти ярдах от окна росло старое ореховое дерево.

— Ну?! — торопила его недоумевающая Лаурел. — В чем дело?

— Отойдите от кровати, зевните или улыбнитесь мне, если можете. Потом отправляйтесь в соседнюю комнату. Оставьте дверь открытой.

Девушка от изумления округлила глаза.

Затем отошла от кровати, зевнула, потянулась, оскалила зубы и пошла к двери. Пока она шла, Эллери слегка перемещался так, чтобы постоянно находиться между нею и окном.

Когда она исчезла в проеме двери, он внезапно ринулся следом и захлопнул за собой дверь, чему-то усмехаясь.

И опрометью бросился к лестнице.

— Эллери…

— Стойте где стоите!

Он кубарем скатился по черным ступенькам и оставил Лаурел стоять с разинутым от изумления ртом.

Высоко, на самой макушке ореха восседал мужчина, пристально вглядываясь в окно спальни Лендера Хилла. Его укрывал шатер листьев. Но солнце светило настолько ярко, что Эллери готов был поклясться — этот парень сидел на дереве в чем мать родила.

ГЛАВА IV

Голый парень исчез. Эллери метался между деревьями, чувствуя себя вторым Робинзоном в поисках своего Пятницы. С вымощенного плитами дворика за ним наблюдали изумленные Ичиро и коренастый розовощекий парень в шоферской фуражке. Парень держал под мышкой большой пакет с продуктами.

На вскопанной садовой земле Эллери обнаружил отпечатки больших мужских ног. Следы были резко вдавлены у носка, что говорило о том, что человек прыгал или бежал. Они вели прямо в лес. Эллери ринулся в ближайшие кусты и тут же наткнулся на петляющий, но свежий след. Рядом было множество подобных же следов, образующих тропку в зарослях и идущих в обоих направлениях: от дома и обратно.

«Для него, видно, шнырять туту дело привычное», — пробормотал Эллери. В лесу было жарко и влажно, он быстро вспотел, замучился и начал потихоньку беситься, но шел по тропинке все дальше.

Тропка внезапно обрывалась в самой чаще.

И больше нигде ни одного следа… Огромный толстый ствол старого дерева, кажется, дуба, находился на расстоянии не менее одного ярда от конца тропинки. Ни сучьев, ни вьющихся растений… Голый отвесный неохватный ствол.

Эллери стоял и вертел головой во все стороны. Наконец он догадался взглянуть прямо вверх. Густая крона дерева тянулась к небу зеленым шатром. Самый нижний сук нависал прямо над тем местом, где обрывалась тропинка. Но и он находился на высоте не менее тридцати футов.

Значит, этот тип просто-напросто должен был замахать руками и взлететь! Другого объяснения не придумаешь…

Эллери присел на поваленный ствол и вытер пот. Этот последний сюрприз следует хорошенько обдумать. Не то чтобы прежде в Южной Калифорнии его ничто не могло удивить, но это превосходило все им виденные голливудские шарады. Только представьте себе: голый летающий человек!

— Потеряли? — раздалось вдруг над ухом у Эллери.

Он подпрыгнул от неожиданности. Из кустов вылез улыбающийся пожилой господин в шортах цвета хаки, вязаных носках и рубашке-кимо-

но. Голову его защищал тропический шлем, в руках покачивался сачок для бабочек. На сухощавом плече болталась красная сумка несколько необычного вида. Кожа старичка была высушена солнцем и напоминала задубевшую кору дерева. Костлявые руки походили на ветви того же самого дерева. И только блестящие голубые глаза на увядшем лице казались не по возрасту живыми и юными.

— Я не потерял, — ответил Эллери. — Я ищу. Человека.

— Что-то не по душе мне ваши слова, — заявил пожилой господин, выбираясь на открытое пространство лужайки. — И вообще, молодой человек, вы на ложном пути. Поиски человека всегда доставляют слишком много хлопот и неприятностей. А вот известно ли вам что-нибудь о Lepidoptera.[4]

— Увы — ничего. А не видали ли вы…

— Их очень удобно ловить вот этим сачком. Мне как раз только вчера посчастливилось приобрести специальную сумку с полным снаряжением. Шел вот мимо маленького магазинчика в конце Голливуд-Бульвар, а она в витрине ле-

---

[4] СНОСКИ: 4
Lepidoptera (лат.) — Чешуекрылые или бабочки

жит, красуется… Новая, так и сияет. И мне с тех пор удалось поймать уже четыре бабочки! Охотник за бабочками развернулся и стал удаляться мелкими шажками по тропинке, протоптанной загадочным голым незнакомцем. Сачок в его руках мерно покачивался при каждом шаге.

— Эй! Постойте! — окликнул его Эллери. — Вы не видели, тут никто не пробегал?

— Пробегал? Ну, знаете, смотря с какой стороны взглянуть на ситуацию…

— Смотря с какой стороны? Да ни с какой! Либо вы заметили кого-нибудь, либо нет.

— Не все так просто в жизни, молодой человек, — серьезно ответствовал пожилой господин, семеня обратно к Эллери. — Все зависит от того, в какой степени факт нахождения вами предмета ваших поисков может навлечь неприятности на этот самый предмет… или на вас самого. В мире, знаете, и так уже слишком много неприятного, молодой человек. Не стоит умножать… ну, и как же выглядит искомый вами человек?

— Я не могу дать вам подробного описания, — оживился Эллери, — мне не представилось случая как следует рассмотреть его. Однако я успел заметить основное, если не самое… худшее. Он был голый, черт возьми!

— Ах вот оно что! — воскликнул пожилой натуралист, безуспешно пытаясь накрыть сачком пролетавшую мимо большую яркую бабочку. — Голый, надо же!

— Кажется, он здесь частенько появляется?

— Что верно, то верно. Надеюсь, вы не готовите ему никаких неприятностей? Проблем?

— О, что вы! Я не причиню ему никакого вреда. Просто скажите, в какую сторону он побежал, — с жаром заверил Эллери.

— Да нет, я вовсе не боюсь, что вы лично сможете причинить ему какой-то вред. Скорее наоборот. Он малый довольно атлетического сложения, сам справится с кем угодно. Я знавал только одного человека — это был кочегар — равного ему по силе. Тот мог железную кочергу вязать узлами. Да, это было на Аляске, в те славные времена, когда…

— Вы говорите так, будто хорошо знакомы с тем, кого я ищу? — изумился Эллери.

— Знакомы? Увы, даже более чем знаком. Это мой собственный внук. Вон, смотрите-ка! — взмахнул рукой пожилой любитель природы.

— Где?! — встрепенулся Эллери.

Но последняя реплика пожилого натуралиста относилась уже к очередной пролетавшей мимо

бабочке. Он нырнул в кусты и исчез из виду.

Эллери снова угрюмо принялся изучать обрывающийся во мху след, и тут из зарослей показалась Лаурел.

— Вот вы где, — с облегчением вздохнула она. — Вы до смерти меня перепугали. Что случилось?

— Кто-то следил за нами с орехового дерева напротив окна в спальню. Я шел за ним по пятам вплоть до этого места…

— А как он выглядел? — помрачнела Лаурел.

— На нем не было одежды.

— Ах, так он опять за свое! — сердито топнула ногой девушка. — Он ведь давал честное слово, что больше не будет! Дошло до того, что я теперь вынуждена раздеваться в полной темноте!

— Ах, так, значит, и вам он тоже хорошо знаком! — простонал Эллери, чувствуя себя полным идиотом. — А я-то думал, что в Калифорнии давно уже нашли управу на этих сексуальных маньяков!

— Да никакой он не сексуальный маньяк! Просто завел обычай швырять в мое окно камешки, чтобы я выглянула и поболтала с ним на сон грядущий. Но я не собираюсь даром тратить время на психа, который в двадцать три года ждет конца света! Эллери, дайте мне взглянуть на записку.

— А кому он приходится внуком?

— Внуком? Мистеру Кольеру.

— А мистер Кольер — это случайно не сухощавый пожилой господин с лицом, смахивающим на высушенное солнцем дерево?

— Вот-вот, именно он.

— Ну, а кто тогда этот мистер Кольер?

— Отец Делии. Он живет у Приамов.

— Ее отец?! — вытаращил глаза Эллери. Видимо, ему уже пора смириться с тем, что ход событий так или иначе постоянно приводит его к этой женщине. — Если наш любопытный голый обитатель деревьев приходится внуком отцу Делии Приам, то, значит, он…

— А что, Делия вам не говорила? — спросила с затаенным злорадством Лаурел. — Она не удосужилась сообщить вам, что у нее есть двадцатитрехлетний сын? Его зовут Гроув Макгоуэн. Ребенок от первого брака. Пасынок Роджера. Но давайте не будем попусту терять на него время…

— А как он умудрился исчезнуть? Растворился в воздухе? Это должно было случиться вот здесь, — Эллери ткнул пальцем в мох.

— Ах это… — Лаурел вскинула голову. Эллери последовал ее примеру, но опять не увидел ничего, кроме бесконечного зеленого простран-

ства листвы и толстого сука в десяти ярдах над головой.

— Мак! — крикнула Лаурел. — Покажись-ка!

К крайнему изумлению Эллери листья раздвинулись и появилась физиономия молодого человека. Он свирепо оскалил зубы и спросил:

— Лаурел, что это за тип с тобой?

— Спускайся.

— Он что, из газеты?

— Да нет же, Господи! — разозлилась Лаурел. — Это Эллери Куин.

— Кто-кто?!

— Эллери Куин.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— У меня на это нет ни времени, ни желания.

— Ладно, сейчас спущусь.

Физиономия скрылась. И тут же в воздухе просвистел какой-то предмет и повис, едва не задев Эллери за нос. Перед его изумленным взором раскачивалась веревочная лестница. Мускулистая мужская нога высунулась из листвы, следом другая. Затем появилось и все остальное. Через секунду молодой человек крепкого сложения стоял как раз в том месте, где обрывались цепочки следов.

— Я очень взволнован нашей встречей, — цере-

монно произнес он.

И ладонь Эллери была схвачена и сдавлена до хруста в костях прежде чем он успел даже охнуть. Но осталась цела. Эллери подумал, что сегодня его правой руке изрядно досталось. Он никак не мог решить, чьи железные лапы причинили ей больший ущерб: Альфреда Уоллеса или этого чудовища, чуть не раздробившего ее на мелкие кусочки. Сын Делии возвышался над Эллери на шесть дюймов, красивый, рослый гигант, косая сажень в плечах, осиная талия, мускулатура, достойная мистера Америка, и загар, не уступающий обитателям Гавайских островов… Вся эта роскошь предстала смущенному взгляду Эллери, а общую картину дополняли коричневые узкие плавки, целомудренно прикрывавшие положенное место. Улыбка гиганта излучала молодость и силу, и Эллери почувствовал себя почти дряхлым стариком.

— Я решил сначала, что вы репортер, мистер Куин, охотник за новостями. Не выношу этих надоедливых парней, они отравляют мое существование. Но что же мы стоим здесь? Добро пожаловать ко мне в дом.

— Знаешь, Мак, как-нибудь в другой раз, — холодно ответила Лаурел и взяла Эллери под руку.

— Ох уж эта мне закомплексованность! Ну почему ты не можешь просто расслабиться, Лаур, и вести себя совершенно свободно?

Эллери смог, наконец, включиться в разговор:

— Знаете, я не думаю, что буду желанным гостем в доме вашего отчима, Мак.

Гроув рассмеялся:

— А-а, так вы уже имели счастье познакомиться с ним. Но я приглашаю вас посетить не его, а мой дом, — и указал рукой прямо вверх.

Тут вмешалась Лаурел:

— Ладно, Эллери, пойдем. Тут есть на что посмотреть. А то со слов вы и не поверите.

— В дом? Ваш? — Эллери робко взглянул по направлению вытянутой руки Мака. К его ужасу гигант начал быстро карабкаться по веревочной лестнице, гостеприимно приглашая следовать за ним.

Это действительно оказался дом. Высоко на дереве. Правда, всего одна комнатка, если уж быть точным, и не слишком просторная. Но зато как положено: четыре стены, соломенная крыша, прочный пол, беленый потолок, два окна и небольшой настил перед входом вместо крыльца. С настила свисала веревочная лестница. Макгоуэн гордо именовал его «парадным подъездом»

и уверял, что он очень надежен, если вести себя, конечно, осмотрительно…

Мак любезно пояснил, что дерево — Quercus agrifolia — дуб, почти восемнадцать футов в обхвате у подножия, и «взгляните только на эти листья, мистер Куин! Они такие плотные, что об их край можно порезаться!» Эллери, который уже вытащил пару-другую этих маленьких колючих дьяволов у себя из-за шиворота, согласно кивнул. Дом же действительно был построен на славу, в развилке толстых сучьев, и выглядел достаточно надежно.

В ответ на радушное приглашение хозяина Эллери осторожно сунул голову в дверь домика, озираясь вокруг, как турист в этнографическом музее. Все пространство стен и пола занимали — Эллери не сразу подобрал нужное слово — разнообразные приспособления для жизни на деревьях.

— Простите, что я не могу пригласить вас обоих внутрь, — сказал молодой человек. — Трое — слишком много для моего скромного жилища. Лучше расположимся снаружи. Хотите выпить? Бургундское? Виски? — Не дожидаясь ответа, Макгоуэн сложился вдвое и проскользнул внутрь. Через секунду послышалось позвякивание бу-

тылок.

— Лаурел, почему они не изолируют бедного юношу? — прошептал Эллери. — Я имею в виду — в соответствующее учреждение?

— А на каком основании?

— Что же, по-вашему, его поведение нормально? — чуть не закричал изумленный Эллери.

— Понимаю вас, мистер Куин, — раздался веселый голос юного гиганта, появившегося в дверях своего жилища со стаканами в руках. В них плавали кубики льда. — Конечно, мистер Куин, на первый взгляд все это кажется не совсем нормальным. Но такое впечатление складывается только потому, что основная масса людей как раз и живет в ненормальном, иллюзорном мире, где все понятия перевернуты с ног на голову. — Он сунул огромную руку в дверь и достал еще один стакан.

— То есть основная масса — это мы? В иллюзорном мире, вы сказали? — Эллери залпом проглотил почти половину стакана. — Ну, а вы сами, конечно же, живете в мире подлинных ценностей?

— Давайте не будем заводиться, — устало сказала Лаурел. — Эллери, это его любимый конек. Если он сядет на него, то не слезет до вечера. А я

вот хотела насчет записки…

— Я единственный человек в мире, который в состоянии здраво смотреть на вещи, — заявил молодой человек, растягиваясь вдоль настила и свесив ноги вниз. — Судите сами. Ну чем занимаетесь вы, обычные люди? Все живете в своих обычных домах, читаете свои обычные газеты, смотрите все то же самое обычное кино или телевизор, выходите на свои обычные прогулки, разъезжаете в своих обычных автомобилях. Неужели вы не видите, насколько иллюзорен такой образ жизни? Какой ценой дается ваша обычная повседневность? Что стоит за всей этой благополучной видимостью? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем. Будьте добры, выразитесь яснее, — попросил Эллери, опрокидывая еще четверть стакана. Тут только он заметил, что пьет бургундское, которое терпеть не мог. Но сейчас ему было не до этого.

— Мы живем, — продолжал юный гигант, — в особое время, время кризиса болезни, в просторечии, именуемой цивилизацией или историей человечества. Вы вот погрязли в своих мелких преступлениях, убийствах и прочем. Все расследуете, расследуете… А того не видите, что

человечество стоит на пороге самого массового убийства людей со времен Всемирного потопа. Атомная бомба — это еще цветочки! А вот уже созревает плодородная ягодка, по сравнению с которой ядерная цепная реакция — или черт знает что там еще происходит — звучит не громче хруста печенья! Одна современная штучка будет способна отравить всю воду на земном шаре. А нервно-паралитические газы? А бактериологическое оружие, от которого нет и не может быть защиты? И черт знает что еще… Вы что же думаете, человечество сумеет удержаться от соблазна попользоваться всем этим? Нет, мой друг, не сможет… Названия всех этих дьявольских изобретений и составят эпитафию на коллективной могиле человеческого рода. Стоит только кому-нибудь где-нибудь в какой-нибудь Югославии, Корее или Иране вдруг нажать кнопочку, и… — пшик! Все. Конец.

И все идет к тому, — Макгоуэн ткнул стаканом в сторону невидимого сквозь листву окружающего мира. — Города опустеют. Почва будет отравлена на сотни лет вперед. Домашние животные выродятся или одичают. Насекомые мутируют и невероятно размножатся. Будет начисто нарушено равновесие в природе. Разруха, эпидемии,

миллионы гектаров, зараженных радиацией, да и атмосфера — тоже. Дороги придут в запустение, телефонная связь прервется, моторы заржавеют. Хранилища библиотек покроются плесенью. Разжиреет воронье и прочие пожиратели трупов… И густой лес покроет прекрасные аллеи Голливуда… что, может быть, само по себе не так уж и плохо. Вот что у вас впереди. Тридцать тысяч лет эволюции человека — псу под хвост. Рассеются как дым, за одно мгновение. Атомная цивилизация уничтожит сама себя. Но, естественно, кое-кто и спасется… я, например. Спрашивается — как же следует поступать в виду подобной перспективы? Очень просто. Вернуться туда, откуда мы пришли. Братья — на деревья! Железная логика, по-моему. И вот я здесь. Готов ко всему.

— Ну а теперь дайте мне взглянуть на записку, — сказала Лаурел.

— Чуть позже, — ответил Эллери и опрокинул остатки из стакана, слегка при этом поморщившись. — Логика-то железная. За кое-каким исключением.

— А именно? — снисходительно поинтересовался Макгоуэн. — Дайте, я еще вам налью.

— Спасибо, пока хватит. Ну, например, один момент, который заставляет меня сомневаться

в ваших словах. — Эллери указал на сетку проводов, идущих во всех направлениях от крыши хижины.

— Для существа, разом перечеркнувшего тридцать тысяч лет эволюции человека, вы странно снисходительны к таким достижениям прогресса, как… — Эллери наклонился и заглянул в дверь домика, указывая рукой на линию электропередачи, идущую к крыше, — так вот, например — электрическое освещение, электроплитка, холодильник, прочие кухонные принадлежности… Я уж не говорю о… — Эллери указал на лабиринт труб и трубочек, — о водопроводе, снабженном, насколько я могу судить, микроионизатором и деинтоксикатором, ну и так далее. Все эти вещи разбивают в пух и прах ваши аргументы, Мак. Вы уж не сердитесь, но это так. На мой скромный взгляд единственное, что отличает ваш дом от дома вашего отчима, — так это меньшие размеры и приподнятый на тридцать ярдов над землей фундамент.

— Что вы, это все из чисто временных практических соображений, — пожал плечами гигант. — Я убежден, что мировая катастрофа может произойти в любой момент. Но я не могу наверное утверждать когда — может, не раньше

следующего года. Просто я пользуюсь удобствами цивилизованного мира, пока они легкодоступны. Но вы видите, что у меня тут еще припасен револьвер 22-го калибра и пара ружей. Если мое охотничье снаряжение выйдет из строя или еще что-нибудь случится, то у меня есть еще большой лук, стрелы которого способны сразить наповал зазевавшегося оленя, которому посчастливится спастись во время всеобщей катастрофы. Я уже умею лазать по деревьям, как белка. И многое другое.

— Кстати, о деревьях, — вмешалась Лаурел. — Мак, не постараешься ли ты ограничиться своим собственным деревом? Я не страдаю излишней стыдливостью, но всякой девушке порой очень хочется побыть одной, вдали от посторонних глаз. Понимаете, Эллери, он…

— Макгоуэн, — обратился к их голому хозяину Эллери, оглядывая его с головы до ног, — скажите, зачем вам все это понадобилось?

— То есть как? Я же только что объяснил.

— Ваши объяснения остаются вашими объяснениями. А мне хотелось бы знать, что за спектакль на самом деле вы разыгрываете. И кто автор сценария? — Эллери поставил стакан и поднялся. Эффект неожиданности от вопроса был немного

подпорчен тем обстоятельством, что он чуть не свалился вниз и неуклюже отскочил от края, позеленев от испуга. Но тут же упрямо закончил:

— Мак, мне уже немного знакомы голливудские нравы, и я научился относиться к ним с юмором.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним, — беззлобно пробурчал загорелый гигант. — И когда последним из человеческого рода окажусь я, то обещаю закатить вам шикарные похороны, если только удастся раздобыть все необходимое.

Эллери долго и пристально изучал его широкую спину, распластавшуюся на настиле. Она оставалась лениво расслабленной. Эллери недоуменно пожал плечами. Каждый раз в этом проклятом Голливуде происходит что-нибудь… несусветное. Но этот Обитатель Деревьев переплюнул всех. Эх, хорошо бы взять и покончить разом с этой историей!

Однако Эллери вспомнил, что до конца еще ой как далеко! — Он сунул руку в карман и многозначительно спросил:

— Лаурел, нам лучше удалиться?

— Если вы окружаете такой таинственностью тот самый клочок бумаги, который на моих глазах вытащили из матраса Хилла, то я был бы

совсем не против узнать его содержание.

— Хорошо, Эллери, — сказала Лаурел с нервным смешком, — пусть узнает. Гроув на самом деле гораздо больше интересуется событиями иллюзорного мира, чем он хочет показать. Странно, но я доверяю ему. Так что же, будет мне наконец позволено взглянуть на записку?

Эллери счел необходимым предварительно дать некоторые пояснения.

— Это не та самая записка, которую ваш отец нашел в коробочке. Это копия. Оригинал отсутствует. — Он достал из кармана сложенный пополам лист. Развернул. Бумага оказалась плотная, мелованная, слегка зеленовато-серого цвета, с рельефной зеленой монограммой.

— Это папина именная бумага…

— Да, с ночного столика. Там я еще нашел двухцветную ручку. — Эллери нащупал в кармане шариковую ручку. — Синий стержень использован полностью. Записка начата синим цветом, а закончена красным. Очевидно, синего стержня не хватило, поэтому продолжать пришлось красным. Очень важный факт, он неоспоримо доказывает, что копия сделана прямо в спальне. — Эллери протянул листок Лаурел. — Почерк вашего отца?

— Да.

— Вы уверены?

— Да.

Тогда Эллери сказал слегка дрогнувшим голосом:

— Ну хорошо, Лаурел. Тогда прочтите.

— Здесь нет подписи! — в голосе Лаурел звучало такое разочарование, словно она уже готова была защелкнуть наручники на чьих-то запястьях, да вот вдруг сорвалось…

— Читайте.

Макгоуэн примостился сзади нее, заглядывая девушке через плечо и прижимаясь к нему щекой. Лаурел не обратила на это никакого внимания, она буквально впилась глазами в текст, сжав зубы. И громко прочла следующее.

«Вы полагали — я умер. Исчез с лица земли. Вы убили меня. Но я не умер. Я искал вас обоих и сейчас, наконец, нашел. Чего я хочу? Я вас убью. Но не сразу, а очень медленно. В возмещение моих долгих поисков и бесплодных надежд на воздаяние. Медленное умирание… неизбежное умирание. Для вас обоих. Медленное и верное — и для сознания, и для организма. И перед каждым следующим шагом к умиранию — предупреждение, особое значение коего совершенно ясно

для вас обоих Озадачивающее и наводящее на размышления. Данная записка — первое предупреждение».

— Лаурел неподвижно уставилась на загадочные строчки.

Макгоуэн забрал у нее листок.

— Это самая дурацкая шутка на свете, — хмуро прокомментировал он.

— Это не шутка, — покачала головой Лаурел. — Первое предупреждение. Смерть. Воздаяние. Особое значение… Для шутки это слишком. Даже для голливудской шутки. — У нее вырвался нервный смешок.

— А почему славный старик воспринял все это так болезненно? — осознал серьезность происходящего Макгоуэн.

Эллери взял листок у него из рук и бережно сложил вдвое.

— Трагическая суть этой записки заключается в общем духе и стиле. И в обстоятельствах ее появления. Возьмите, к примеру, две-три лос-анджелесские газеты на выбор. Вы найдете в каждой по крайней мере пару криминальных случаев, по сравнению с которыми эта записка покажется детским лепетом. Но эти злодеяния воспринимаются вами как нечто обыденное,

потому что изложены простым и понятным газетным языком. Леденящая душу странность этой записки вытекает не из смысла слов. А из их подбора и расстановки.

— Подбора и расстановки?

— Да. Чувствуется какое-то напряжение. Местами архаичность и громоздкость предложений. Как будто автор говорит на особом английском языке. Или вынужден писать на таком языке, с какими-то другими законами, чем обычно. Поэтому чувствуется странный оттенок… древности что ли? Ясно, что этот оттенок в тексте не случаен, но он появился не в результате попытки заморочить голову или просто поиграть словами. Эта записка совсем не похожа на послания мафиози с требованием выкупа или чего-нибудь в этом роде, где преступники намеренно пропускают слова и делают нелепые грамматические ошибки, надеясь создать впечатление неграмотности авторов и сбить со следа. — Эллери сунул лист обратно в карман. — Но в чем ее особенность, я пока никак не пойму.

— А может быть… — озадаченно сказал молодой человек, при этом как бы между прочим обвивая огромной ручищей плечи Лаурел. — Может быть это дело рук какого-нибудь сумасшедшего

иностранца? Текст похож на перевод с другого языка, — предположил Мак.

— Может быть, — Эллери задумчиво прикусил нижнюю губу и поежился. — В любом случае это уже кое-что. Но что же вы ничего не скажете, Лаурел?

Она опять нервно хихикнула и освободилась из объятий Мака.

— Если вы думаете, что я молчу из-за боязни упомянуть имя Роджера, то вы ошибаетесь. Мак не относится к числу его пылких поклонников. Так что при нем можно разговаривать свободно.

— Что он еще натворил? — взревел приемный сын Приама.

— Ничего особенного. Просто сказал, что его не испугает никакой «призрак» или «тень». Вернее не сказал, а прорычал. И я вижу здесь ключ к загадке. Ключ, указывающий на прошлое Роджера и Лендера Хилла. Там сказано «для вас обоих»... Лаурел, что вам известно о жизни вашего отца?

— Почти ничего. Думаю, что у него была бурная молодость, полная приключений. Но на все мои попытки расспросить его он только смеялся, а когда я была совсем маленькой ласково шлепал меня пониже спины и отсылал к няньке.

— А что его семья?

— Семья? — рассеянно переспросила Лаурел.

— Ну да, братья, сестры, дядюшки, тетушки — родственники, одним словом. Откуда он родом? Лаурел, я не могу гадать вслепую. Мне нужны факты.

— Вот тут я ничем не смогу вам помочь. Папа никогда ничего не говорил о себе. И я всегда чувствовала, что не должна расспрашивать его. Не могу припомнить, чтобы он хоть раз имел контакты с кем-нибудь из родственников. Я не знаю даже, существуют ли они.

— А когда они с Приамом начали свое дело?

— Около двадцати-двадцати пяти лет назад.

— Еще до того, как они с Делией поженились. Делия — это моя мать, мистер Куин, — вмешался Гроув.

— Я знаю, — слегка смущенно ответил Эллери. — Мак, а Хилл и Приам были знакомы до того, как стали партнерами?

— Не знаю, — ответил гигант и непринужденно обнял Лаурел за талию.

— Думаю, что были, — не очень уверенно ответила Лаурел, с трудом убирая его руку. — Только сейчас я начинаю понимать, как мало мне известно о папином прошлом.

— Или о прошлом Роджера, — добавил Гроув,

медленно поглаживая девушку двумя пальцами вдоль позвоночника. Она дернулась и сказала:

— Мак, да прекрати же наконец! — Юноша поднялся. Лаурел покачала головой: — Знаете, ни один из них никогда не заговаривал на эту тему.

Мак отошел к противоположному краю настила и вновь растянулся на нем.

— Думаю, что такая скрытность не случайна. Видимо, у них в прошлом было что-то… какой-то общий враг, которого они считали погибшим. И вот он пишет, что он жив, хотя они пытались убить его. Он выжил и выслеживал своих обидчиков в течение двадцати лет.

Эллери принялся расхаживать взад-вперед, стараясь не наступить на Макгоуэна.

— Папа пытался кого-то убить?! — сжала кулачки Лаурел.

— Если уж вы сами первая заговорили об убийствах и преступлениях, — вздохнул Эллери, — то вы должны быть готовы ко всему, даже самому худшему. — Он достал сигарету и сунул ее в рот. — Такие вот изощренные убийства, вроде смертельного испуга и прочего в этом же роде, всегда основываются на чем-то тайном и кошмарном, чаще всего из прошлого предполагаемой жертвы. Роджер — чужой вам человек. Отец ваш

мертв. Стоит ли дальше ворошить старое? Или вы по-прежнему настаиваете на полном расследовании? Не забывайте, что именно вы мой клиент, а не миссис Приам. По ее собственному желанию. Так что — воля ваша.

— Мама приходила к вам? — изумился Макгоуэн.

— Да, но об этом лучше не распространяться.

— Я не думал, что ей есть до всего этого дело… — обескураженно пробормотал гигант.

Эллери чиркнул спичкой и закурил.

Лаурел приуныла.

Эллери выбросил обгоревшую спичку и сказал:

— Кто бы ни оказался автором этой записки, его целью явно было насладиться зрелищем постепенной смерти своих врагов. Сначала моральной, а потом и физической. Он лелеял мечту о мести более чем двадцать лет, поэтому быстрая смерть его никак не устраивала. Он хотел, чтобы люди, так долго заставлявшие его мучиться, теперь хорошенько помучились сами. Чтобы довести до конца задуманное, он решил сначала поиграть на нервах. Все было хорошо рассчитано. Сам находясь вне досягаемости, он сделал свой первый ход — послал предупреждение номер один. Как и обещал — с «особым значением». Это мертвый

пес. Второе предупреждение должно было содержаться в коробке для Роджера Приама. Хотел бы я посмотреть на ее содержимое! А вы, Мак, случайно не знаете, что там было?

— Я не знаю и знать ничего не желаю о муже моей матери, — отрезал Макгоуэн.

— Этот тайный враг явно собирается и впредь посылать «предупреждения» с «особым значением». Теперь уже исключительно Приаму. Хилл слегка нарушил его первоначальные планы и умер сразу же. Этот неизвестный враг одержим навязчивой идеей мести и обостренным чувством совершенной по отношению к нему несправедливости. Мой вам совет — не вставайте ему поперек дороги, Лаурел. Предоставьте Приаму самому разбираться с ним. Речь идет о его собственной шкуре, и если Роджер ею дорожит, то он сам знает, куда обратиться за помощью.

Лаурел молча повалилась навзничь на настил и стала пускать дым прямо в испещренное листвой небо.

— Лаурел, вам что, не терпится уподобиться героине популярных комиксов?

Никакого ответа.

— Лаурел, бросьте. Хватит.

Она приподняла голову.

— Неважно, мертв папа или жив. Люди иногда ошибаются, даже совершают преступления. Самые достойные люди. Иногда на это их вынуждают обстоятельства. Я знаю, что не было более чистого душой человека, чем мой отец. И если он вместе с Роджером оказался замешанным в грязную историю, то я убеждена, что инициатором был Роджер… И то, что он мне не родной отец, только увеличивает мой долг по отношению к нему. Я обязана ему более чем жизнью. — Она резко села. — Я не брошу начатого, Эллери. Я не имею права.

— Видите, Эллери, — хмыкнул в тяжелой тишине Макгоуэн, — какая это упрямая особа. У нее сердце львицы… нет, льва!

— Упрямая-то она, может, и упрямая, мой тарзаноподобный друг, — ворчливо ответил Эллери, — но одного упрямства в нашем деле маловато. Расследование преступления — это кропотливый труд, а не состязание на выносливость. Надо иметь определенный опыт, навыки, знания. А наша мисс Львиное Сердце не имеет ни того, ни другого. — Эллери мрачно раздавил окурок о край настила. — Я уж не говорю о подстерегающих на каждом шагу опасностях… Ну ладно, Лаурел. Я еще немного прощупаю для вас

почву, перепроверю кое-какие факты. Думаю, что не составит большого труда собрать необходимые сведения о прошлом вашего отца и Приама и выяснить, чем они занимались в конце двадцатых годов. И кому они так насолили… Лаурел, вы отвезете меня обратно в наш милый иллюзорный мир?

ГЛАВА V

На следующее утро Эллери позвонил в Главное полицейское управление Лос-Анджелеса и попросил связать его с дежурным офицером отдела Информации.

— Сержант Лоджетти слушает.

— Сержант, это Эллери Куин… Да-да, спасибо, а как вы? Сержант, я здесь, в Голливуде. Хотел набрать материала для книжки… Да нет, просто эти журналисты никак не могут поверить в такое простое объяснение, я уже смирился с их тупостью. Сержант, мне нужны кое-какие сведения… для полноты сюжета… Нет ли у вас в Голливуде какого-нибудь офицера, кто согласился бы уделить мне пару часов? Какого-нибудь легкого на подъем парня, имеющего опыт расследования убийств и слоняющегося у вас в данный момент без дела? Чтобы я мог свободно обращаться к нему время от времени… Опасности? Кто? Я? Сын кадрового полицейского? Господи, и вы тоже не принимаете мои слова всерьез… Так… Кто? К-и-т-с. Огромное спасибо… Что вы, что вы, сержант! Что хотите, то и сообщайте в прессу, это

ваше дело.

Эллери перезвонил в полицейское управление Голливуда и попросил лейтенанта Китса. Ему ответили, что Китс сейчас разговаривает по другому телефону. Тогда Эллери оставил свой номер и попросил передать Китсу, чтобы тот позвонил ему сразу же, как освободится.

Через двадцать минут к его дому подрулил автомобиль, из него вышел высокий худощавый мужчина в элегантном строгом костюме и позвонил в дверь, с любопытством оглядываясь по сторонам. Эллери наблюдал за ним из-за портьеры, решая про себя, на кого больше похож гость. На торгового агента? Не очень, ведь в руках у него ничего нет. Да и не станет человек, озабоченный торговыми сделками, с таким интересом озираться вокруг. Тогда репортер? Но для журналиста нежданный гость что-то слишком аккуратно одет. Скорее он смахивает на спортивного комментатора или на рано вышедшего в отставку пилота трансконтинентальных рейсов.

— К вам полицейский, мистер Куин, — доложила миссис Вильямс, слегка нервничая. — Вы что-нибудь натворили?

— Что вы, миссис Вильямс, это была бы с моей стороны черная неблагодарность по отношению

к вам! Лейтенант Китс? Я просто потрясен! Такая оперативность… Я ведь всего лишь просил позвонить.

— Мне позвонил сержант Лоджетти и все рассказал, — заявил голливудский сыщик, упираясь головой в притолоку двери. — Я подумал, что лучше поторопиться. Нет-нет, спасибо, я не пью на работе.

— На работе?!. Ох, миссис Вильямс, будьте добры — прикройте дверь. На работе, лейтенант? Но я же объяснил сержанту Лоджетти…

— Он говорил мне. — Китс снял шляпу и точным движением положил ее на спинку кресла. — Вам нужен специалист, что бы собрать материал для новой книги — детектива. Так? Какое убийство из описанных в лос-анджелесских газетах привлекло ваше внимание? В «Дейли мирор» были стоящие. В «Ньюс» тоже… Скажите, а что вы задумали на самом деле?

Эллери с удивлением взглянул на него. Затем они оба рассмеялись и обменялись рукопожатием. А потом уселись рядышком в кресла, как старые добрые знакомые.

Китс был русоволосым мужчиной тридцати восьми — сорока лет, с бледно-серыми глазами под рыжеватыми бровями. У него были крупные

сильные ладони, которые внушали ощущение надежности, а на левой руке блестело золотое обручальное кольцо. Взгляд его светился умом, упрямо стиснутые зубы и квадратный подбородок выдавала готовность противостоять любым трудностям. Он держался слегка надменно и сдержанно. Славный полицейский, решил Эллери. Парень что надо!

— Вот спички, лейтенант. Зажечь?

— Эту штуку, — засмеялся Китс, вынимая изо рта полуизжеванную незажженную сигарету, — я курю «всухую». Пытаюсь бросить, мистер Куин. — Он швырнул измочаленную сигарету в пепельницу, вытащил новую и поместил ее на место прежней.

— Так что же вас интересует, мистер Куин? Какой случай? Что-нибудь такое, чего не стоит предавать огласке?

— Вчера утром меня буквально насильно втянули в одну историю. Известно ли вам что-нибудь о смерти владельца ювелирной торговой фирмы по имени Лендер Хилл?

— Значит, она добралась и до вас. — Китс пососал незажженную сигарету. — Наше управление уже занималось этим. Девчонка уже все уши прожужжала о какой-то мертвой собаке и записке,

напугавшей ее отца до смерти. А где, спрашивается, эта самая записка? История любопытная, но скорее по вашей, литературной части, чем по нашей.

Эллери молча протянул Китсу листок с монограммой Хилла.

Лейтенант медленно прочел текст. Затем изучил листок вдоль и поперек. Эллери пояснил:

— Писал сам Хилл. Снимал копию. Я обнаружил это в его матрасе, в дыре.

— А где оригинал, мистер Куин?

— Скорее всего уничтожен.

— Даже если это и так, — Китс отложил листок, — здесь нет прямой связи со смертью Хилла. Я имею в виду — заранее продуманных действий, приведших к смерти. Конечно, жажда мести… но все же…

— Я понимаю, лейтенант. Такой случай для полицейского управления — как больная мозоль. Так и тянет отнести все это за счет сумасшествия, да еще вдобавок предполагаемая жертва преступления начисто отказывается сотрудничать.

— Н-не понял…

— Тот, второй, о ком упоминается в записке. — И Эллери рассказал Китсу о таинственном «подарке» Роджеру Приаму, и как Приам огово-

рился в его присутствии по поводу «призрака» и «тени». — Это не было сказано в запале гневного красноречия, вовсе нет. И хотя от Приама невозможно добиться ничего толкового, мы должны постараться расколоть его…

Китс пожевал незажженную сигарету. Эллери продолжил.

— Я сам не горю желанием принимать в этом участие. По самым разным причинам. — Он посмотрел на заброшенную пишущую машинку, и перед ним возник образ Делии Приам. — Но что поделаешь… Поэтому я хотел бы еще кое-что выяснить, прежде чем предпринимать конкретные действия. Сдается мне, что если мы поподробнее разузнаем о прошлом Хилла и Приама, содержание записки перестанет казаться бредом сумасшедшего.

— Это примерно в начале двадцатых?

— Да. Беретесь за это дело?

Китс некоторое время медлил с ответом. Потом взял записку и прочел ее.

— Я хотел бы взять ее с собой.

— Пожалуйста. Только с возвратом, — кивнул Эллери.

— Я сниму фотокопию. Буду держать вас постоянно в курсе. — Лейтенант поднялся. — Я

поговорю с шефом, и если он даст добро, то я целиком буду в вашем распоряжении и займусь этой писулькой. Посмотрим, что удастся раскопать.

— И еще одно, Китс!

— Слушаю, сэр.

— Когда вы будете заниматься своими раскопками… наведите заодно справки о человеке по имени Альфред Уоллес. Это секретарь и помощник Роджера Приама.

Днем позвонила Делия:

— Странно, что застала вас дома.

— А где, вы полагали, мне следует находиться, миссис Приам?

При звуках ее глубокого, переливающегося в груди голоса кровь Эллери мгновенно превратилась в раскаленную лаву. Черт бы побрал эту женщину, не человек, а… крепкий коктейль на голодный желудок… после тяжелого рабочего дня.

Делия, поколебавшись, ответила:

— Ну, я думала, что вы где-нибудь… занимаетесь расследованием. Как это обычно делается.

— Я еще не давал своего согласия на участие в вашем деле. — Он изо всех сил старался говорить непринужденно и не выдавать своего волнения. — Я еще не пришел к окончательному решению.

— Вы сердитесь на меня за вчерашнее?

— Сержусь? Помилуйте, миссис Приам…

— Простите. Я думала…

«Ах, неужели ты действительно так думала, Делия?!»

— Понимаете, я совершенно не выношу всякие скандалы и неприятности, — продолжала извиняющимся тоном она. — Поэтому я всегда выбираю путь наименьшего сопротивления. И удаляюсь.

— Наименьшего сопротивления? Всегда? — многозначительно спросил Эллери дрожащим голосом. В ответ он услышал бархатистый смех:

— А что конкретно вас интересует?

С губ Эллери чуть было не сорвалось: «Я объяснил бы вам поподробнее, что именно… если бы вы заскочили ко мне, скажем, сегодня вечером.» Но вместо этого он холодно сказал:

— По-моему, это вас что-то интересует.

— О, как вы любезны, мистер Куин! — объявила она.

— Миссис Приам, я уже объяснял вам, что еще не решил, возьмусь ли за дело…

— Но, может быть, я могу как-нибудь помочь вам принять окончательное решение?

В голове Эллери пронеслось: «Эллери! Клюет!

Теперь подсекай и тащи ее сюда! Не упусти момента...» Но вслух он сказал:

— Знаете ли, миссис Приам, вы делаете мне очень рискованные намеки... Миссис Приам?... Алло!

В трубке раздался ее быстрый шепот:

— Я больше не могу разговаривать, — и послышались гудки.

Эллери, весь мокрый от пота, повесил трубку. Он был так зол на себя, что пошел наверх принять холодный душ.

В течение следующих двадцати четырех часов его дважды навестила Лаурел Хилл. В первый раз она «просто проходила мимо» и подумала, что ей следует заглянуть к нему и сообщить, что пока еще ничего не произошло. Все спокойно. Приам отказывается встречаться с ней и, как она могла судить, находится по своему обыкновению в отвратительном настроении. Делия попыталась выведать у нее, что собирается делать Эллери, и чем он занят сейчас. С чего бы это? Она просто была не в силах скрыть своего крайнего интереса к его персоне.

Тогда Эллери бросил весьма красноречивый взгляд на свою пишущую машинку, и Лаурел тут же испарилась.

Она заявилась опять на следующее утро с откровенно воинственным видом.

— Собираетесь ли вы, наконец, приниматься за дело? Или нет?! Отвечайте, — потребовала она.

— Не знаю, Лаурел.

— Я встречалась с моими адвокатами. Дело о наследстве еще не совсем улажено, но я могу набрать денег и предоставить вам… компенсацию в размере пяти тысяч долларов.

— Дело не в деньгах, Лаурел.

— Если вам просто лень, то скажите прямо, и я подыщу кого-нибудь другого.

— Это ваше право.

— Но вы же просиживаете сутками дома, а не…

— Я просто навожу кое-какие предварительные справки, — терпеливо пояснил Эллери в надежде охладить ее гнев.

— Не выходя отсюда? Из этой вашей цитадели?

— Всего лишь загородного домика на холмах, Лаурел. И все мои дальнейшие шаги будут зависеть от того, что мне удастся сейчас разузнать.

— Да вы просто-напросто запродались Делии, со всеми потрохами! — в отчаянии закричала Лаурел. — А ей на самом деле вовсе и не хочется, чтобы расследование состоялось! Она выследила меня, выяснила мои намерения и разыграла

здесь комедию. А сама ждет не дождется, чтобы Роджер протянул ноги! Мне-то все равно — меня волнует лишь Лендер Хилл. Но если Делия вздумает встать на моем пути…

— Вам действительно всего лишь девятнадцать лет, Лаурел, — изо всех сил старался не сердиться Эллери, что довольно плохо удавалось.

— О, конечно же, я понимаю! Я не в состоянии предложить вам того, что может она…

— Делия Приам ничего не предлагала мне, Лаурел. Речь о деньгах даже не заходила.

— А я вовсе и не деньги имела в виду! — Лаурел готова была разрыдаться.

— Только не надо истерик! — вспылил Эллери, все же стараясь изо всех сил быть мягким и деликатным. — Имейте же хоть немного терпения, Лаурел! Сейчас ничего не остается, как только сидеть и ждать.

Она молча повернулась и вышла.

На следующее утро за завтраком Эллери развернул газеты, ожидая увидеть лица Роджера Приама, Лендера Хилла и Гроува Макгоуэна. Так и оказалось. Мак красовался на дереве.

«УГРОЗЫ НЕ БЫЛО.

УБИЙСТВА ТОЖЕ.

Отрицающий получение каких-либо угрожаю-

щих его жизни писем, Роджер Приам, преуспевающий владелец ювелирной фирмы, захлопнул сегодня дверь своего уединенного жилища на голливудских холмах перед носом журналистов, интересующихся слухами о том, что он является вторым объектом заранее рассчитанного убийства, первой жертвой которого уже стал его партнер, Лендер Хилл, на прошлой неделе…».

Далее из этого шедевра репортерского стиля следовало, что мистер Приам после того, как избежал встреч с журналистами, передал через своего секретаря, Альфреда Уоллеса, короткое заявление. В нем он снова отрицал все слухи о предполагаемом убийстве и подчеркивал, что болезнь и кончина Лендера Хилла «зарегистрирована в официальном порядке».

«Следователи политического управления в Голливуде подтвердили сегодня утром, что дочь Лендера Хилла, Лаурел, настаивала на том, что ее отец «был намеренно испуган до смерти». Однако в полиции не нашли достаточных оснований для заведения дела, которое они охарактеризовали как «фантастическое».

Мисс Хилл, давшая интервью в своем доме, соседнем с владениями Приама, заявила: «Если Роджеру Приаму очень хочется зарыть голову в

песок, то что ж — это его собственная голова». Она упомянула, что «имеет все основания полагать», что как и ее отец, так и Приам подвергаются смертельной опасности со стороны «какого-то их общего врага из прошлого».

Статья заканчивалась напоминанием, что «мистер Приам приходится приемным отцом двадцатитрехлетнему Гроуву Макгоуэну, тому самому Обитателю Деревьев Атомного Века, о котором недавно столько писали газеты. Это он отказался носить одежду и расположил свое жилище на ветвях дерева в лесу своего отчима, готовясь к концу света».

Отметив про себя со странным удовлетворением, что стиль газетных сообщений в Лос-Анджелесе ничуть не изменился, Эллери подошел к телефону и набрал номер Хиллов.

— Лаурел? Я не ожидал, что сегодня утром вы лично будете отвечать на телефонные звонки.

— Мне нечего скрываться, — слегка подавленно отвечала Лаурел. В ее голосе веял весьма ощутимый холодок.

— Один вопрос, Лаурел. Это вы натравили газетчиков на Приама?

— Нет.

— А если честно?

— Я сказала — нет! — Теперь в ее тоне явственно слышалось: «Что, доигрался?»

Такой поворот событий весьма озадачил Эллери, и он пребывал в озадаченном состоянии в течение всего завтрака, который миссис Вильямс безрезультатно пыталась именовать ланчем. Он допивал уже вторую чашку кофе, когда появился Китс с газетой в руках.

— Я надеялся, что вы зайдете, — приветствовал его Эллери, пока миссис Вильямс готовила второй прибор. — Спасибо, миссис Вильямс, дальше я сам управлюсь… Китс, я не знал точно, что к чему, поэтому не решился позвонить сам. Стараюсь держаться в тени. Эта пресса…

— Значит, это не вы подняли на ноги журналистскую гвардию? — с явным облегчением сказал Китс. — Благодарю вас. Не надо ни сливок, ни сахара.

— Конечно нет. Я сам подумал, не ваших ли рук это дело, — отвечал Эллери, наливая гостю кофе.

— Нет, не моих. Должно быть, этой девчонки, Лаурел Хилл.

— И не ее. Я узнавал только что.

— Странно!

— Да, очень. Как же вся эта история выплыла наружу?

— Кто-то позвонил в редакцию. Измененный голос, откуда — узнать не удалось.

— Женский, мужской?

— Говорят — мужской, но утверждают, что звучал он как-то необычно, и мог вполне быть измененным женским. Здесь, в Голливуде, актеров хоть пруд пруди, что хочешь изобразят. — Китс автоматически чиркнул спичкой, потом спохватился и задул ее. Затем хмуро повертел в руках сигарету и сказал:

— Понимаете, мистер Куин, если здесь действительно скрывается какая-то тайна, то источник слухов может быть… Я понимаю, это звучит нелепо, но…

— Вы хотите сказать, что источник слухов — это автор записки? — подсказал Эллери. — В глубине души я и сам так думал, лейтенант.

— С целью посильнее накалить обстановку?

— И поиграть у Приама на нервах, — закончил Эллери.

— У него самого, видимо, стальные нервы. — Китс поднялся.

— Ладно, нам это пока ничего не дает.

— Вы узнали что-нибудь о Хилле и Приаме?

— Еще нет. — Китс медленно раздавил сигарету. — Это сложнее, чем мы ожидали, мистер Куин.

Я даже не знаю, за что ухватиться, с чего начать.

— Что же мешает?

— Я сам еще не понял, что. Подождите несколько дней.

— А как насчет Альфреда Уоллеса?

— Знаете, мистер Куин, когда все прояснится, я извещу вас.

День уже клонился к вечеру — тот самый знаменательный день шествия Великого Владыки Арабского Ордена, — когда Эллери, случайно подняв глаза от пишущей машинки, увидел в окне кремовый нос кадиллака Делии.

Ему с трудом удалось заставить себя дождаться, пока миссис Вильямс откроет дверь.

Когда он судорожно приглаживал волосы, раздался голос миссис Вильямс:

— К вам голый мужчина. Вы дома?

Макгоуэн оказался один. На нем был его обычный костюм Обитателя Деревьев: узкие плавки, на этот раз огненно-красного цвета. Он осторожно пожал руку Эллери и, с удовольствием приняв стакан виски, удобно расположился на софе, прижавшись голыми пятками к оконному стеклу.

— Кажется, мне знаком автомобиль, на котором вы приехали, — заметил Эллери.

— Да, это машина моей матери. У моей пу-

стой бак. — Гигант бросил взгляд на пишущую машинку. — И как только вы управляетесь с этой штуковиной?.. Мне надо поговорить с вами. — Было заметно, что он чувствует себя слегка неуютно.

— О чем, Мак?

— Ну-у… Я подумал, что вы не хотите браться за расследование, потому что вам предложили слишком мало денег…

— Неужели?

— Может быть, я смогу доплатить столько, чтобы вознаграждение соответствовало потраченным вами усилиям и времени.

— То есть, попросту говоря, вы тоже собираетесь нанять меня, Мак?

— Ну да, — вздохнул он с явным облегчением от того, что главное уже сказано. — Я вот все обдумывал… эту записку и то, что Роджер получил в роковое утро… Мне показалось, что за этим действительно что-то кроется.

— Даже если это так, — с любопытством посмотрел на гостя Эллери, — почему вас-то волнуют эти проблемы? Причем настолько, что вы готовы платить из собственного кармана?

— Но ведь Роджер — муж моей матери, не так ли?

— Очень трогательно с вашей стороны, Мак. И когда это только успела разгореться такая почти сыновняя любовь и забота, а?

Загорелая кожа юного Макгоуэна начала медленно багроветь.

— Ну… в общем… да, конечно, мы с Роджером никогда не ладили. Он всегда старался подавлять меня, как и всех вокруг. Но из самых добрых побуждений…

— Видимо, ценя его доброту, вы отказались носить его имя, назвали себя Гроув Макгоуэн, а не Гроув Приам?

Гроув рассмеялся.

— Ладно, сдаюсь. Мне действительно противно видеть его мясистую рожу. Мы всегда враждовали, как две дикие кошки. Когда Делия вышла за него замуж, он не хотел официально усыновлять меня, чтобы я оставался в большей материальной зависимости от него. Я был еще совсем ребенком, но сразу же возненавидел его за это. Поэтому предпочел оставить за собой имя моего отца и никогда не брать у Роджера ни гроша. Правда, мне это удалось сравнительно легко, без больших жертв: я жил на проценты с приличной суммы, оставленной мне отцом. Можете себе представить, как бесился мистер Приам! — Мак

рассмеялся, но внезапно оборвал смех. — За последние несколько лет я уже совсем вырос из пеленок. Стараюсь не конфликтовать с ним исключительно ради моей матери. — Он оживился, как будто сам только что понял мотивы своих поступков. — Да-да, именно ради матери! Вот почему я и хочу, чтобы вы выяснили все до конца. Вот в чем причина, мистер Куин.

— Ваша мать любит Приама?

— Она замужем за ним.

— Бросьте, Мак. Я уже говорил вам, когда мы сидели на вашем дереве, что Делия сама обратилась ко мне. За услугами. Независимо от Лаурел. О чем же вам беспокоиться?

Макгоуэн сердито поднялся.

— Да какое значение имеют мои мотивы? Я честно хочу предложить вам… Все, что мне нужно, чтобы эти проклятые тайны наконец раскрылись, исчезли, растворились! Назовите цену и приступайте к работе.

— Как любят писать в учебниках, Мак, — усмехнулся Эллери, — объяснения смотри ниже. Мак, я дам вам знать, если что-нибудь прояснится. Это все, что я могу сказать.

— Чего вы дожидаетесь?

— Второго предупреждения. Если все наши до-

гадки имеют под собой хоть какое-то основание, то должно последовать предупреждение номер два. А до этого момента я не могу ничего предпринять. Приам упрям, как осел, а вы и ваша мать — единственные, на кого можно положиться в этом доме. Поэтому самое лучшее, что вы можете сделать, — это быть начеку и смотреть в оба. А я уж сам решу, что делать.

— Но чего же конкретно нам ждать? — недоверчиво усмехнулся молодой человек. — Еще одной загадочной коробки?

— Понятия не имею. Но что бы это ни оказалось — может, и не предмет вовсе, а какое-нибудь событие, короче, что бы ни случилось, Мак, каким бы глупым и нелепым вам оно ни показалось — сразу же дайте мне знать! Вы… — и Эллери добавил, как будто случайно: — ну, или ваша мать.

Зазвонил телефон. Он открыл глаза, чувствуя, что он звонит уже давно.

Эллери включил свет и взглянул на часы. 4.35. Он лег только в 1.30.

— Слушаю, — пробормотал он в трубку.

— Мистер Куин… Делия Приам!!!

— Да?! — Сон мигом слетел с него.

— Вы сказали, чтобы я или мой сын сообщили, если… — голос ее доносился откуда-то издалека,

чуть испуганный.

— Да-да, что такое?

— Может быть, и ничего особенного. Но вы сказали Гроуву…

— Делия, да что стряслось?

— Роджеру плохо. Здесь доктор Волюта. Он сказал, отравление трупным ядом. Но…

— Я мигом буду!

Доктор Волюта оказался неряшливо одетым мужчиной с двойным подбородком и неопределенного цвета глазами, что с первого взгляда вызывало неприязнь. На нем была спортивная куртка ярко-голубого цвета, одетая поверх желтой шелковой рубашки, и поседевшие каштановые волосы торчали из-за воротника во все стороны. На ногах красовались мягкие домашние тапочки. Эллери несколько раз едва удерживался, чтобы не съязвить по поводу его внешнего вида, однако вовремя сообразил, что его собственный надетый наспех наряд из перепачканных белых парусиновых брюк и свитера с высоким воротом выглядит не лучше.

— Беда с вашим братом, обжорами, — бубнил доктор Волюта, вытряхивая мерзко пахнущую жижу из смятой простыни в стеклянную баночку с притертой пробкой. — Можно подумать, что

им не терпится отправиться на тот свет. И так каждый раз, пока не скрючит… или не вывернет наизнанку.

— Да, вывернуло его солидно, — поморщился Эллери. — Пробка вон там, на раковине.

— Благодарю. Приам жрет, как свинья. Даже для здорового человека было бы чересчур. По всем медицинским канонам его пищеварительная система давно должна была бы выйти из строя. Сколько лет я постоянно твержу, ему, чтобы он прекратил набивать брюхо на ночь, особенно рыбой!

— Мне говорили, что он просто обожает рыбу.

— Ну и что из этого? Я обожаю блондинок, мистер Куин, — фыркнул доктор Волюта, — но я держу свой аппетит в определенных границах.

— А я-то думал, что причина в испорченном тунце, а не в его количестве.

— Разумеется, причина в тунце. Я уже взял пробы. Но речь не об этом. Я говорю, что если бы он следовал моим советам, он вообще ничего не ел бы на ночь и все было бы нормально.

Разговор происходил в буфетной, доктор Волюта лихорадочно рыскал глазами по полкам, прикидывая, чем бы накрыть пластмассовую миску, в которую он сложил остатки тунца.

— То есть вы считаете, доктор, что…

— Я уже сказал вам, что я считаю. Вот эта банка рыбных консервов испорчена. Вам известно, что такое испорченные рыбные консервы, мистер Куин? — доктор открыл свой саквояж, схватил хирургические перчатки и взялся за миску.

— Я уже проверил пустую жестянку, доктор Волюта, — заявил Эллери, выудив ее из помойного ведра (благо в Лос-Анджелесе было принято каждый вид отходов складывать в отдельную емкость). — Посмотрите, банка не вздулась и нет других признаков, что тунец был испорчен.

— С чего вы взяли, что именно в ней был этот тунец? — недоверчиво спросил доктор.

— Кухарка сказала. Сегодня она вскрывала одну-единственную банку с тунцом. Она откупорила ее перед отходом ко сну. Эта банка валялась прямо поверх остальных.

Доктор Волюта вытянул вперед руки с миской и стеклянной банкой.

— Прошу прощения. Мне надо помыть их.

Эллери проследовал за ним вниз, в туалет.

— Я не имею права ни на секунду упускать из виду содержимое миски и этой банки, доктор, — извиняющимся тоном пояснил он свое поведение. — Ну, пока вы не отдадите их в мое

распоряжение.

— Неужели вы можете дурно подумать обо мне, мистер Куин? И неужели вы все-таки настолько серьезно относитесь к происходящему? Если уж это добро надо обязательно отдать на анализы, я лично доставлю его в полицию. Не будете ли вы так любезны немного посторониться? Я хотел бы прикрыть дверь.

— Тогда дайте мне банку, — сказал Эллери.

— Да ради Бога! — вспыхнул доктор Волюта, и оставив дверь открытой, отвернулся к раковине.

Они ожидали прибытия лейтенанта Китса. Было уже почти шесть утра и за окнами начали слегка вырисовываться туманные очертания окружающего мира. В доме было холодновато. Приам после промывания желудка крепко уснул. Его черная борода торчала из простыней с убийственным величием, так что Эллери невольно успел сравнить ее владельца с ассирийским царем Сеннахерибом в фамильной усыпальнице, пока Альфред Уоллес не захлопнул дверь перед его любопытным взором. И тут же запер ее изнутри. Оставшуюся часть ночи он провел на кушетке в комнате хозяина на случай повторной тревоги.

Гроув Макгоуэн не мог сдержать своего раздражения.

— Если бы не мое обещание, то Делия ни за что бы не позвонила. Меня страшно тошнит от этой вони. Пусть здесь остается доктор Волюта, а я ухожу. — И он, зевая, отправился к своему дубу.

Старый мистер Кольер, отец Делии, преспокойно заварил себе чайку на кухне и проследовал с ним наверх, на ходу бросив Эллери:

— Глупость и обжорство плохо уживаются вместе…

Делия же… Она вообще не показывалась. Эллери готовился вести себя сдержанно и корректно, но она, увы, не могла знать об этом и не явилась. Ко времени прибытия Эллери она просто поднялась к себе наверх. Отчасти он был даже рад, что ее чувство приличия так тонко. Как тактично с ее стороны! Но в то же время он ощущал какую-то тоскливую пустоту.

Эллери в упор разглядывал голубую спину доктора Волюты. Она была довольно внушительных размеров, с толстыми поперечными складками жира.

В общем, было бы несложно отделаться от доктора, а потом подняться наверх и постучать к ней. В подобных ситуациях всегда есть пара-другая вопросов, которые следует задать.

Интересно, как она себя поведет?

И как она выглядит в шесть утра?

Эллери некоторое время прикидывал, что делать.

— Ничего, — сказал доктор, оборачиваясь и протягивая руки к полотенцу, — ничего здесь нет такого, чтобы так беспокоиться. Обычно я посылаю всех зрителей, вроде вас, подальше. Чтобы не мешали. Но в этом городе врач, желающий иметь солидную практику, частенько вынужден идти против своих правил, приспосабливаться. А то эта Лаурел опять подымет крик, как со смертью Лендера Хилла. Уж я знаю подобных личностей как облупленных! Лишь бы привлечь внимание... — Он повесил полотенце на край раковины. Уверенным движением взял стеклянную банку и миску. — Не надо так смотреть на меня, мистер Куин! Как будто я собираюсь выплеснуть содержимое этих сосудов вам в лицо... Куда запропастился этот проклятый сыщик? Мне сегодня вообще не удастся поспать.

Так они стояли, в упор глядя друг на друга, пока не раздался шум подъехавшей машины и не вошел запыхавшийся Китс.

В этот же день в четыре часа пополудни Эллери притормозил свой взятый напрокат кайзер перед домом Приама. Машина Китса уже стояла тут.

Горничная с тиком, который был сегодня особенно заметен, проводила его в гостиную. Китс стоял около мраморного камина, покусывая кончик бумаги. Лаурел Хилл, Гроув Макгоуэн и Делия Приам сидели в креслах напротив и наблюдали за ним с видом прилежных учеников на экзамене.

Когда Эллери вошел, их головы одновременно повернулись в его сторону. Ему показалось, что на лице Лаурел промелькнуло спокойное ожидание, на лице Мака — неловкость, а Делии — испуг.

— Простите, лейтенант. Мне пришлось задержаться на бензоколонке. Это что, отчет из лаборатории?

Китс протянул ему бумагу. Глаза присутствующих неотрывно следили за ней. Когда Эллери вернул бумагу Китсу, все опять перевели взгляд на лейтенанта.

— Может быть, вы, мистер Куин, объясните присутствующим суть дела, — сказал Китс. — А я продолжу.

Эллери кивнул.

— Когда я прибыл сюда около пяти утра, доктор Волюта высказал уверенность в пищевом отравлении. События развивались примерно следующим образом. Невзирая на медицинские рекомендации доктора Волюты, мистер Приам

неизменно съедал что-нибудь прямо перед отходом ко сну. Эта его привычка была общеизвестна. Так как мистер Приам обычно засыпал с трудом, то он всегда ложился очень поздно. Кухарка же, миссис Гвитириз, наоборот, имела обыкновение отправляться на покой очень рано. Следовательно, мистер Приам обычно сообщал Альфреду Уоллесу, что сегодня вечером он изволит съесть, а тот уже передавал его пожелания кухарке. Перед тем, как ей лечь спать, миссис Гвитириз готовила, что приказано, и убирала еду в холодильник.

Прошлым вечером поступило распоряжение сделать тунцовый салат, до которого мистер Приам был особенный охотник. Миссис Гвитириз достала из большого шкафа в буфетной банку с консервированным тунцом, вскрыла ее и приготовила салат именно так, как предпочитает мистер Приам: с мелко нарезанным луком, сладким зеленым перцем, сельдереем. Все это было щедро полито майонезом, соком из половинки лимона, посыпано свежесорванным и измельченным жгучим перцем и солью. Этот шедевр кулинарного искусства довершило небольшое количество уочестерширского соуса вместе с половинкой чайной ложки сухой горчицы, щепоткой орегано и молотого чабреца. Готовое

блюдо было помещено в салатницу, накрыто и поставлено в холодильник. Затем кухарка прибрала за собой и отправилась в постель. Миссис Гвитириз покинула кухню приблизительно без двадцати десять, оставив зажженным ночник.

Примерно в десять минут первого Альфред Уоллес отправился за тунцом, — продолжал свою речь Эллери, обращаясь исключительно к старинным испанским портретам над камином, с тем, чтобы ничья пара испытующих глаз не сбила его с мысли. — Альфред Уоллес вынул салат из холодильника, поставил его на поднос вместе с круглым ржаным хлебом, сладким маслом и закупоренной бутылкой молока. Все это он отнес в комнату мистера Приама. Приам ел жадно, хотя и не доел до конца. Затем Уоллес помог ему приготовиться ко сну, выключил свет и унес остатки еды в кухню. Он оставил поднос как есть, на столе, и поднялся к себе наверх.

Около трех часов утра Уоллеса разбудило оглушительное дребезжание звонка из комнаты мистера Приама. Уоллес сбежал вниз и нашел хозяина в ужасном состоянии. Уоллес немедленно позвонил доктору Волюте, взбежал наверх и разбудил миссис Приам. До прибытия врача они вдвоем делали все, что было в их силах.

Его прервал взволнованный голос Макгоуэна.

— Будь я проклят, если понимаю, к чему вы нам все так подробно расписываете!

Делия Приам положила руку на плечо сына, и он стих.

— Продолжайте, мистер Куин, — тихо сказала она. При звуках ее голоса Эллери весь напрягся. Интересно, подумал он, неужели она сама не осознает, как велика ее власть над ним?

— По прибытии сюда я обнаружил поднос на кухне. Там, где, по словам Уоллеса, он его и оставил. Уяснив обстановку, я вызвал лейтенанта Китса.

Дожидаясь его появления, я собрал все, что имело отношение к приготовлению этой ночной закуски — приправы, пустую жестянку из-под консервов, даже кожуру лимона. На подносе еще оставалось достаточно салата, ржаного хлеба, немного молока. Доктор Волюта тем временем упаковывал остатки пищи, извергнутые желудком мистера Приама. Когда появился лейтенант, мы все передали ему.

Эллери замолчал и закурил сигарету. Китс продолжил:

— Я отвез их в криминальную лабораторию и только что получил результаты. — Он бросил

взгляд на бумажку:

— Я не буду докучать вам мелкими подробностями. Просто сообщу основное. Химические анализ содержимого желудка мистера Приама показал некоторое количество мышьяка. Все остальное — чисто. Приправы, жестянка из-под тунца, лимон, хлеб, масло, молоко — в общем, все. Кроме самого салата, в котором обнаружили мышьяк того же типа.

Следовательно, доктор Волюта ошибся, — заключил Китс. — Дело было не в пищевом отравлении испорченными консервами. Дело в отравлении мышьяком, который был добавлен прямо в салат. Кухарка поставила салат в холодильник около 9.40 вечера. Мистер Уоллес забрал его около десяти минут первого. В этот промежуток времени кухня была пуста, горел ночник. И кто-то пробрался в кухню и отравил салат.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Эллери. — Каждый вечер в холодильнике оставалась закуска для мистера Приама. В особой салатнице, используемой только для этой цели. Салатницу легко распознать — на ней золотыми буквами написано «Роджер». Это подарок Приаму от Альфреда Уоллеса на прошлое Рождество.

— Вопрос в том, — подвел итог Китс, — кто

пытался отравить мистера Приама? — И лейтенант дружелюбно посмотрел на внимающую его речам троицу.

Делия Приам внезапно поднялась, прошептала:

— Это непостижимо! — и спрятала лицо в носовой платок. Лаурел улыбнулась ей в спину:

— Дорогая, со времени смерти папы я потеряла способность удивляться и поверю всему.

— Ради Бога, Лаур, — забеспокоился сын Делии, — не улыбайся ты так, словно сама леди Макбет, Кассандра или еще кто-нибудь похуже… Моя мать и я больше всего на свете боимся скандала.

— Да успокойся ты, Мак, — сказала Лаурел, — я просто рада теперь доказать вам, что мои подозрения не были бредовыми идеями.

— О да! Конечно, не были…

Делия повернулась к Китсу. Эллери заметил, что Китс разглядывает ее немного смущенно, но с некоторой долей дерзкого бесстыдства, допустимого в обращении с женщинами определенного сорта… А она сегодня превзошла саму себя: вся в белом, с большим золотым распятием на серебряной цепи, свисающем до талии. Никаких разрезов на юбке. Длинные рукава. Глухой

воротник у самой шеи. Но вот спина… Боже, спина — совершенно голая до талии! Видимо, шедевр какого-нибудь местного голливудского модельера. Неужели она не понимает, насколько шокирует ее внешний вид, особенно мужчин?!

Но женщины, мрачно решил про себя Эллери, даже самые респектабельные женщины! — предпочитают не утруждать свои мозги подобными вопросами, чего не скажешь о бедняге-полицейском, вкалывающем с утра до вечера, как ломовая лошадь, до седьмого пота… Да еще вдобавок носящем на пальце золотое обручальное кольцо.

Она спросила:

— Лейтенант, полиция что, намерена заняться этим делом?

— Обычно, миссис Приам, я сразу же отвечаю на подобные вопросы, — Китс с трудом отвел глаза в сторону, сунул незажженную сигарету в рот и несколько раз нервно перекатил ее из одного угла губ в другой. Когда он заговорил, в его голосе появились жесткие нотки: — В данном же случае… небольшое исключение. Ваш муж — предполагаемая жертва преступления — начисто отказывается от нашей помощи. Он не желает даже беседовать на эту тему. Соизволил лишь сказать, что второй раз его так легко не

проведешь, что он сумеет позаботиться о себе сам и что мне лучше забрать свою шляпу и убираться подобру-поздорову.

Делия отошла к окну. Наблюдая за ней со спины, Эллери заметил, что она испытывает что-то вроде облегчения. Словно чему-то радуется… Бог знает, что у нее на уме?! Китсу следовало бы заняться ее персоной поближе; эх, надо было сразу обсудить с ним, как раскрутить Делию, чтобы застать ее врасплох. Ведь, с другой стороны, ее явно что-то постоянно беспокоит.

— Скажите мне, миссис Приам, ваш муж слегка не в своем уме? — раздался голос Китса.

— Может быть, лейтенант, — пробормотала она, не оборачиваясь, — иногда.

— Хочу добавить, — резко сказал Китс, — что любой мог легко добраться до злополучного салата. Черный ход в кухню не запирается. От него идет дорожка, посыпанная гравием, прямо до леса. Так что для любого, кто знаком с домашним распорядком и знает об обычной полуночной трапезе хозяина, не составило бы большого труда привести свой план в исполнение. Особенно для того, кто имел в прошлом дело с мистером Приамом и мистером Хиллом, а потом выслеживал их в течение многих лет. Но я не исключаю воз-

можности, что все эти предположения не стоят и выеденного яйца. Что вся эта версия о враге из прошлого — просто попытка навести на ложный след. И я склоняюсь именно к такой точке зрения. Что-то не верится мне в историю с местью и медленной смертью. И в прочую беллетристику. Я хочу, чтобы вы знали мое мнение на этот счет. У меня все, мистер Куин, — закончил Китс, не в силах снова оторвать глаз от обнаженной спины миссис Приам.

«Бедняга», — с сочувствием подумал Эллери. А вслух сказал:

— Может быть, вы и правы, Китс. Но мне хотелось бы обратить ваше внимание на один любопытный фактик в отчете из лаборатории. Результаты анализов показали, что доза мышьяка была «явно недостаточной, чтобы вызвать смерть».

— Ошибка преступника, вот и все, — пожал плечами Китс. — Это часто случается. Иногда переложат, иногда не доложат. Бывает.

— Во-первых, не так уж часто бывает, лейтенант. А судя по всему, наш преступник явно не относится к такому уж эмоциональному, импульсивному типу убийцы, чтобы действовать сгоряча, необдуманно. Скорее, это человек —

очень осторожный и хладнокровный, хорошо умеющий заранее спланировать свои действия. И уж во всяком случае вряд ли способный допустить такую глупую ошибку — не доложить яду в салат. «Недостаточно, чтобы вызвать смерть». Все было рассчитано, сделано намеренно.

— Но с какой целью? — недоумевал Макгоуэн.

— А помнишь, Мак, записку? — торжествующе провозгласила Лаурел. — «Медленное умирание». Вот зачем!

— Да-а, здесь прослеживается связь с запиской Хиллу, — угрюмо подтвердил Эллери. — Несмертельная доза. Достаточная, чтобы заставить его хорошенько помучиться, но не умереть. «Медленное и верное… И перед каждым шагом к умиранию — предупреждение». Это отравление и есть второе предупреждение. Сущность первого нам неизвестна. Но второе — это отравленный мышьяком тунец. Славно задумано!

— Я не разделяю вашего восхищения, — заявил Гроув Макгоуэн. — Что это все значит? Что за ерунда?

— Это значит, Мак, что я вынужден принять ваше предложение, — сказал Эллери. — И ваше, Лаурел, и ваше, Делия. Я не собирался этого делать, но теперь уже ничего не попишешь,

придется.

При этих словах Делия Приам обернулась, подошла к нему, взяла его за руку и, заглянув прямо Эллери в глаза, очень просто сказала:

— Спасибо, Эллери. Такое счастье сознавать… что это дело… будет в ваших руках.

И она слегка сжала его ладонь. Он знал, что этот жест был простым проявлением доверия и благодарности с ее стороны. Ведь все происходило на глазах ее же собственного сына… Но он не мог сдержать судороги в горле.

Китс расплющил сигарету в зубах.

Макгоуэн с интересом наблюдал за этой сценой.

Тогда Лаурел очень ровным голосом сказала:

— Ну вот, все так славно устроилось, — и вышла вон.

ГЛАВА VI

Ночь выдалась прохладная, и Лаурел торопливо пробиралась по тропинке, а луч света от электрического карманного фонарика плясал впереди нее. Длинное замшевое пальто плохо защищало совершенно голые ноги, и они постепенно покрывались гусиной кожей от холода и сырости.

Когда она добралась до толстого дуба, то направила луч фонарика прямо в зеленый потолок у себя над головой.

— Мак! Ты не спишь?

В луче света появилось лицо Макгоуэна.

— Лаурел?! — не веря своим глазам, воскликнул он.

— Ну не Мэри же Поппинс…

— Ты что, с ума сошла — шляться ночью по лесу, одна-одинешенька? — веревочная лестница упала к ее ногам. — Тебе что, не терпится стать героиней завтрашнего репортажа в сводке уголовных происшествий? «Изнасилование и убийство»?

— А подозрение, конечно же, сразу падет на

тебя, — буркнула Лаурел, взбираясь по лестнице. Луч ее фонарика метался по веткам.

— Подожди секунду, я включу прожектор…

Мак исчез. Через минуту ослепительный свет залил поляну и дерево на ней. Мак появился вновь, криво усмехаясь:

— Вот я и переживаю, чтобы не попасть на скамью подсудимых. Ну и потеха была бы! Заходи. — Его сильные руки подняли ее наверх.

— Выключи прожектор, Мак. Я предпочитаю более интимную обстановку.

— Сию минуточку! — он опять исчез и тут же вернулся. Она позволила ему взять себя на руки, внести в хижину и опустить на раскладушку, уже приготовленную для сна. Мак сказал:

— Подожди, я сейчас выключу радио. — Он выпрямился в полный рост, едва не задевая головой потолок, и добавил:

— И остальной свет тоже.

— Оставь свет.

— Хорошо, хорошо… Малыш, а тебе не холодно?

— Единственное, что ты не предусмотрел, так это ночные похолодания в Калифорнии.

— А вот и нет. Я уже провел собственное отопление! Пододвинься-ка.

— Садись, Мак.

— То есть?

— На пол садись. Мне нужно поговорить с тобой.

— Лаур, мне как-то больше по душе был бы разговор на языке взглядов, жестов и прикосновений…

— Брось, Мак. Надо кое-что выяснить. Это серьезно. — Лаурел заложила руки за голову и улыбнулась. Мак начал слегка нервничать. Потом расположился у нее в ногах и поместил голову к ней на колени. Лаурел приподняла его голову, закрыла ноги полами пальто и только после этого опустила его голову обратно.

— Что ж, выясняй, — покорно вздохнул он.

— Мак, — сказала Лаурел. — Зачем тебе понадобилось нанимать Эллери Куина?

На секунду Гроув прямо-таки остолбенел. Затем резко дернулся к полке, схватил сигареты, зажег одну и уселся на прежнее место.

— Ты что, издеваешься надо мной? К чему этот дурацкий вопрос? Ты полагаешь, что самое время задавать его молодому здоровому мужчине с горячей кровью ночью, в полночь, наедине, в лесу?!

— Не важно. Отвечай.

— Да какого черта я буду отвечать?.. Ну — ты нанимала его, Делия тоже, все так делают. Почему бы и мне не попробовать, а? Давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно? Если уж ты предпочитаешь разговаривать, а не…

— Прости, Мак. Но сегодня меня интересует исключительно этот вопрос.

Гроув скрестил огромные ноги и стал задумчиво изучать свои пятки сквозь густые клубы дыма.

— Лаурел, скажи, как давно мы знаем друг друга?

— С детства, — удивилась она его вопросу.

— Выросли вместе, не так ли?

— Ну да…

— И я хоть раз сделал что-нибудь… такое. Недозволенное?

— Нет, — мягко рассмеялась Лаурел. — Но совсем не потому, что не пытался сделать…

— Слушай, ты, маленькая недотрога! Мне ничего не стоило бы — захоти я только! — слышишь, ничего не стоило бы справиться с тобой одной левой! Неужели ты не понимаешь, что я по уши влюблен в тебя еще с того времени, когда я только узнал, откуда берутся дети?!

— Ну-у, Мак, — смутилась Лаурел, — ты же

никогда не говорил мне об этом. Ну, так прямо, я имею в виду…

— А теперь вот говорю, — почти прорычал Макгоуэн. — И теперь я хочу узнать твое мнение на этот счет!

— Повтори, пожалуйста, свое. Еще раз.

— Люблю! Я люблю тебя.

— Ты говоришь это таким суровым тоном…

Она внезапно обнаружила себя уже лежащей на полу, в его объятиях.

— Да черт побери, я же люблю тебя! — задыхаясь, шептал он. Она упрямо уставилась ему прямо в глаза:

— Мак!!!

— Я люблю тебя!

— Мак, пусти! — Она вырвалась из его рук и вскочила на ноги. — Так вот почему ты нанял его, а? Потому что ты любишь меня? Или еще почему? Отвечай! Я хочу знать.

— И это все, что ты можешь сказать в ответ бедному парню, только что признавшемуся тебе в любви?!

— Отвечай — почему?

Мак повалился навзничь и задымил сигаретой в потолок, как паровоз. Сквозь пелену дыма он пробурчал в ответ что-то невразумительное. И

смолк. Когда дым рассеялся, он лежал на полу молча, вытянувшись во весь рост с закрытыми глазами.

— Ты не ответил мне! — воскликнула Лаурел.

— Лаур, я не в силах… Это… не имеет никакого отношения… Просто моя личная прихоть…

Лаурел снова присела на кровать. Распростертое у ее ног тело было таким большим, таким крепким, таким загорелым, таким мускулистым и молодым… Она торопливо достала из кармана пачку «Данхилла» и закурила сигарету трясущимися руками. Но голос девушки ничем не выдал ее смятения:

— Понимаешь, здесь столько запутанного, загадочного и непонятного. И я уверена, что тебя тоже окружает какая-то тайна…

Он открыл глаза.

— Мак! Лежи где лежишь! Я же не последняя дура. Я вижу, что за всеми твоими бреднями о конце света и жизни на деревьях что-то кроется. Что-то помимо водородной бомбы. Может, ты просто страшный лентяй? А может, ты просто жаждешь поразить воображение смазливых девчонок, ошивающихся в твоей киностудии? Всех этих вертихвосток, которых хлебом не корми, только дай что-нибудь попикантнее… Простой

номер в гостинице их уже не устраивает, подавай им свидания на деревьях! — Она слегка покраснела, но голос ее не дрогнул. — Ладно, оставим это. Теперь что касается признаний в любви…

Она запустила руку в его густую кудрявую шевелюру и ласково потрепала ее. Мак посмотрел на нее снизу вверх, не зная, как ему следует поступать. Она наклонилась и поцеловала его в губы.

— Вот тебе мой ответ на все. Ты такой славный, Мак… Понимаешь, у девушек тоже могут быть свои маленькие секреты. Мак! Стой! Нет! Нет, я сказала! Если мы когда-нибудь… сойдемся с тобой, то это произойдет никак не на дереве, а только в нормальном, уютном доме. На земле. Сейчас у меня нет на это времени. Мне некогда.

— Нет времени! Некогда!

— Милый мой, ведь случились ужасные, страшные события. А в моей жизни прежде не было ничего ужасного… насколько я помню. Он был так добр ко мне, так любил меня! И единственное, чем я могу отплатить ему за его любовь и заботу, — это найти того, кто доконал его и… увидеть смерть убийцы моего отца. Пускай это звучит нелепо. Но я жажду крови, жажду мести. И сейчас в целом мире меня занимает только это. Если преступника удастся отдать в руки правосудия

— хорошо. Но если нет…

— Черт возьми! — Мак вскочил на ноги, его лицо пылало. Тут же в руке Лаурел возник коротствольный пистолет, дуло которого уставилось Макгоуэну прямо в голый живот.

— Но если нет, я сама настигну убийцу. А когда настигну, я застрелю его как собаку, Мак. Даже если после этого мне придется отправиться на электрический стул.

— Лаурел, убери эту проклятую пушку в карман!

— И будет неважно, кто им окажется, — не унималась Лаурел. Ее зеленые, с коричневым отливом глаза сверкали. Она и не думала убирать пистолет. — Если им окажешься даже ты, Мак, я и тебя убью. Без всякого сожаления.

— Думаю, что с Роджером тебе будет справиться посложнее, чем со мной, — со странной решимостью посмотрел ей в глаза Мак. — Ладно, если ты выяснишь, что преступник — я, то тогда я получу по заслугам. Но пока я…

Лаурел вскрикнула. Пистолет уже был у Гроува в руках. Он с любопытством повертел его.

— Господи, эта штучка не опаснее детского духового ружья. Но все-таки, мой милый Джек Потрошитель, пока вы не добьетесь своего, не

позволяйте никому так легко лишать вас оружия, — и он галантно опустил пистолет в ее карман, схватил ее на руки и рухнул с ней на кровать.

Опомнившись через мгновение, Лаурел сказала слабеющим голосом:

— Мак, я же пришла сюда не за этим…

— Странно!

— Мак, что ты думаешь об Эллери Куине?

— Я, черт побери, думаю, что он положил глаз на Делию, — отвечал гигант. — Мы что, так и будем беседовать?

— Как ты недогадлив, Мак. Конечно, я тоже думаю, что она его круто подцепила. Но я имела в виду совсем другое. В профессиональном смысле, я хотела сказать.

— Ну, я думаю, тут он стреляный воробей и на мякине, как говорится…

— Мак!

— Ладно, ладно. — Он выпустил ее из своих объятий и поднялся с обиженным видом на ноги. — Если он хотя бы наполовину так хорош, как о нем говорят…

— Думаю, что это так. Ведь так?

— Да что — так? Слушай, что за дурацкие разговоры мы тут с тобой ведем? — он налил себе

виски.

— То есть он может лишь наполовину соответствовать тому мнению, которое…

— Да откуда мне знать, черт побери? И тебе-то какое дело?!

— Никакого. Но просто я за последнее время уже дважды заходила к нему, и звонила просто бессчетное количество раз. А он все сидит сиднем и носу из дому не показывает. Окопался там, наверху, курит целыми днями и созерцает закат над Голливудом. Разве так работают?

— Брось, Лаурел! В жизни по-всякому бывает. — Он залпом выпил стакан и скривился. — Такие асы, как он, часто ведут себя непонятно, если смотреть со стороны. Но им виднее.

— Знаешь, мне было бы как-то виднее, если бы он делал что-нибудь заметное. — Лаурел резко вскочила. — А так я не могу больше выносить постоянного ничегонеделания. Может, самим предпринять что-нибудь, а? Вместе?

— Что предпринять?

— То, что должен был бы предпринять он.

— То есть самим начать расследование? — изумленно поднял брови юный гигант.

— Ну, не важно что. Главное действовать. Расследовать, собирать информацию — называй

как хочешь. Главное — начать, а не ждать у моря погоды.

— Мисс Мстительница и ее верный оруженосец Мистер Сильная Рука! — рассмеялся Мак, упираясь обеими руками в потолок. — Неплохой сюжетец! Тебе нравится?

Лаурел холодно взглянула на него:

— Я не шучу, Мак.

— А кто шутит? Твои мозги, мои мышцы… Многообещающее сочетание.

— Ладно, хватит. Спокойной ночи.

— Эй, погоди! — Он настиг ее уже у самого выхода. — Ну чего ты постоянно шарахаешься от меня? Я действительно слегка одичал тут, обитая на дереве. Знаешь, постоянное ожидание светопреставления не очень располагает к хорошим манерам… Слушай, ну куда ты сейчас пойдешь, а? Одна?

Она долго молча смотрела ему в глаза:

— Мак, не пытайся заморочить мне голову.

— Господи, разве тебе ее заморочишь!

— Пойми, я не играю в игры, вроде тебя, с твоими обезьяноподобными выходками. Я не собираюсь придумывать пароли, наклеивать фальшивые бороды и цеплять на нос черные очки! Я имею в виду нудную и кропотливую ра-

боту, выяснение фактов, шаг за шагом… и может быть, без особенных успехов. Если ты отдаешь себе в этом отчет, то выбирай: либо мы действуем вместе, либо я и одна справлюсь без тебя.

— При одном условии, — угрюмо кивнул головой гигант. — Либо ты будешь одевать нормальную юбку, либо брюки подлиннее, а не эти… не знаю, как и назвать. Так с чего мы начнем?

— Начнем с мертвой собаки. С той самой пресловутой собаки. Откуда она взялась, кто был ее хозяином, отчего она умерла и так далее. Однако сейчас пока ответить на эти вопросы почти так же сложно, как мне согреться… — она поежилась, поглубже засунула руки в карманы пальто и прислонилась к дверному косяку. — Послушай, Мак. А что с этим мышьяком? Вот чем в первую очередь придется заняться. Кто-то пробрался в кухню и подмешал отраву в салат из тунца. Но мышьяк не так уж просто купить. Во всяком случае мест, где он продается, немного. И покупают его не каждый день. Значит, есть шанс напасть на след.

— Да? Я как-то не подумал об этом. И каким же образом ты собираешься напасть на след?

— Я кое-что придумала. Но до этого необходимо принять кое-какие предварительные меры. Вот

смотри — салат был отравлен в доме. Значит, надо перво-наперво обыскать дом.

— Ну что ж, пойдем, — Макгоуэн начал натягивать темно-голубой свитер.

— Как, прямо сейчас? — несколько смутилась Лаурел.

— А ты можешь предложить для этого более подходящее время?

Вошла миссис Вильямс и спросила, наткнувшись на стул:

— Мистер Куин! Вы здесь?

— Здесь.

— Тогда почему сидите в темноте? — Она нащупала выключатель.

Свет залил комнату, осветив Эллери, забравшегося с ногами в дальний угол дивана, возле окна. Он как завороженный смотрел на расстилающийся внизу Голливуд, который напоминал фантастический пульт управления, переливающийся и вспыхивающий всеми цветами электрической радуги.

— Мистер Куин! Ваш обед стынет.

— Оставьте его в кухне на столике, миссис Вильямс. И можете идти домой.

Она скептически фыркнула:

— А там к вам явились. Эта мисс Хилл и голый

мужчина. Только сегодня он почему-то оделся.

— Так что же вы молчали! — вскричал Эллери, подпрыгивая на диване. — Лаурел! Мак! Заходите! — крикнул он.

Они вошли, улыбаясь, но вид у обоих был слегка измученный. Гроув Макгоуэн оделся в элегантный костюм. Он даже галстук повязал.

— Так-так, все медитируете, да, Куин? Мы не помешали вашим глубокомысленным размышлениям? — приветствовал его самодовольно улыбающийся Мак.

— Насколько я могу судить, — поддержала своего спутника Лаурел с неменьшим самодовольством, — он не сдвигается со своего насиженного места уже в течение шестидесяти часов. Не так ли, Эллери? — Она внезапно изменила тон и сказала совершенно серьезно:

— А у нас для вас новости.

— Новости? Для меня?

— Мы кое-что выяснили.

— Интересно, а отчего это Мак сегодня при полном параде? — ухмыльнулся Эллери. — Ладно, присаживайтесь. Рассказывайте. Вы что, сами решили взяться за дело?

— И это оказалось проще простого! — бодро заявил юный гигант, развалясь в кресле. — Я

понял, что быть сыщиком — раз плюнуть. Как игра в индейцев. Давай, Мисс Мстительница, выложи-ка ему все!

— Ну-у… в общем, мы решили начать расследование своими силами, — сказала Лаурел.

— Это звучит как вежливый упрек лично мне со стороны разочарованного клиента.

— Да, это почти так. — Лаурел начала ходить взад-вперед по комнате, резко затягиваясь сигаретой. — Лучше уж выразиться начистоту, Эллери. Чтобы не было недомолвок. Я наняла вас разыскать убийцу. Я не ждала, конечно, что вы доставите его в руки полиции за двадцать четыре часа, но я ожидала хоть каких-то усилий, попыток, действий с вашей стороны. Чего-то, что свидетельствовало бы о вашей активности. А вы что делаете? Сидите здесь сложа руки и курите!

— А что же в этом плохого, Лаурел? — осведомился Эллери, набивая трубку. — Это метод, испытанный мною за многие годы.

— Да что вы говорите? Как мило!

— Вы разрываете наш договор, Лаурел?

— Ну-у… этого я не утверждала…

— Полагаю, самое большее, что хотела наша юная леди, вмешался Макгоуэн, — это слегка поторопить вас, Куин. Она думает, что просто

сидеть и думать еще недостаточно.

— Каждый волен думать, что хочет… и сколько хочет, — дружелюбно рассмеялся Эллери. — Присядьте, Лаурел, будьте так добры. А я вот лично думаю, что думать — это не так уж и мало. И если я просто сижу на месте, а не мотаюсь туда-сюда, это еще вовсе не означает, что я не интересуюсь происходящим. Или ничего не предпринимаю. Например я, пожалуй, могу продемонстрировать вам, как можно, хорошенько подумав, полностью узнать то, что вы собираетесь мне сообщить. Хотите, я расскажу, что вы предпринимали за последнее время? Сказать? — он закрыл глаза и немного помолчал. — Вы оба были заняты тем, что пытались выяснить, где взяли мышьяк, который подмешали потом в салат Роджера Приама. — Он открыл глаза: — Ну как, угадал? — и потер руки с видом средневекового мага.

— Угадали! — воскликнул Макгоуэн.

Лаурел широко открыла глаза:

— А как вам удалось?

Эллери многозначительно постучал кончиком пальца себе по лбу:

— Никогда не спешите с выводами! Далее. Могу рассказать также, чего вам удалось добиться. Итак, я шевелю всеми своими извилинами…

вспоминаю все мистические заклинания и напрягаю все свои оккультные способности. И что же предстает перед моим мысленным взором? О, я вижу, как вы… с Маком… находите… баночку крысиной отравы в подвале дома Роджера Приама. — У прыткой молодой парочки вытянулись физиономии.

Эллери продолжал:

— Ну да. Крысиной отравы. И вы выясняете, что в ее состав входит мышьяк… тот самый яд, который был обнаружен в салате Роджера. Ну как вам нравится, что я «только сижу и думаю», а?

Лаурел спросила с совершенно убитым видом.

— Но я не представляю, каким образом…

Эллери подошел к письменному столу светлого дерева и выдвинул один из многочисленных ящиков. Он вытащил квадратик плотной бумаги и пробежал его глазами.

— Да. Вы постарались проследить, где была куплена отрава, на этикетке которой написано «Смерть крысам». И вам удалось выяснить, что штука с таким устрашающим названием была приобретена тридцатого мая сего года в… дайте-ка посмотреть… точно, в аптеке Кеплера в Хайленде.

Лаурел бросила взгляд на Макгоуэна. Тот сму-

щенно ухмыльнулся в ответ. Она перевела взгляд на Эллери.

— Вы узнали это или от самого мистера Кеплера, или от его служащего, мистера Кэнди. К сожалению, моих способностей к ясновидению недостаточно, чтобы четко выбрать одного из них. Но кто-то из этих двух сообщил вам, что баночку «Смерти» купил высокий, красивый мужчина, которого он опознал, скорее всего по фото, захваченному вами с собой. Он назвал имя — Альфред Уоллес. Ну что, опять угадал, Лаурел?

Лаурел с трудом выдавила из себя:

— Как вы узнали?

— Видите ли, мисс Мстительница, я просто поручил часть работы тому, кто сможет выполнить ее лучше и быстрее меня. Или вас. Или вот этого славного Обитателя Деревьев. Лейтенант Китс собрал сведения за пару часов и сразу же сообщил мне. Зачем же я, в таком случае, должен бегать и жариться на калифорнийском солнце, если я могу просто сидеть здесь, в прохладе, получать информацию и спокойно ее обдумывать?

У Лаурел задрожали губы, а Эллери разразился громким хохотом. От ее самоуверенности не осталось и следа.

— Однако вы меня изрядно развеселили, Лау-

рел. Ну да ладно.

— Нет, не ладно! — Лаурел в полном отчаянии рухнула в кресло. — Эллери, простите меня. Вы должны считать меня теперь полнейшей идиоткой.

— Ну что вы! Нисколько. Просто вы немного нетерпеливы. Видите ли, в работе сыщика есть три важных задачи — собирать, обдумывать и действовать. И тем, кто хочет успешно провести расследование, надо научиться терпеливо ждать, пока первые два пункта будут выполнены. И только тогда переходить к третьему. Ну так что же еще вам удалось узнать?

— Больше ничего, — ответила Лаурел с несчастным видом.

— А я-то думал, что нам удалось добыть просто бесценные сведения, — сказал Гроув. — Ведь что-нибудь да значит тот факт, что Альфред Уоллес купил тот самый яд, который чуть не доконал Роджера…

— Если вы на основании одного только этого факта поторопитесь сделать выводы, то вы опять зайдете в тупик, — сухо заметил Эллери. — Лейтенанту Китсу удалось выяснить кое-что еще.

— А что?

— А то, что именно ваша мать, Гроув, решила

потравить мышей и крыс в подвале. И именно она приказала Уоллесу купить крысиного яда.

Макгоуэн судорожно проглотил комок в горле, а Лаурел внезапно очень заинтересовалась носками своих туфель.

Эллери непринужденно продолжил:

— Не переживайте, Мак. Я совсем не спешу с окончательными выводами по поводу вашей матери. И даже тот факт, что мы не обнаружили ни одной мышиной норы, ни одного мышиного следа… не заставит меня сразу же… Ну судите сами, ведь нет неопровержимых доказательств, что яд для салата Роджера был взят именно из этой несчастной баночки в подвале. И на самом деле нет никаких оснований считать, что у вашей матери или Альфреда были иные намерения, помимо травли мышей, которых по чистой случайности в доме все-таки не оказалось.

— Ну да, нет никаких оснований, — воспрянул духом Макгоуэн. Он оживал буквально на глазах и даже попытался перейти в наступление:

— Что за идиотская мысль предполагать что-нибудь иное! Это похоже на тебя, Лаурел, — вечно везде искать криминал! Все в порядке. И нечего выдумывать ужасы!

— Да-да, конечно, — тихо сказала Лаурел, все

еще разглядывая свою обувь.

Тогда Эллери возразил:

— Нет. Не все так просто, Мак. И не все в порядке. Иначе бы вы сами не стали вмешиваться, сами не поднимали бы шума…

— Если вы полагаете, что я способен выслеживать собственную мать… — взвился Макгоуэн.

— Знаете, в таком тоне мы с вами вообще ни о чем не договоримся, — покачал головой Эллери. — Давайте начистоту. Вас беспокоит, что ваша мать могла попытаться отравить вашего отчима?

— Нет! То есть я хотел сказать — да. Вы, черт возьми, сами знаете, что я хотел сказать! Что вы на меня навешиваете… вы меня за последнее дерьмо принимаете!

— Мак, это я тебя втянула в историю, — сказала Лаурел. — Прости. Тебя это не должно касаться.

— Нет, должно! И уже коснулось! Но не надо переворачивать с ног на голову все, что я говорю! И не надо трогать некоторые темы!

— Ну хотя бы об Альфреде Уоллесе вы можете говорить хладнокровно, а? — улыбнулся их горячности Эллери.

— Нет, черт побери! Лично мне наплевать на Уоллеса, но не на Делию… — выпалил вдруг Гроув

с угрюмой свирепостью на лице. — И сдается мне, что на вас ей тоже не наплевать…

— Ну хорошо. Пусть будет так, — махнул рукой Эллери. Сообщение Китса о причастности Делии Приам к появлению яда в доме и его самого повергло в отчаяние. — Но все-таки давайте ненадолго остановимся на личности Уоллеса. Мак, что вам известно о нем?

— Ничего.

— Как давно он служит у вашего отчима?

— Около года. Обычно люди на его месте долго не задерживались. Роджер менял их, как перчатки. Больше дюжины перебывало за пятнадцать лет. Уоллес пока держится…

— Он всегда у вас на глазах и у Лаурел…

— И у Делии, — добавил Макгоуэн со странной, саркастической усмешкой.

— Но особенно у Лаурел. Ведь она постоянно сообщает мне самые мельчайшие подробности о жизни в доме Приама. Однако, видимо, и этого недостаточно, чтобы я мог самостоятельно добраться до истины и понять, что же там происходит на самом деле. Так что придется копнуть поглубже, и не один раз. Поэтому перед нами, Лаурел, весьма обширное поле для деятельности.

— Я думаю, что могла бы заняться этой мертвой

собакой, — вяло промямлила Лаурел.

— Ах, так вы же еще ничего не знаете! — спохватился Эллери и опять направился к письменному столу.

— А что мы должны знать?!

Эллери обернулся, в руках он держал еще один листок бумаги.

— Собака принадлежала некоему Хендерсону, живущему на Клиборн-Авеню в районе Толюка-Лейк. Он — карлик, исполняющий эпизодические роли в фильмах. Пса звали Франк. Он исчез накануне праздников. Хендерсон обратился в ветеринарную службу, но там не оказалось никаких сведений о собаке, соответствующей его описанию. Вдобавок, к несчастью, у Франка не было официального удостоверения и регистрационного номера. Видимо, Хендерсон питал отвращение ко всякого рода формальностям. И когда ветслужба забирала труп собаки у вашего дома, то с ней поступили, как с обычной дворняжкой. Только потом Хендерсон в один из своих визитов в ветеринарную контору случайно опознал ошейник, который ему и был возвращен.

Китс видел ошейник, хотя расставаться с ним Хендерсон отказался, по чисто личным мотивам. Но все равно Китс считает, что никакой инфор-

мации из этого ошейника извлечь не удастся. И вообще нет никаких следов серебряной коробки с запиской, которая была прикреплена к нему. Правда, коробочка упоминается в расписке Хендерсона, составленной при получении ошейника. Но он заявил, что сразу же выбросил ее, как вещь, ему не принадлежащую.

Что касается причины смерти собаки, то один ветеринар припомнил этого пса и утверждает, что он умер от отравления. На вопрос, не от мышьяка ли, он ответил: — «Да, очень возможно». Но его мнение не может служить доказательством, так как химического анализа останков не проводилось. Все, что мы можем это исходить в своих рассуждениях из предположения, что пса накормили чем-то, куда добавили мышьяк. Но это всего лишь предположение в цепи рассуждений, а отнюдь не доказанный факт. Вот и все, что касается мертвой собаки. Можете теперь забыть о ней, Лаурел.

— Постараюсь, если смогу, — покорно сказала Лаурел. — И… еще раз простите, Эллери.

— Что вы, Лаурел, это моя вина, что я не удосужился вовремя сообщить вам обо всем, — Эллери обнял ее за плечи и она слабо улыбнулась в ответ. — Мак, знаете, мне нужно кое-что сказать

Лаурел… наедине. Не будете ли вы так добры оставить нас на пару минут?

— Сдается мне, — угрожающе заворчал гигант, поднимаясь с места, — что вы спец не только по уголовной части, но и по части женского пола, Эллери! — Он свирепо выпятил нижнюю челюсть. — А от моей матери держитесь подальше, слышите — иначе вашему черепу, да и всему остальному, очень не поздоровится!

— Мак, прекрати хамить! — заволновалась Лаурел.

— Ах, Лаур, тебе тоже не терпится остаться с этим субъектом наедине?!

— Подожди меня в машине, ясно тебе? — возмутилась Лаурел.

Мак, уходя, чуть не вышиб дверь.

Лаурел, подойдя следом за ним к двери и глядя ему в спину, смущенно пробормотала:

— Он напоминает мне… большого датского дога. Огромный, благородный и… немного недогадливый. Что вы хотели мне сказать, Эллери?

— Недогадливый? Это почему? — Эллери пристально взглянул на нее. — По отношению ко мне? Очень даже догадлив. И я не отрицаю, что нахожу Делию Приам чрезвычайно привлекательной.

— Господи, да не в отношении вас, а совсем в другом. Ладно, это неважно. Так что же вы хотели?

— Тогда, значит, недогадлив по отношению к Делии? Лаурел, вам известно что-нибудь о ней?

— Если вы собираетесь расспрашивать меня о Делии, то я… я отказываюсь отвечать. Я могу идти?

— Сейчас, минутку. — Эллери подошел, закрыл дверь и спросил, глядя на ее светло-коричневую челку. — Понимаете, Лаурел, лейтенант Китс неплохо поработал и в вашем собственном доме…

Она вздрогнула и подняла глаза:

— Что вы имеете в виду?

— Расспросил вашу прислугу. Экономку, шофера.

— Они никогда ничего не скажут мне во вред!

— Лаурел, вы имеете дело с профессионалом, и неплохим. Они даже не заметили, как рассказали все, что нужно. — Взгляд Эллери стал очень серьезным, даже скорбным. — Несколько недель назад вы потеряли — или оставили где-то — небольшую серебряную коробочку. Похожую на коробочку для пилюль.

Она сильно побледнела, но голос ее не дрог-

нул:

— Это и была коробочка для пилюль.

— Из описаний, данных миссис Монк, Симеоном и Ичиро — вы ведь спрашивали у них о пропаже — следует, что коробочка как две капли воды походит на ту, которая, по вашему собственному описанию, была на ошейнике мертвой собаки. Китс хотел немедленно допросить вас, но я попросил его повременить и обещал, что сам займусь этим. Лаурел, это ваша серебряная коробочка была на ошейнике злополучного пса?

— Не знаю.

— Почему вы не упомянули о том, что как раз накануне потеряли точно такую же коробочку?

— Потому что я и мысли не допускала, что это может быть та самая. Это же нелепость! С какой стати моя коробка оказалась бы на ошейнике? Я приобрела ее на майской ярмарке и полагаю, что во всех универмагах Бродвея да и в сотне других продавались точно такие же. Она предназначена для хранения витаминов и других лекарств. Они продаются повсюду! Я собиралась подарить ее папе. Он постоянно пользовался таблетками, вечно разыскивал их по карманам. Но коробочка куда-то запропастилась…

— Ну а могла эта коробка оказаться именно

вашей?

— Ну-у… могла, конечно, хотя…

— Свою вы с тех пор так и не нашли?

Она обеспокоенно взглянула на него:

— Вы что, действительно считаете, что это та самая?

— Я еще ничего окончательно не считаю, Лаурел. Просто стараюсь просмотреть все возможные варианты. И выбрать наиболее вероятный. — Эллери приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу. — Хотелось бы быть уверенным, что вы убедите своего могучего обожателя, что я отпускаю вас virgo intacto.[5] А то я весьма дорожу сохранностью своего черепа. Можно сказать, это мой единственный рабочий инструмент. — Он улыбнулся и слегка сжал ее ладонь.

Эллери долго смотрел вслед удаляющейся парочке, пока они не скрылись за поворотом. На его лице не было и следа прежней улыбки.

Эллери отправился на кухню, где его ждал вконец остывший обед, и принялся его машинально пережевывать. Во всем доме стояла мертвая тишина. Слышно было лишь движение его че-

---

[5] СНОСКИ: 5

Virgo — девица, дева. Intacto — целый, невредимый, нетронутый (лат.; прим. переводчика)

люстей.

И тут раздался еще один слабый звук. Кто-то постучался во входную дверь?

Эллери удивленно крикнул:

— Войдите!

И вошла она.

— Делия, — он встал со стула, все еще держа в одной руке нож, а в другой — вилку.

Длинное пальто из темно-голубой ткани свободно облегало ее фигуру. Поднятый воротник обрамлял изящно посаженную голову. Она стояла, прислонясь спиной к двери, и молча разглядывала кухню.

— Я все это время ждала в саду, в темноте. Видела машину Лаурел. И когда она и Гроув уехали, я решила переждать еще немного. У меня не было полной уверенности, что ваша экономка уже ушла.

— Она ушла.

— Хорошо — она засмеялась.

— Где ваша машина, Делия?

— Я оставила ее на боковой дороге, у подножия холма. И поднялась пешком. Эллери, в вашей кухне очень уютно…

— Неплохо, — согласился он, по-прежнему стоя с вилкой и ножом в руках и даже не шелохнув-

шись.

Улыбка завяла на ее лице. Потом расцвела опять.

— Ах, ну не будьте же так ужасно серьезны, Эллери! Я как раз проезжала мимо и решила заглянуть, узнать, как вы поживаете…

— И что уже успел предпринять?

— Ну да… — А у нее ямочки на щеках! Как это он раньше не замечал?

— Делия, этого не стоило делать.

— Чего именно?

— Голливуд — городок маленький, Делия. Здесь повсюду глаза и уши. Тут не нужно большого труда, чтобы запятнать репутацию порядочной женщины…

— Ах, вот вы о чем… — Она помолчала. Затем расплылась в некоем подобии улыбки. — Конечно, вы, как всегда, правы. Это неблагоразумно с моей стороны. Но просто иногда бывает… — Она внезапно оборвала свою речь на полуслове и дрожь пробежала по ее телу.

— Что бывает, Делия?

— Ничего. Я просто хотела… Есть какие-нибудь новости?

— Да, кое-что по поводу яда.

Она пожала плечами:

— Но я действительно думала, что в подвале мыши.

— Понятно.

— Спокойной ночи, Эллери.

— Спокойной ночи, Делия.

Он даже не предложил проводить ее до машины, а она, казалось, и не ожидала этого.

Он долго еще смотрел на дверь, не двигаясь с места.

Потом поднялся наверх и налил себе тройную порцию виски.

К трем часам утра Эллери оставил всякие попытки заснуть и с трудом выполз из постели. Он включил свет, набил и раскурил трубку. Потом погасил свет и уселся у окна, созерцая Голливуд, слабо мерцающий далеко внизу. Когда он блуждал в потемках, свет всегда раздражал его.

Сейчас он чувствовал себя заблудившимся, как никогда. Причем в очень глухих потемках.

Случай действительно незаурядный. Но загадка всегда кажется неразрешимой, пока не найден ответ. Стоит нащупать его, и таинственный туман рассеется. Не то чтобы Эллери особенно беспокоил этот налет таинственности, окутывающий все происходящее, как предрассветный туман — Лос-Анджелес. Все преступления фантастичны

и таинственны, поскольку, как правило, являются результатом мечтаний и самых затаенных желаний человека. Вот этот неизвестный враг из прошлого, например, мечтал о мести в течение четверти века… Ну не фантастично ли?

Он усмехнулся в темноту. Опять же — странность записки… В том, что этот тип преподнес подарочек в виде дохлого пса, вовсе нет ничего странного. В конце концов даже нелепая записка, возвещающая медленную смерть и серию таинственных предупреждений с особым значением, тоже не особенно удивительна. Изумляет другое. То, что его ненависть не угасла с годами, а сохранила свою силу на протяжении двух десятков лет. И такое упорство кажется уже не просто мечтой, не буйной фантазией и тайным желанием, а рассудочностью и хладнокровием, граничащим с патологией.

Фантазия — это всегда лишь разновидность обыденной реальности, просто усиленной в той или иной степени. Для Голливуда такого рода чрезмерности и экстравагантности всегда были в порядке вещей. В штате Иллинойс, к примеру, Роджер Приам выделялся бы из общества, как совершенно чужеродный элемент. Но в Голливуде он вполне вписывается в окружающую

обстановку. Конечно, женщин, подобных Делии Приам, порой можно встретить и в Сиэтле, но она — непременный атрибут именно Голливуда, как гурия — признак мусульманского рая. Такой тип женщины — настоящий сосуд желаний… И этот парень, Обитатель Деревьев, которого где-нибудь в Нью-Йорке давно бы уже просто-напросто отправили на обследование в небезызвестную лечебницу… Здесь же он — еще один объект восхищения для местной публики, украшение газетных полос.

Нет, странность этого случая не в воспаленном воображении преступника.

А в странном недостатке фактов.

Много ли мы имеем? Врага из прошлого. Какого прошлого? Никаких данных. Этот враг приготовил целую серию таинственных предупреждений. Каких? Дохлый пес — раз. Далее идет неизвестное содержимое коробки для Приама. Следом — намеренно несмертельная доза мышьяка. Ну, а что потом? Скорее всего должно последовать еще много подобных «предупреждений». Причем это не просто предупреждения, они обладают «специальным значением». Их несколько — значит можно составить общую картину. Какую? Где связь между мертвой собакой

и отравленным салатом из тунца? Ах, если бы только знать, что там было в коробке у Приама! Но как это сделать? Никак. Приам наверняка уничтожил ее. Но сам-то он знает! Как заставить его говорить? Надо заставить! Во что бы то ни стало.

Да-а-а, потемки-то еще темнее, чем он предполагал! Эллери погрузился в глубокое раздумье, покусывая конец трубки. Все факты можно, конечно, сложить в одну картину. Но где взять уверенность, что картина получается именно та самая? Предположим, что мертвый пес — первое звено серии, предназначавшейся Хиллу. Но остальные, видимо, навсегда погребены в сознании неведомого преступника, и причиной этому — скоропостижная смерть Хилла. Можно также предположить, что неведомое содержимое коробки Приама — первое звено другой, предназначенной Приаму, серии. Второе звено — отравленный тунец. И эти две серии значений могут вообще не иметь между собой ничего общего… А могут и иметь.

Видимо, самым разумным будет пока отключиться от полученного Хиллом мертвого пса и сосредоточиться на живом Приаме. При этом исходить из предположения, что загадочная коробка и отравленный салат начинают иную,

совсем особую серию…

Эллери опять лег в постель. Последней связной мыслью его было, что он должен любой ценой узнать содержимое коробки Приама и терпеливо ждать третьего «предупреждения».

Ему все время снилась Делия Приам, ласково скалившая зубы в густых джунглях.

ГЛАВА VII

Насколько Эллери смог понять из сбивчивых рассказов Делии, Альфреда и старого мистера Кольера — в это знаменательное воскресное утро, когда он прибыл по вызову Делии к Приамам, она поднялась очень рано, чтобы пойти в церковь. Кроме беглого замечания, что ее визиты в церковь носят «спонтанный» характер, она избегала подробно касаться этой темы. Из оброненных ею слов Эллери сам догадался, что она просто не имеет возможности ходить туда более регулярно, как ей хотелось бы. Особенности ее домашней жизни только иногда позволяют ей ускользнуть на волю, в одну из тех старых церквей, где «блаженный шепот священника на утренней мессе» возвращает ее в далекое детство и ее подлинный круг, в котором она выросла. К корням, так сказать. Как раз сегодня утром ей представилась возможность отлучиться. На пятый день после случая с отравлением и на второй после ее ночного визита к Эллери.

В то время как Делия поднялась и ушла весьма в ранний час, Альфред Уоллес спал довольно

долго. Обычно же Альфред вставал рано, потому что Роджер не давал ему часто ни минуты покоя, и Уоллес вскоре сообразил, что если он хочет не торопясь насладиться завтраком, то он должен успеть сделать это до пробуждения Приама. Только по воскресеньям Приам предпочитал полежать в одиночестве подольше, что позволяло Уоллесу раз в неделю выспаться и встать не раньше девяти.

Отец же Делии неизменно вставал с птицами. Сегодня он позавтракал вместе с дочерью. Когда она уехала в Лос-Анджелес, мистер Кольер отправился на свою утреннюю прогулку в лес. По дороге он остановился у большого дуба и попытался разбудить своего внука. В ответ на все его попытки из листвы доносился храп, достойный Гаргантюа и Пантагрюэля, вместе взятых. Тогда старик вернулся в дом и отправился в библиотеку. Она располагалась ниже главной залы, прямо напротив двери в комнату Приама. Их разделяла небольшая площадка, дальше переходившая в холл. Было начало девятого, как сообщил мистер Кольер Эллери Куину. Дверь в комнаты зятя была заперта, и из-под нее не выбивалось ни лучика света. Так обычно всегда бывало в этот час по воскресеньям. Поэтому старик спокойно достал

альбом почтовых марок, пинцет, каталог Скотта и принялся неторопливо распределять последние приобретения по своим местам. «Знаете, я немало побродил по свету, — сообщил он Эллери, — и какое же это потрясающее наслаждение — собирать марки тех мест, где сам уже побывал! Хотите посмотреть?» Но Эллери вежливо отклонил его предложение. Сейчас было не до этого.

В начале десятого вниз спустился Альфред Уоллес. Он обменялся обычным приветствием с отцом Делии — ведь дверь библиотеки всегда оставалась открытой — и пошел завтракать, даже не заглянув к Приаму.

Миссис Гвитириз подавала ему завтрак, а Уоллес просматривал свежие газеты. Другая горничная и шофер в этот день были выходные, в доме стояла необычная тишина и покой. Только слышно было, как вторая кухарка готовит завтрак Роджеру Приаму.

Около десяти Альфред аккуратно сложил стопкой газеты, с шумом отодвинул стул и вышел с газетами в холл. Приам любил, чтобы воскресная пресса всегда была под рукой, а если этого не случалось, немедленно впадал в ярость.

Уоллес заметил свет, пробивающийся из-под двери, и ускорил шаги.

Он вошел, не постучав.

Как позже рассказывал мистер Кольер, он узнал о случившемся, услышав крик Альфреда: «Мистер Кольер! Мистер Кольер! Сюда!» Старик отбросил свой альбом с марками и кинулся в комнату Роджера. На пороге он столкнулся с Уоллесом, который рванулся к телефону, крикнув ему с безумным видом: «Присмотрите за мистером Приамом! Не случилось бы чего!» И в панике забормотал что-то в трубку насчет полиции и лейтенанта Китса. Кольер поспешил к креслу своего зятя, которое все еще оставалось в разложенном виде. Приам, в пижаме, приподнялся на локтях и застыл с выражением дикого ужаса в глазах, беззвучно открывая и закрывая рот. Насколько Кольер мог понять, с Роджером не приключилось ничего плохого, если не считать поразившего его ужаса. Тогда старик уложил своего парализованного зятя на спину, стараясь его успокоить. Но Приам лежал неподвижный и напряженный, словно в столбняке, ни на что не реагируя. Глаза его были плотно зажмурены, будто он больше всего на свете боялся снова увидеть окружающее. Старику так и не удалось добиться от него никакого ответа.

В этот момент из церкви вернулась Делия.

Испуганный вскрик заставил Уоллеса оторваться от телефона, а Кольера — от Роджера. Делия стояла в дверях комнаты Приама с таким видом, как будто не в силах была поверить собственным глазам.

Она была настолько бледна и испугана (даже более своего мужа), что в любую минуту могла потерять сознание.

— Это… Эти… — лепетала она.

Ее затрясло в истерическом смехе.

Уоллес грубо сказал:

— Уберите ее!

— Он мертв! Он мертв! — билась в истерике Делия.

Кольер поспешил к ней.

— Нет, нет, дочка… Просто до смерти перепуган. Пойди-ка лучше наверх. Мы сами позаботимся о Роджере.

— Он не умер? Но почему… И как могли эти…

— Делия, что ты, успокойся, — гладил ее по плечу старик.

— Ничего не трогай здесь! Ничего!

— Не буду, не буду, дочка…

— Чтобы никто ничего здесь не трогал, слышите? Все должно остаться как есть. В точности! — Делия кинулась к телефону и позвонила Эллери.

Когда Эллери появился около дома Приама, перед входом уже стояла патрульная полицейская машина. В ней сидел молодой офицер, что-то докладывавший по радио начальству. Он походил на рыбу в аквариуме, с беззвучно шевелящимся ртом. Его напарник, видимо, был уже в доме.

— Эй, ты! — высунул он голову из машины. — Куда идешь? — Его лицо покраснело от негодования.

— Я друг семьи. Миссис Приам только что звонила мне. — У Эллери был не менее свирепый и решительный вид, чем у полицейского в машине. Говоря с Эллери по телефону, Делия билась в истерике, и единственное слово, которое она повторяла — «лягушки», — ровным счетом ничего ему не сказало. Поэтому он спросил офицера:

— Да что стряслось, наконец?!

— Знаете, я не в силах больше все это повторять, — вдруг жалобно сморщился тот. — Не могу больше выносить их насмешек! Они там, в управлении, думают, что я пьян! Да за кого они меня принимают? Это в воскресенье-то, с утра! В этом чокнутом городе я уже насмотрелся всякого, но это уж слишком!

— Ладно, возьмите себя в руки. Известили уже лейтенанта Китса? — спросил Эллери.

— Да, дома застали. Он сейчас будет здесь.

Эллери поспешил внутрь, перепрыгивая через ступеньки. Когда он вбежал в холл, то сразу увидел Делию. На ней были надеты специально для выхода в город простые черные шляпа, перчатки и платье. Она стояла, бессильно прислонясь к стене. Альфред Уоллес, весь какой-то взъерошенный и растерянный, обеими руками сжимал ее ладонь и что-то горячо шептал ей на ухо. Внезапно эта живописная сценка прервалась: Делия заметила Эллери, что-то быстро сказала Уоллесу, вырвала руку и поспешила вперед. Уоллес обернулся, слегка испуганный. И поспешил следом за ней, шаркая ногами, как будто боялся оставаться один:

— Эллери!

— С мистером Приамом все в порядке?

— Он в шоке.

— Знаете, любой был бы на его месте в шоке, — вмешался вдруг Уоллес, дрожащей рукой доставая носовой платок и утирая пот со лба. — Скоро будет доктор. Мы никак не можем привести его в чувство.

— А при чем тут какие-то «лягушки», Делия? — Эллери прошел через холл в сопровождении миссис Приам, крепко вцепившейся ему в рукав.

Уоллес остался стоять, все еще вытирая пот со лба.

— Лягушки? Разве я сказала — лягушки? Я сказала…

Эллери остановился в дверях.

Второй полицейский сидел на стуле в комнате Роджера Приама, широко расставив ноги, сдвинув фуражку на затылок и оглядываясь по сторонам с абсолютно беспомощным видом.

Роджер Приам лежал неподвижно, уставившись в потолок.

Все вокруг: тело Приама, одеяла, простыни, полки и ручки его кресла, пишущая машинка, пол, мебель, кушетка Уоллеса, подоконники, карнизы, каминная решетка и каминная доска — буквально все было усеяно лягушками.

Лягушками и жабами.

Сотнями лягушек и жаб.

Крошечными древесными квакшами.

Желтобрюхими лесными лягушками.

Жабами-водоносами.

И у каждой была свернута крохотная голова.

Их маленькие мертвые трупики покрывали всю комнату сплошным ковром.

Эллери почувствовал, что полностью выбит из седла. Лягушка — это всегда нечто нелепое, сме-

хотворное, сразу же ассоциирующееся в нашем сознании с веселой детской чепухой. Но если хорошенько подумать, то можно вспомнить, как за черным нильским быком с орлом на спине и жуком-скарабеем на языке скрывается образ великого бога — Аписа, и тогда становится ясно, что за абсурдом часто таится страх… Великий Страх — вечный деспот, принимающий самые различные обличья. В середине двадцатого века он предпочел выступать под видом гигантского грибовидного облака, возникающего на горизонте… А чем лягушки хуже? Они были частью знаменитых Египетских казней Ветхого Завета, наряду с дикими зверями, тьмой, рабством и гибелью первенцев… Так что ничего нет особенного в том, что Приам до сих пор не может прийти в себя. Уж Приам-то знает, как истолковать происшедшее. Он-то знает, как ужасен должен быть гнев богов Судьбы: он сам изо всех сил всегда старался походить на такого божка местного значения…

Пока Китс с полицейским осматривали дом, Эллери расхаживал по комнате Приама, пытаясь понять хоть что-нибудь. Зрелище одновременно волновало и зачаровывало. Смысл случившегося окутывала непроницаемая тайна. Связь между происходящим и всем остальным оставалась

полной загадкой. И эта непостижимость завораживала непосвященного — а ведь Эллери пока еще ничем не отличался от случайного зрителя на каких-нибудь древних мистериях. Вот Приам — совсем другое дело. Уж он-то был в самом центре происходящего и прекрасно отдавал себе во всем отчет. Завеса тайны для него была отдернута. Он должен был лучше других понимать смысл случившегося и связь его со всем остальным. Однако одного знания часто бывает недостаточно, чтобы справиться с ситуацией. И уж тем более недостаточно для того, чтобы сохранять душевный покой. Так что в данном случае понимание обернулось для Приама, по всей видимости, лишь холодным и неизбывным ужасом.

Китс обнаружил Эллери, стоящего под старинным испанским портретом в холле и сосредоточенно покусывающего ноготь большого пальца.

— Доктор уже ушел, лягушек сейчас уберут и мы с вами сможем спокойно обсудить случившееся, — сказал он.

— Да, конечно.

— Это что же — то самое ваше «третье предупреждение», да?

— Да.

— Что до меня, — сказал на это лейтенант,

устало опускаясь в глубокое кресло, — то все это напоминает сумасшедший дом.

— Не будьте так поспешны в суждениях, мой друг.

Китс взглянул на Эллери с легкой досадой.

— Я не желаю заниматься подобной ерундой, мистер Куин. С самого начала вся эта история вызывала у меня подозрение. И какого черта ему понадобились все эти спектакли? — По его тону чувствовалось, что он предпочел бы простую и надежную пулю.

— А что Приам?

— Да жив он, здоров. А вот с доктором неловко вышло. Ну, с Волютой. Похоже, мы оторвали его от очень приятного времяпрепровождения с какой-то блондинкой в Малибу. Известие о лягушках он воспринял как личное оскорбление. Но приехал, вывел Приама из шока, дал снотворное и поковылял, чертыхаясь, к своему автомобилю.

— А вы уже беседовали с Приамом?

— Я-то да. Но не он со мной.

— Что, неужели не проронил ни слова?

— Не то чтобы совсем не проронил… Сказал только, что он проснулся, включил свет, увидел этих тварей — и больше ничего не помнит.

— Даже никак не попытался объяснить все

это? — удивился Эллери.

— Неужели вы всерьез полагаете, что подобный бред что-нибудь да значит?!

— Скажу вам одно, лейтенант, — многозначительно покачал головой Эллери, — такого человека как Приам не так-то легко напугать простым зрелищем сотни-другой лягушек, пускай даже и дохлых. Его реакция оказалась слишком бурной. Наверняка эти твари значат для него еще что-то. Просто так у взрослого мужчины волосы дыбом не встанут!

Китс сокрушенно покачал головой:

— Ну и что же теперь нам делать?

— Смотря что вам удалось выяснить.

— Ровным счетом ничего.

— Ну, а кто побывал здесь, устроил все это — что, никаких следов вообще?

— Никаких. И быть не могло. Вы приехали из Восточных штатов, где все сторонятся друг друга. Здесь же у нас — Великий Запад, где мужчины еще остаются мужчинами и никто не унижается до того, чтобы запирать двери. Кроме приезжих, вроде вас. Так что любой мог спокойно проникнуть в дом. — Китс пожевал незажженную сигарету во рту. — Даже злостные должники не запираются от кредиторов. — Он заметался меж-

ду креслами. — Вся беда в том, что Приам начисто отказывается трезво взглянуть на происходящее! Его травят, заваливают дохлыми лягушками, а он только больше замыкается в себе. Знаете, что мне начинает казаться? Что все в этом доме, исключая нас с вами, ведут двойную игру!

Но Эллери, погруженный в свои мысли, не слушал его, а смотрел куда-то в пространство. Он произнес с тем же отрешенным выражением лица:

— Так, значит, ему удалось беспрепятственно проникнуть в дом — просто войти. Скорее всего сразу после полуночи. Дверь в комнату Приама тоже не запирается, чтобы Уоллес или еще кто-нибудь могли немедленно явиться по первому звонку. Значит, и туда он попал без труда. И вот он у цели, с сумкой, полной мертвых лягушек. Приам спит. Жив, здоров, но крепко спит. Спрашивается: как же крепко должен спать человек, чтобы ночному гостю удалось в полнейшей темноте беспрепятственно разложить две или три сотни лягушек повсюду, даже у самого носа Приама — и не побеспокоить его? Странно, лейтенант.

— Да, — устало согласился Китс. — Но Приам вылакал целую бутылку крепкого вина и поэтому действительно уснул мертвым сном.

Эллери недоверчиво покачал головой и продолжал рассуждать:

— Ладно, вернемся к лягушкам. Первое предупреждение — коробка, содержимое которой нам неизвестно. Второе — отравленный рыбный салат. И третье — куча дохлых лягушек. Второе и третье должно помочь нам догадаться о том, каким было первое.

— Думаю, что вы смело можете предположить, что в первой коробке были жареные кокосы, — оживился Китс. — И что тогда из этого следует?

— Лейтенант, какая-то логическая связь должна быть обязательно!

— Но какая же?

— Не просто так взяты лягушки. Они должны что-то означать.

— Лягушачий концерт, например, — невесело рассмеялся Китс. — Ладно, ладно — пускай означают. Все на свете что-нибудь да значит. Только я не стану ломать над этим голову. Меня занимает другое — чего ждет Приам? Почему молчит? Или он хочет сдаться без боя?

— Он уже давно ведет бой, лейтенант, — нахмурился Эллери. — Только на свой собственный лад: чьи нервы сдадут первыми. Поэтому он не может обратиться к нам за помощью или даже просто

принять помощь со стороны, пусть и непрошеную — для него это будет означать поражение. Неужели непонятно? Он всегда хочет быть на высоте, при этом благодаря исключительно своим собственным силам. Он старается перехитрить судьбу. И если ему это не удастся, жизнь потеряет для него смысл. Не забывайте, что он не просто человек, а человек, проводящий свою жизнь в инвалидном кресле. Говорите, он сейчас спит?

— Да, а Уоллес дежурит рядом. Я хотел оставить там полицейского, но в ответ выслушал такое… Я попытался было добиться обещания, что он станет держать двери на запоре. И ничего не добился.

— Ну а что вы думаете о подоплеке всей этой истории? — спросил Эллери.

Лейтенант смял изжеванные останки сигареты и швырнул их в камин.

— Ничего не думаю. У меня уже мозги отказываются думать. Вчера я подключил еще двух новых сотрудников. — Он сунул в рот свежую сигарету. — Смотрю я на нас с вами со стороны, мистер Куин, — ну вылитая парочка незадачливых деревенских констеблей! С ходу пытаемся взять быка за рога. Заставить Роджера заговорить. А он сидит себе и знает ответы на все. Кто этот враг?

Как он умудрился лелеять свой план столько лет? И вообще, зачем…

— И что было в первой коробке, — пробормотал себе под нос Эллери.

— Да, и это. Ладно, сегодня я обещал доктору Волюте оставить Приама в покое. Но уж завтра я припру его к стенке!

Когда Китс удалился, Эллери побрел в холл. В доме стояла гнетущая тишина. Взволнованный Гроув Макгоуэн побежал к Хиллам, рассказать Лаурел о необычайном нашествии земноводных. Дверь в комнату Приама была плотно закрыта.

Делии не было ни видно, ни слышно. Ему сказали, что она пошла к себе, заперлась и, видимо, легла. Состояние мужа у нее больше не вызывало ни малейшего интереса. Она сама выглядела гораздо более больной.

Эллери, вконец расстроенный последним обстоятельством, совсем уже собрался уходить, но в последний момент вспомнил, что еще не побывал в библиотеке. Или он просто искал предлог, чтобы остаться? Как бы то ни было, он вошел в дверь напротив комнаты Приама.

В библиотеке сидел отец Делии, внимательно разглядывавший водные знаки на марках из своей коллекции.

— А-а, это вы, мистер Кольер! — приветствовал его Эллери. Старик бросил взгляд в его сторону и тут же вскочил, расплывшись в улыбке.

— Заходите, заходите же, мистер Куин. Ну как, все в порядке, надеюсь?

— Почти, — ответил Эллери. — От лягушек, по крайней мере, мы уже избавлены.

Кольер скорбно покачал головой:

— Люди так бесчеловечны! Казалось бы, уж можно ограничить свои кровожадные порывы пределами нашего собственного рода. Так нет! Кому-то понадобилось вымещать свою досаду на таком безобидном создании, как Hyla regilla[6], уж не говорю о…

— На ком, на ком?! — изумился Эллери.

— Hyla regilla. Древесные квакши, мистер Куин, или иначе — древесные лягушки. Бедняжки в основном принадлежали к этому виду амфибий. — Тут Кольер немного повеселел и сказал: — Ладно, не стоит больше об этом. Хотя единственное, чего я все-таки не могу понять, почему взрослый мужчина вроде Роджера Приама так перепугался их вида… пускай даже со свернутыми шеями? Что за нелепость!

---

[6] СНОСКИ: 6

Hyla regilla — (лат.) квакши. — мелкие лягушки, ведущие древесный образ жизни благодаря присоскам на концах пальцев (прим. ред.)

— Мистер Кольер, — как бы между прочим спросил Эллери, — а как вы думаете, в чем здесь причина?

— Причина? — воскликнул старик и решительно отложил пинцет в сторону. — Я скажу вам, в чем здесь причина? Она в злобе и испорченности. В алчности и эгоизме, ненависти и жестокости, а равно — в недостатке совести и сдержанности. В черных душах и черных мыслях, свирепости, невежестве и страхе. Причина в нежелании стремиться к добру и удовлетворяться тем, что имеешь. В желании стяжать то, чего у тебя еще нет. В зависти и подозрительности, дурных страстях и вожделении, в стремлении господствовать надо всем и надо всеми. В пьянстве и дьявольской ярости, в жажде грубых удовольствий и острых ощущений. Короче говоря — причина в самой природе человека, мистер Куин.

— Благодарю вас, — смиренно поклонился Эллери и отправился восвояси.

На следующее утро лейтенант Китс надел свой выходной костюм и отправился к Роджеру Приаму с таким видом, словно судьба всего Лос-Анджелеса зависела сейчас от ответов последнего. Но дело кончилось ничем, если не считать того, что Китс в конце концов вышел из

себя и употребил несколько выражений, не рекомендуемых к употреблению в руководствах для полицейских офицеров. А затем вынужден был отступить под градом еще более крепких выражений (не говоря уж о предметах), обрушившихся ему вдогонку как беглый огонь из всех орудий. Приам же в результате понес ощутимые потери в виде приспособлений своего кресла, которые он в ярости пустил в ход.

А дело было так. Всю ночь Приам пролежал безучастный ко всему на свете, уставив бороду в потолок. Правда, не совсем уж безучастный — в запавших глазах иногда вспыхивали отблески обжигавшего его пламени, а по телу время от времени пробегала дрожь. Чувствовалось, что это просто затишье перед бурей. Он лежал — как сказочный великан — изрядно измученный поединком, но непобежденный.

Китс пробовал подступиться к нему и так и эдак. Апеллировал к здравому смыслу, льстил, шутил, взывал к самосознанию гражданина и чувству собственного достоинства, насмехался, задавал провокационные вопросы, угрожал, ругался и наконец перешел на крик. Приам же и бровью не повел, пока не начались брань и угрозы. Тогда он почувствовал себя в своей привычной стихии и с

наслаждением и большим искусством ответил в том же духе. Так что сам Китс, уже позеленевший от ярости, вынужден был признать, что когда дело касается перебранки, то не ему тягаться с Приамом.

Альфред Уоллес все это время невозмутимо стоял радом с креслом хозяина, и хотя ему походя тоже досталось, только легкая усмешка кривила иногда его губы. Присутствовавшему при этой сцене Эллери пришло в голову, что в облике Уоллеса содержится нечто от столь любимых мистером Кольером Hyla regilla — способность мгновенно приспосабливаться к окружающему фону, меняя окраску тела. Например, вчера Приам был растерян — Уоллес также был растерян. Сегодня Приам собран и решителен — и Уоллес тоже. Как ни незначительно было это обстоятельство на фоне других загадочных происшествий, оно почему-то не давало Эллери покоя.

Затем он пришел к выводу, что он, может быть, зря придает такое значение подобным мелочам и что они могут иметь вполне невинное объяснение. Например — преданность хозяину. А когда Эллери уже переступал порог дома, сопровождаемый последними раскатами брани и грохотом захлопываемой Уоллесом двери, он внезапно

вспомнил совсем другого Приама. Никакой воинственности. Ни следа свирепого гнева или угроз. Борода, бессильно упавшая на грудь. Руки, беспомощно хватающиеся за подлокотники кресла, как за последнюю соломинку. Глаза, зажмуренные от ужаса. В тот момент Эллери даже увидел, как беззвучно шевелятся его губы. Он готов был утверждать, как ни невероятно это было, что такой старый богохульник, как Приам молился. И тогда Уоллес сразу же захлопнул дверь перед его любопытным взором.

— Да-а… неплохо, Китс, — удовлетворенно пробурчал Эллери, глядя на захлопнувшуюся за ними дверь, — это уже кое-что.

— Что кое-что? — фыркнул лейтенант. — Вы же слышали, этот негодяй умудрился ни слова не сказать ни о коробке, ни о лягушках, ни что все это означает — ничего… Кроме того, что он — видите ли! — в помощи не нуждается и со всем управится сам. Как и положено настоящему мужчине. Так чего же мы добились, мистер Куин?

— Мы? Приближения к краху.

— Краху чего?

— Приама. Китс, ведь он просто мечется, как хищный зверь в капкане. Он даже в большем отчаянии, чем я предполагал. Разыгрывает свой

свирепый спектакль исключительно ради нас — и неплохо, надо сказать, если учесть, в каком смятении он находится на самом деле.

Но это, видимо, еще далеко не конец, Китс, — нахмурившись, добавил Эллери. — Еще совсем не конец.

ГЛАВА VIII

Лаурел заявила, что лягушки — это очень важно. Преступник опять ускользнул. Но столь большое количество животных достать не так-то просто. Наверняка остались какие-то следы. И мы должны их найти.

— Какие следы? Как найти? — удивился Макгоуэн.

— Мак, куда ты отправишься, если тебе понадобятся лягушки?

— Мне вряд ли понадобятся лягушки.

— В зоомагазин, конечно! — с досадой ответила за него Лаурел.

Гигант посмотрел на нее с искренним восхищением.

— И как только тебе удается так лихо соображать? Я вот на это не способен. — Мак сокрушенно вздохнул. — Ну, пошли в зоомагазин, — с готовностью вскочил он.

По мере того, как день подходил к концу, энтузиазм молодой парочки постепенно угасал. Но вместо него у Мака появилось упрямство отчаяния. Поэтому когда Лаурел готова была махнуть

на все рукой, он презрительно фыркнул: «Что, уже на попятный?» — и решительно направил машину к следующему в их бесконечном списке зоомагазину. А так как мегаполис Лос-Анджелес включал в себя не меньше сотни различных городков, то, соответственно, и число магазинов оказалось весьма внушительным. Макгоуэн внезапно почувствовал, что предпринятое ими грандиозное исследование вполне соответствует величию их задачи и широте их детективных дарований.

— Таким манером мы можем проездить до самого Рождества! — в полном отчаянии воскликнула Лаурел, пока они закусывали в придорожном кафе на обратном пути к Беверли Хилл.

— Если тебе надоело, можешь выходить из игры, — заворчал Гроув, допивая огромную кружку пива. — Что до меня, то я не спасую перед какой-то жалкой парой сотен лягушек. Завтра я поеду один.

— Да нет, я не собиралась все бросать, что ты! — запротестовала Лаурел. — Я хотела только сказать, что мы действуем как дилетанты. Ведь разумнее будет разделить список пополам и завтра действовать поодиночке. Вдвое больше успеем.

— Здравая мысль, — одобрительно кивнул Мак. — А как теперь насчет сытного ужина? Этим пивом с бутербродами не наешься. Я знаю неподалеку уютное местечко, где всегда подают неплохое вино.

На следующий день они с раннего утра поделили территорию пополам и разъехались, условившись встретиться в половине седьмого на перекрестке. Они встретились и сравнили результаты поисков. В это время обитатели Голливуда спешили мимо них во всех направлениях по домам.

Макгоуэн вернулся с пустыми руками.

— Ни черта. Ни малейших следов. Хотя я побывал в таком количестве зоомагазинов, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

— А мне разок показалось, что наклевывается, — угрюмо сообщила Лаурел. — В одном месте в Энчино. Кто-то заказывал лягушек. Я ухватилась за этот случай, начала выяснять. Оказалось, какая-то кинозвезда. Заказаны были две дюжины — их зовут «водяной соловей» — для нового зимнего сада с прудом. Все, что мне удалось получить от этого любимца публики, — автограф, который я вовсе и не просила. Сразу же выкинула.

— Та-ак. Как его зовут? — свирепо напрягся

Гроув.

— Господи, да оставь ты его в покое, поедем лучше к Эллери. Мы как раз рядом.

— Это еще зачем?

— Может, он что-нибудь знает.

— Значит, глупые зеленые новички вынуждены прибегнуть к мудрости Учителя? — поддел ее Мак. — Ладно, только омывать его стопы розовой водой я не буду.

Всю дорогу он просидел, упрямо уставившись в лобовое стекло, как молодой бычок.

Когда Лаурел выходила из своего остина, Мак уже яростно колотил в дверь Эллери.

— Куин откройте! С чего это вы вздумали запираться?

— Мак? — раздался голос Эллери.

— И Лаурел, — крикнула девушка.

— Минуточку!

Дверь им открыл помятый и взъерошенный Эллери, с мешками под глазами.

— Вот, слегка задремал, а миссис Вильямс куда-то отлучилась. Заходите. Судя по вашему виду, вам сегодня пришлось изрядно попотеть.

— О, брат мой! — патетически простонал Макгоуэн. — Есть ли в этом благословенном оазисе глоток чистого прохладного… виски?

— Эллери, можно воспользоваться вашей ванной? — подергала Лаурел запертую дверь.

— Боюсь, там не совсем все в порядке, Лаурел. Лучше спуститесь вниз, в туалет… А что до вашей просьбы, Мак, — вон там все, что хотите. Распоряжайтесь сами.

Когда Лаурел поднялась опять к ним, Мак уже демонстрировал свой список Эллери.

— Мы ровным счетом ничего не добились, — смущенно бубнил он. — Двухдневные усилия пошли насмарку.

— Да, вы поработали на славу… Прочесать такую территорию за такой короткий срок! — усмехнулся Эллери.

— Да уж, на славу, — саркастически хмыкнула Лаурел.

— А что, думаете, легко было? — обиделся Мак. — Кто покупает лягушек? Оказывается, практически никто. Да и магазинов-то, торгующих этими тварями, раз, два и обчелся. Канарейки — пожалуйста. Всякие другие певчие пташки — сколько угодно. Какаду — просто вагонами. Волнистые попугайчики, щеглы, собаки, кошки, тропические рыбки, мартышки, индюки, черепахи, даже змеи! И теперь я знаю, где можно купить слона. По дешевке. Но только не лягушек! А уж

стоит заикнуться где-нибудь о квакшах — на тебя смотрят так, словно у тебя не все дома…

— Где же мы допустили ошибку? — сокрушалась Лаурел, постукивая кулаком по спинке кресла Мака.

Тогда заговорил Эллери:

— Знаете, я как-то не думал прежде на эту тему, то есть до вашего прихода. Однако сейчас мне ясно, в чем тут дело. Почему вы считаете преступника полным идиотом? Ведь он понимает, что легче легкого получить партию лягушек обычным порядком — через магазин. Но это потребует оформления заказа, значит — оставит след. Однако наш преступник далеко не идиот, он умудрился еще ни разу не наследить. К нашему великому огорчению… И не приходило ли вам в головы попросту заглянуть в Энциклопедию?

Две пары изумленных глаз уставились на Эллери.

— А если бы вы удосужились это сделать, — пояснил тот, — то сразу бы выяснили, что большинство несчастных созданий, обнаруженных нами у Приама, — это небольшие древесные лягушки — иначе квакши — Hyla regilla по-латыни. В народе их зовут весенними квакушками. И главное, что они в изобилии встречаются здесь,

в Калифорнии, практически в каждой луже и на каждом дереве. Особенно много их у подножия холмов, где и стоит дом Приама. Они завезены сюда с Востока. Так что если вам вдруг понадобится сотня-другая этих тварей, их можно легко заполучить, не оставляя следов…

— Два дня — псу под хвост! — простонал Макгоуэн. И залпом проглотил то, что еще оставалось в его стакане.

— Это я виновата, — жалобно пролепетала Лаурел. Но тут же приободрилась и опять приняла свой обычный слегка задиристый вид. — Ничего, жизненный опыт всегда на пользу. В следующий раз мы будем умнее.

— В следующий раз ему не понадобятся лягушки!

— Мак, — сказал Эллери, постукивая ногтями по листку бумаги. — Я вот все думал о вашем дедушке…

— В чем дело? — сразу ощетинился Гроув.

— Забавный старик.

— Это верно. И себе на уме. Много чего знает, да молчит. Просто никому не хочет вставать поперек дороги.

— Давно он живет с вами?

— Несколько лет. Он всю жизнь шлялся по

свету, а когда стал слишком стар, то поселился у Делии. Чем же он вас так заинтересовал?

— Он очень привязан к вашей матери?

— Ну, я бы сказал — даже более, чем очень. — Гроув разглядывал пустой стакан на свет. — Если бы Делия была богом, то старик исправно посещал бы храм. Он без ума от дочери, и только поэтому терпит присутствие Приама. Но я стараюсь как-то не думать на эту тему, — скривился Мак, глядя на Эллери. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— А вы-то сами, Мак, как относитесь к своему деду?

— Я его люблю! Давайте сменим тему.

— Он собирает марки, — задумчиво гнул свое Эллери. — Все время проводит в охоте на бабочек. Старики, вроде мистера Кольера, если уж имеют возможность заняться чем-нибудь на досуге, то обычно ограничиваются чем-то одним. Что еще интересует вашего деда, Мак?

Гроув с грохотом поставил стакан на столик:

— Да будь я проклят, если пророню еще хоть слово о нем!

— К чему такая горячность, Макгоуэн? — спросил Эллери примирительным тоном.

— А к чему задавать о нем праздные вопросы?

— Потому что я сижу здесь и думаю. И объектом моих размышлений может стать все, что угодно. Я нащупываю верный путь к разгадке.

— Щупайте кого-нибудь другого!

— Мак, нельзя запретить человеку думать, — миролюбиво возразил Эллери. — Это первое, что вы должны усвоить, если уж решили ввязаться в это дело. Ваш дед знает научное название древесных лягушек. Это свидетельствует о том, что он разбирается в биологии. Поэтому я хочу знать, гуляя по лесам и холмам, не занимается ли он так же и собиранием лягушек?

Макгоуэн смертельно побледнел, на лице появилась страдальческая гримаса. Он сказал с видом человека, окончательно сбитого с толку:

— Я не знаю.

— У него есть клетки для кроликов где-то неподалеку от дома, — тихо сказала Лаурел. — Можно пойти посмотреть.

— Можно, но не нужно. Я во всяком случае никуда ходить не намерен. За кого ты меня принимаешь, Лаур?! — Мак в отчаянии сжал кулаками виски. — Вы что, его подозреваете? Но вы же сами говорили, что лягушек этих тут пруд пруди! Набрать может любой!

— Да, это верно, — успокоил его Эллери. — Вы-

пейте еще стаканчик. Не волнуйтесь, я сам просто очарован стариком. А вы что скажете, Лаурел?

— Я обязательно должна что-то говорить? Объяснять? — прошептала Лаурел.

— Ну, — усмехнулся Эллери, — понимаете, я не буду отрицать, что по поводу вас я тоже долго размышлял, Лаурел. Помните, в первый же день вы сказали, что Лендер Хилл вам не родной отец?

— Да.

— И вы упомянули что-то насчет вашей матери, что не помните ее? Вам действительно совсем ничего не известно о вашем происхождении?

— Нет.

— Простите, если мои вопросы ранят вас…

— Знаете что? — угрожающе заворчал из своего угла Макгоуэн. — Еще немного, и я за себя не ручаюсь?

— Нет, все нормально, Эллери, — торопливо заговорила Лаурел, безуспешно пытаясь выдавить из себя улыбку. — Я действительно ничего не знаю. Прямо как у Диккенса — меня просто нашли на пороге. Конечно, у папы не было никаких прав на меня — холостяк и все такое… Но он нанял надежную женщину и втайне растил меня целый год. Затем разразился скандал. Меня забрали и началось судебное разбирательство.

Но власти не смогли ничего узнать обо мне, никто меня не хватился, и папа выиграл процесс, после чего смог удочерить меня официально. Сама я, естественно, ничего не помню. Много лет он безуспешно пытался разыскать моих родителей. Всегда боялся, что внезапно появится кто-то и потребует отдать меня назад, поэтому хотел выяснить все раз и навсегда. Но, — тут Лаурел скорчила озорную рожицу, — никому я не понадобилась, и он никого не нашел.

Эллери удовлетворенно кивнул:

— Я потому заговорил на эту тему, Лаурел, что мне пришло в голову — не связано ли все… все обстоятельства смерти вашего отца и случаи с Приамом… каким-либо образом с вашим прошлым.

Лаурел вытаращила глаза.

— Вот это да! — протянул Макгоуэн. — Настоящий шедевр детективной мысли! Но каким же образом, Шеф? Просветите нас, будьте любезны!

— Каким-нибудь, — пожал плечами Эллери. — А может — вообще никаким. Я просто прикидываю. Ведь как ни нелепо выглядят иногда разные предположения, но вдруг ваше прошлое, — повернулся он к девушке, — тоже имеет какое-то отношение к нашим загадкам? К

тому же вы больше всех суетитесь по этому поводу. Вы настояли на расследовании, вы жаждали мести и все прочее…

— Но что же в этом странного? — резко оборвала его Лаурел.

— Просто выглядит не совсем обычно. Стойте, Лаурел, не перебивайте меня. Ваши лихорадочные требования расследовать это дело, почти истерическая жажда мести… Мне почему-то кажется, что такое поведение вам не совсем свойственно.

— Не каждый день у человека умирает отец.

— Конечно, не каждый, но…

— Но вы же не знаете меня! — засмеялась Лаурел.

— Да, не знаю, — Эллери рассеянно попыхивал трубкой. — Но подсознательные мотивы вашего желания самой принять участие в следствии легко объясняются тем, что вам не столько хотелось наказать убийцу, сколько узнать, может быть, что-то о себе самой. Вы, может быть, втайне надеялись, что если убийцу обнаружат, то это поможет прояснить тайну вашего происхождения.

— Да мне это и в голову не приходило! — Лаурел понурила голову и помолчала немного. Затем задумчиво покачала головой. — Нет, вы

не правы. Мне хотелось бы узнать, кто я, откуда родом и все остальное, но для меня, в общем, это не принципиально. Родственники оказались бы для меня чужими, а родина… незнакомой страной, неведомым домом. Нет, его я любила как единственного, родного отца. Он и был им. Я просто искренне хочу, чтобы тот, кто довел его до рокового инфаркта, заплатил за свое злодеяние.

Когда молодые люди удалились, Эллери отпер дверь спальни и сказал:

— Все в порядке, Делия.

— Я уже думала, они никогда не уйдут.

— Боюсь, это я виноват. Я задержал их.

— Вы хотели специально помучить меня за то, что я так поспешно спряталась при их появлении?

— Может быть — Он молча стоял в дверях и ждал.

— А мне здесь нравится, — медленно произнесла она, окидывая взглядом стандартную, ничем не примечательную обстановку.

Она сидела на его кровати, зажав в кулаках покрывало. Она не сняла ни шляпы, ни перчаток.

Эллери подумал, что Делия, должно быть, все время так и просидела, пока они беседовали в соседней комнате, мучаясь неловкостью и дву-

смысленностью своего положения, такого же шаткого, как и предлог ее отлучки — якобы по делам в город. Туда, где все люди носят такие же приличные шляпы и перчатки, какие были сейчас и на ней.

— Почему вы решили спрятаться, Делия?

— Так приличнее и проще. Не надо ничего объяснять, лгать лишнего. Никаких сцен. Я ненавижу сиены. — Казалось, ее не столько интересовал Эллери, сколько обстановка, в которой он живет. — Дом одинокого мужчины. Удивительно!

— Зачем вы снова явились?

— Не знаю. Просто захотела. — Она засмеялась. — А вы не более гостеприимны, чем в прошлый раз. Я, конечно, не отличаюсь особой сообразительностью, но даже мне начинает казаться, что мое присутствие вам неприятно.

Он ответил ей довольно грубым тоном:

— С чего вы это взяли?

— С первого же момента нашего знакомства.

— Делия, что вы такое говорите? Вы же прекрасно знаете, что каждый мужчина при знакомстве с вами буквально встает на дыбы, как племенной жеребец…

— А какова теперь ваша позиция? — опять рассмеялась она. — Вы больше не встаете на дыбы?

— Делия, на этот вопрос я предпочел бы ответить не здесь. А в гостиной.

Она резко вскинула голову.

— Вы вообще не обязаны отвечать на мои вопросы… — она встала и медленно проследовала мимо него вон из спальни, закончив на ходу: — Ни в гостиной, ни где-либо еще…

Когда же он с грохотом захлопнул за ней дверь в спальню, она сказала почти с тоскою:

— Я действительно настолько вам неприятна?

— Приятна. Даже слишком приятна, Делия. Именно поэтому вы не должны приходить сюда.

— Но почему же… Ведь если то, что вы сказали только что…

— Мало ли что я сказал.

Она кивнула, явно не совсем понимая смысл его слов. Затем прошла прямо к его столу, даже не бросив взгляда в большое зеркало по дороге, и взяла одну из трубок Эллери. Медленно выбила ее. Он впился глазами в ее пальцы, в розовую кожу, просвечивающую под нейлоновыми перчатками.

Эллери сделал крохотный шаг вперед, почти против своей воли:

— Делия…

— Вы были когда-нибудь одиноки? — едва

слышно прошептала она. — Я ежедневно чувствую, что во мне умирает что-то… и причина — в полнейшем одиночестве. Никто из тех, кто говорит со мной, в действительности ко мне не обращается. Как бы не видят и не слышат меня. Пустые, ничего не значащие слова. Все слушают только самих себя. Женщины ненавидят меня, а мужчины… Ну, эти хотя бы в таких случаях замечают меня, говорят со мной… — Она резко обернулась, слезы стояли в ее глазах. — Неужели я так глупа? Почему вы тоже не хотите говорить со мной? Я глупа?

Ему пришлось приложить почти нечеловеческое усилие, чтобы… Каждое следующее мгновение требовало все больших и больших усилий. Но он процедил сквозь сжатые зубы, с трудом сохраняя бесстрастный тон:

— Делия. Идите домой.

— Но почему?!

— Именно потому, что вы так одиноки. Потому, что ваш муж — наполовину вам не муж, на худшую половину… Потому что я не подлец, Делия, а вы — не гулящая девка. Вот почему. Потому что если вы задержитесь здесь хотя бы еще на секунду… я могу забыть все свои «потому»!

Она наотмашь ударила его по лицу. Голова

Эллери беспомощно запрокинулась, и он почувствовал, как его плечи впечатались в стену.

Секунду спустя сознание вернулось к нему. Она уже стояла в дверях.

— Простите, — сказала она, бледная как смерть. — Вы круглый дурак, но — простите меня. Я сожалею, что пришла сюда. И больше никогда не повторю своей ошибки.

Эллери долго смотрел, как она спускалась с холма, и очертания ее фигуры постепенно таяли в тумане.

В эту ночь он опустошил основную часть своего запаса спиртного, сидя перед окном и до крови кусая губы. Туман все сгущался, и скоро перед окном повисла сплошная пелена. Наступил хаос. Полнейший белый хаос.

Но он был полон сознания какой-то высокой чистоты, душевной силы и странного благородства, граничащего со страданием.

ГЛАВА IX

Двадцать девятое июня оказалось для Лос-Анджелеса днем особым. Была обнародована очередная сводка погоды и все газеты охватила лихорадка восторга — этот день оказался самым жарким двадцать девятым июня за последние сорок три года! Да-а… повод для ликования немалый.

Но Эллери, с трудом передвигавший ноги по Голливуд-Бульвар в пушистом вязаном свитере, газет не читал и не знал, какое испепеляющее солнце висит у него над головой. Дело в том, что голова его в данный момент существовала совсем в другом измерении. В том, где мир вращается вокруг иного центра, а именно — загадки Хилла — Приама. И в этой его личной вселенной царил пока еще предвечный мрак и холод, расстилались невиданные ландшафты, среди которых его стремительная мысль преследовала неведомых зверей — химер его собственного сознания. И в этом измерении ощущение температуры заменялось чувством удовлетворения-неудовлетворения результатами подобной охоты.

Только что звонил Китс, готовый дать отчет о своих изысканиях по поводу прошлого Хилла и Приама. Это оказалось весьма кстати.

Эллери свернул к Уилкоксу, как раз около почтамта.

Нельзя же бесконечно вариться в соку собственных догадок, отдаваться переменному ветру предположений! Нужны факты. Наступает момент, когда необходимо найти надежный компас фактов. Или сесть на мель безумия.

Этот момент уже наступил.

Эллери встретил взлохмаченного Китса, с галстуком, съехавшим набок и с изжеванной в лохмотья сигаретой в зубах.

— Я думал, что вы никогда не явитесь, — облегченно вздохнул лейтенант.

— Я шел пешком, — Эллери медленно уселся на стуле. — Что ж, выкладывайте.

— Вам как — сразу все или по частям? — поинтересовался Китс, странно усмехаясь.

— То есть? — не понял Эллери.

— Я имел в виду… — Китс стер табачное месиво с губ. — Черт, ну и сигареты начали выпускать — вата какая-то… То есть, даже и не пахнет…

— Чем не пахнет? — все более недоумевал Эллери.

— Информацией, конечно.

— Как это? Совсем ничего?! — Эллери отказывался верить собственным ушам.

— Чисто. Как корова языком слизала… до 1927 года. То есть до того момента, как Хилл и Приам начали свое дело в Лос-Анджелесе. Никаких следов того, что они жили здесь раньше. И в то же время вовсе никаких оснований считать, что они не жили, а прибыли откуда-то. Если приехали, то откуда? Никаких сведений. Мы подняли все архивы, отпечатки пальцев и прочее… Одно могу утверждать почти наверняка — за ними не числится никакой уголовщины. Официально, по крайней мере… Во всей Калифорнии нет относительно них ни одной записи. Нигде.

Из этого следует только одно — что они, скорее всего, объявились тут в двадцать седьмом, — с горечью заключил Китс. — Открыли вместе торговлю драгоценностями и сумели весьма преуспеть в этом до того момента, как в двадцать девятом разразился экономический кризис. Они никогда не зависели от рынка, поэтому избежали разорения благодаря своему нестандартному подходу к ведению дел. Сегодня фирма «Хилл и Приам» входит в группу крупнейших в своей области. Говорят, что они обладают одним из самых

больших драгоценных запасов в Соединенных Штатах. Недурно, а?

— Но ведь не могли же они начать свою ювелирную торговлю на пустом месте? — недоумевал Эллери. — Неужели нет никаких следов их предыдущих связей в этой сфере? Ну хоть одной-двух строчек: хоть где-нибудь?

— Нигде. Ни одной. Вплоть до 1927-го.

— Да вы хорошо ли смотрели? Ну Хилл-то, по крайней мере, один раз должен был покинуть пределы Штатов, чтобы завязать отношения с иностранными фирмами? Лаурел говорила мне, что у них есть представительства в Амстердаме и Южной Африке. А тут уж без регистрации, загранпаспорта, свидетельства о рождении не обойтись.

— На это и я возлагал самые большие надежды, — Китс быстро сунул в рот свежую сигарету. — Но тут выяснилось, что Хилл и Приам в буквальном смысле не имели своих филиалов за границей. Они просто работали по договорам с уже существующими фирмами. У них там были крупные вклады, но все операции производились — и производятся — через посредников. Такое ощущение, что ни Хилл, ни Приам самолично из Америки не выезжали в течение почти двадцати

трех лет. Так как в течение последних двадцати трех лет у нас имеются обычные регулярные свидетельства их деятельности. — Китс пожал плечами. — В Нью-Йорке их филиал открылся в начале двадцать девятого года, и Приам занимался им лично. Но, в сущности, он только зарегистрировал его, подобрал сотрудников и вернулся назад. А всем распоряжался и распоряжается по сей день доверенный служащий. Затем Приам повстречался с Делией Кольер Макгоуэн и женился на ней. И тут с ним случился инсульт. После этого он имел с фирмой весьма опосредованную связь.

— То есть Приаму ни разу не пришлось предъявлять свидетельство о рождении?

— Ни разу. И в его положении теперь вряд ли придется. Он, например, никогда не участвует в выборах. И если от него вдруг потребуют доказать свое право на американские гражданство — ну, объяснить, откуда он родом и все прочее — я полагаю, этого долго не удастся добиться. Так что на него скорее всего просто махнут рукой.

— А война?

— И Хилл, и Приам к началу второй мировой уже вышли из призывного возраста. Поэтому не проходили перерегистрацию. Попытки об-

наружить их имена в учетных списках первой мировой потерпели неудачу.

— Вы заинтриговали меня в высшей степени, лейтенант! Неужели у Лендера Хилла не было даже страхового полиса?

— Ни одного до 1927 года. Во всех страховых документах после этого года он указывал местом рождения Чикаго. Я проверил все архивы штата Иллинойс — имя Лендера Хилла там не встречается. Это подлог. А Приам вообще никогда ничего не страховал. Значит страховые фирмы и прочее в данном случае бесполезны.

Другими словами, — подытожил Китс, — все говорит за то, что оба наших подопечных всеми силами избегали оставлять какую-либо информацию о своей жизни до 1927 года — до появления их в Лос-Анджелесе. Из этого следует один вывод…

— Что до 1927 года никакого Лендера Хилла и Роджера Приама и в помине не было, — обескураженно пробормотал Эллери. — И что их истинные имена вовсе не Хилл и не Приам.

— Выходит так.

Эллери встал и отошел к окну. Сквозь стекло виднелся теряющийся в дымке знакомый пейзаж.

— Лейтенант, — внезапно обернулся он, — а

вы проверили, насколько Приам действительно парализован?

Китс усмехнулся:

— Если вам охота блуждать в дебрях терминологии, то я могу буквально завалить вас различными результатами обследований, сделанных светилами медицины. А если говорить человеческим языком, то он болен, безнадежно болен. Кстати — любопытная деталь — врачам никогда не удавалось ничего узнать о прежнем состоянии его здоровья, так что тут тоже тупик.

— Вы ужасно дотошны, Китс. Не могу не поздравить вас. Теперь вам еще стоит только заявить, что вы и об Альфреде Уоллесе ничего не узнали — и я паду перед вами ниц.

Китс повернулся к входной двери, взял коврик и расстелил его перед Эллери.

— Можете падать.

— Что-о?! И об Уоллесе ничего?

— Совершенно верно. — Китс сплюнул крошки табака. — Все, что я смог выяснить о мистере Альфреде Уоллесе, не идет раньше того дня, когда Приам нанял его — всего лишь год назад.

— Но это невозможно! — взорвался Эллери. — Не все же трое сразу!

— Конечно, он не с неба свалился, я уверен.

Но откуда — как раз сейчас я и пытаюсь это выяснить…

— Но Китс! Год… это совсем недавно.

— Я знаю, — расплылся в саркастической усмешке Китс, не выпуская сигареты изо рта. — Я знаю, что больше всего на свете вам хотелось бы оказаться сейчас у себя в Нью-Йорке, где у вас под рукой был бы весь арсенал уголовной полиции. Уж больно диковинный этот случай с Уоллесом. А поскольку мне ничем не удалось порадовать вас сегодня, я хотел бы хоть как-то исправить положение. Я не стал заводиться с разными запросами, звонками, телеграммами и прочим. Решил взять быка за рога. Как насчет того, чтобы допросить Уоллеса лично?

— Прямо сейчас? Вы что, вызвали его? — воскликнул Эллери.

— Ждет в соседней комнате. Его вежливо пригласили заглянуть к нам и немного побеседовать. Он вроде бы не возражал — заявил, что у него все равно выходной. Там один из наших его развлекает.

Эллери передвинул стул в самый темный угол комнаты и сказал:

— Ведите.

Альфред Уоллес вошел, улыбаясь. Бодр, свеж

и неуязвим для жары, сводящей с ума прочих смертных. Только седоватые кудри слегка взмокли. Летняя шляпа с опущенными полями была небрежно сдвинута на затылок, в отвороте летней куртки алела маленькая гвоздика.

— Ах, мистер, Куин! — приветствовал он Эллери. — Так это из-за вас лейтенант Китс продержал меня тут около часа.

— Боюсь, что да, — отвечал Эллери, не вставая со стула.

Но Китс старался держаться повежливее.

— Приношу свои извинения, мистер Уоллес. Вот стул, садитесь, пожалуйста. Видите ли, не каждый день приходится заниматься расследованием убийства.

— Вы имеете в виду — предполагаемого убийства, лейтенант, — поправил его Уоллес, усаживаясь поудобнее и невозмутимо закинув ногу на ногу. Шляпу он аккуратно расположил на колене. — Выяснили что-нибудь новенькое?

— Что-нибудь новенькое наверняка выяснится, мистер Уоллес, если вы любезно ответите на несколько наших вопросов.

— Я? — Уоллес поднял красивые, четко очерченные брови. — Так вот почему вы поставили мой стул так, чтобы солнце било мне прямо в

глаза? — Уоллес забавлялся от души.

Китс молча опустил пышные шторы.

— Благодарю вас, лейтенант. Я с радостью отвечу на все ваши вопросы. Если, конечно, это будет в моих силах.

— Не думаю, чтобы на мой первый вопрос было бы сложно дать ответ. Откуда вы приехали сюда, мистер Уоллес?

— Откуда? — Уоллес погрузился в раздумье. — Вот как раз на этот-то вопрос я и не в состоянии ответить.

— Скорее — не хотите?

— Нет. Именно не могу.

— То есть вы не знаете, откуда приехали, так, что ли?

— Именно так.

— Если мистер Уоллес сразу решил избрать подобную линию поведения, — заявил из своего угла Эллери, — то нам лучше прекратить разговор.

— Вы неверно истолковали мои слова, мистер Куин, — серьезно сказал Альфред. — Я не запираюсь. Я не могу сообщить вам, джентльмены, откуда я прибыл, по той простой причине, что я и сам этого не знаю. Со мной произошел один из тех любопытных курьезов, которые любят обсуждать

в хронике происшествий. Я — жертва амнезии.[7] Китс бросил быстрый взгляд в сторону Эллери.

— Ладно, Уоллес. Тогда все.

— Нет, не все, лейтенант. Не думайте, что мои слова бездоказательны. И теперь, если уже речь зашла об этом, я настаиваю на доказательствах. Вы ведете протокол допроса? Я хочу, что бы мои слова были зафиксированы, как положено.

Китс махнул рукой и уставился на него отчасти подозрительно, отчасти изумленно.

— Однажды около полутора лет назад — а точнее шестнадцатого января прошлого года — я обнаружил себя в Лас-Вегасе, штат Невада, на углу какой-то улицы, — невозмутимо заговорил Уоллес. — Я понятия не имел, как меня звать, кто я, откуда и как меня занесло туда. Я был одет в грязный костюм явно с чужого плеча и изрядно избит. Я обшарил карманы — пусто. Ни бумажника, ни документов, ничего. И ни гроша. Я подошел к полицейскому и объяснил ситуацию. Он забрал меня в отделение. Позвали врача. Его имя — доктор Джеймс Катбилл, адрес — 515, Пятая Норс-Стрит, Лас-Вегас. Запомнили, лейтенант?

Доктор Катбилл заявил, что я — человек обра-

---

[7] СНОСКИ: 7
Амнезия — потеря памяти.

зованный и хорошего происхождения, возраст — примерно пятьдесят или чуть старше. Он сказал, что случай похож на внезапную потерю памяти. Физически я был совершенно здоров, в неплохой форме. По произношению — североамериканец. Доктор Катбилл сожалел, что у меня на теле не оказалось никаких особых примет, даже шрамов. Если не считать вырезанных миндалин и аденоидов. Скорее всего еще в детстве. Толку от этого, сами понимаете, было мало. В зубах — несколько пломб, довольно дорогих, но это — все. Никаких более серьезных примет или следов протезирования в моей ротовой полости не оказалось. В полиции меня сфотографировали и разослали снимки по всем отделам розыска в Штатах. Лейтенант, у вас тоже должны быть мои изображения.

Китс побагровел:

— Я проверю это. И не только это, — процедил он сквозь зубы.

— Конечно, конечно, проверьте, лейтенант, — добродушно улыбнулся в ответ Уоллес. — В полиции меня переодели в приличный костюм и устроили грузчиком в мотель, где я и жил. Это 711-й мотель по шоссе Роут, сразу за городом. Я проработал там около месяца, тщательно

экономя скудное жалованье. Из полиции мне сообщили, что я нигде не числюсь в розыске, никто меня не хватился. Тогда я бросил работу и отправился автостопом в Калифорнию.

В апреле прошлого года я оказался в Лос-Анджелесе. Я остановился на Саутхоуп-Стрит. Странно, что вы не обнаружили мое имя в списках постояльцев. Или вы не пытались проследить мой путь? Ну, потом я решил заняться поисками работы. Я выяснил, что могу печатать на машинке и знаю стенографию, да и считаю неплохо — видимо, помимо хорошего образования у меня был опыт работы в сфере бизнеса. Поэтому когда я увидел объявление о секретаре-компаньоне для инвалида, я сразу откликнулся. Я рассказал мистеру Приаму то же самое, что и вам. Кажется, у него были сложности с работниками до меня, в последнее время они особенно часто менялись. Он навел обо мне справки и взял на месяц — испытательный срок. И вот, — тут Уоллес еще шире расплылся в улыбке, я все еще работаю.

— Он взял вас в свой дом без каких-либо рекомендательных писем? — недоверчиво произнес лейтенант. — Очень смело с его стороны!

— А он вообще всегда старается быть смелым человеком, вы разве не заметили? Впоследствии

мистер Приам был очень горд своей проницательностью и способностью разбираться в людях с первого взгляда. Ведь он во мне не ошибся. Я тоже был рад, ведь до этого времени я даже толком не знал, что я за человек и на что способен.

Эллери закурил. Уоллес скептически наблюдал, как вспыхивает в темном углу огонек его сигареты. Когда Эллери выпустил большой клуб дыма, Альфред опять широко улыбнулся. Тогда Эллери резко спросил:

— С какой стати вы тогда назвались именно Альфредом Уоллесом, если ничего не помнили о себе? Или вы вспомнили свое настоящее имя?

— Нет, что вы! Я взял это имя, можно сказать, с потолка. Альфред Уоллес — самое обычное имя, а звучит лучше, чем Джон Доу.[8] Лейтенант Китс, вы будете проверять мои слова?

— Не волнуйтесь, все проверим, — заверил его Китс. — Но я заранее знаю, что полученная в результате проверки информация полностью совпадет с вашим рассказом. Имена, места, даты. Только беда в том, что все это заранее придуманная уловка. Я нутром чую. Ну, а что подсказывает вам ваше чутье, мистер Куин?

---

[8] СНОСКИ: 8

Джон Доу — нарицательное имя для истца в судебном процессе, сутяжника.

— Подвергал ли вас этот врач из Лас-Вегаса гипнозу? — спросил Эллери улыбающегося Уоллеса.

— Гипнозу? Нет, мистер Куин. Он обычный доктор.

— С тех пор вас обследовал какой-нибудь другой специалист? Психиатр, например?

— Нет.

— А вы не возражали бы, если бы вас подвергли осмотру у какого-нибудь психоаналитика?.. По выбору лейтенанта Китса?

— Боюсь, что стал бы возражать, мистер Куин, — смутился Уоллес. — Понимаете, я не уверен, что хочу узнать, кто я на самом деле. А вдруг окажется, что я вор, беглый уголовник. Или — вдруг у меня где-то есть кривобокая жена и пять детишек-дебилов? Знаете, мне сейчас так хорошо живется… Конечно, Роджер Приам — не сахар, человек с характером, но в этой работе есть свои плюсы. Я живу в роскошных аппартаментах. Получаю огромное жалованье. Приам щедр — это одна из его немногих добродетелей. И хотя эта Магз, горничная, старая дева и ханжа, у которой вечно воняет изо рта, питает ко мне необъяснимую неприязнь, — это не мешает ей регулярно убирать у меня в комнатах и до блеска начищать обувь. Ну, а помимо всего прочего мое положение

разом решает и сексуальные проблемы… хотя мне, видимо, не следовало об этом упоминать… — Уоллес смущенно махнул рукой и подавленно вздохнул. — Вот длинный язык! Как-то само собой вырвалось… надеюсь, джентльмены, вы понимаете — вы ничего не слышали, договорились?

Китс вскочил, как ужаленный. Эллери услышал свой надтреснутый голос:

— Уоллес. Что вы имели в виду? Договаривайте до конца.

— Джентльмены, мистер Куин, не подобает настаивать на подобных вопросах, — заявил Уоллес, чуть растерянно улыбаясь. Затем он взглянул на Китса:

— Лейтенант, я обязан отвечать на этот вопрос?

Китс медленно произнес:

— Вы не обязаны ни на что отвечать. Но вы сами заговорили об этом, Уоллес. Мне нет никакого дела до вашей — черт бы ее побрал! — сексуальной жизни, если только она не имеет отношения к расследуемому нами делу. Но если имеет… тогда лучше вам рассказать все как есть.

— Не имеет конечно, лейтенант. Что за нелепость!

— Кто знает…

— Отвечайте на вопрос, — попытался как мож-

но любезнее сказать Эллери.

— Кажется, мистер Куин более заинтересован, чем вы, лейтенант.

— Отвечайте на вопрос, — еще любезнее сказал Эллери.

Уоллес пожал плечами:

— Что ж, хорошо. Но вы свидетель, лейтенант, что я до последнего момента старался не впутывать сюда имя… леди. — Внезапно Альфред поднял глаза на Эллери, и тот увидел в них искорки откровенного смеха. Холодного смеха. — Мистер Куин, мне выпала редкая удача разделять ложе моего хозяина. Так сказать — непреодолимый порыв души… Ну, плоть слаба, а миссис Приам самая ослепительная женщина в этом ослепительном штате. Поэтому эти самые… порывы души случаются довольно регулярно, несколько раз в неделю. И так продолжается уже почти год. Я полностью ответил на ваш вопрос, мистер Куин?

— Постойте, Уоллес, — услышал Эллери голое Китса.

Перед лицом Куина выросла фигура лейтенанта, как раз между ним и Уоллесом. Китс заговорил быстрым шепотом:

— Куин, слушайте, дайте мне действовать са-

мому. Зачем вы вмешиваетесь?

— Зачем? — машинально переспросил Эллери.

Китс стоял неподвижно. Потом вскинул голову и отступил в сторону.

— Вы лжете, — сказал Эллери, глядя на Уоллеса. — Вы рассчитываете на то, что порядочный человек никогда не станет проверять вас и не решится задавать подобные вопросы порядочной женщине. И ваша ложь никогда не откроется. Я не знаю, какие грязные цели вы преследуете, но я этого так не оставлю. Китс, передайте мне вон тот телефон.

Все время, пока он произносил эту речь, Эллери прекрасно осознавал, что каждое слово Уоллеса — правда. Он понял это сразу, как только Альфред проронил первое слово на эту тему. История с потерей памяти была правдой — в той части, что касалась внешних событий. Уоллес ловко расчистил себе путь, умело использовав полицию Лас-Вегаса и недалекого доктора. Теперь все концы в воду. Но и все остальное тоже было чистой правдой… Он знал, что это так, и готов бы растерзать этого рослого мужчину, который небрежно сидел на стуле и улыбался своей ледяной улыбкой.

— Я не думаю, чтобы это что-нибудь реши-

ло, — остановил Китс Эллери. — Она будет все отрицать. Так вы ничего не добьетесь.

— Он лжет, Китс, — твердо сказал Эллери.

Тогда Уоллес сказал с вежливой издевкой:

— Я рад, что вы так твердо стоите на своем, мистер Куин… Конечно же, я лгу. Я могу идти, лейтенант?

— Нет, Уоллес, — стиснул зубы Китс. — Теперь я не могу отпустить вас, не узнав все до конца. Вы сказали, что наставляете Приаму рога уже год. Это значит, что Делия в вас влюблена?

— Не думаю, — сказал Уоллес. — О себе я тоже этого сказать не могу. Просто это устраивает всех.

— Но ведь некоторое время назад все это кончилось, не так ли? — в голосе Китса появились особые характерные нотки — мол, между нами, мужчинами, говоря… — То есть ваши отношения прекратились?

— Конечно, нет. А с чего бы им прекращаться?

Китс сгорбился:

— Что ж, вам, Уоллес, есть чем похвастаться. Вы умудрились есть пищу человека, попивать его вино, тратить его деньги и спать с его женой. Пока он, беспомощный, сидит в своем кресле этажом ниже. Инвалид, который не в состоянии

отплатить вам по заслугам, если он вообще знает, что происходит…

— Как, лейтенант, неужели я сразу не сказал? — еще шире улыбнулся Альфред Уоллес. — Приам прекрасно знает, что происходит. Скажу больше — в последнее время мне стало ясно, что он с самого начала сам все и подстроил.

— Что вы мелете!

— Вы, джентльмены, до сих пор даже не догадываетесь, что за человек этот Приам! Поэтому вам следует узнать кое-какие подробности его частной жизни. Ведь именно ради спасения его драгоценной жизни вы тут из кожи вон лезете, не так ли?

Уоллес круговым движением мягко погладил поля шляпы у себя на колене.

— Я должен признаться, что сначала и сам не раскусил Приама, когда я впервые… ну, связался с Делией. Сначала я перепугался, естественно. Но Делия только рассмеялись и сказала, чтобы я не забивал себе голову, что Приаму все прекрасно известно, и что он сам этого хотел. Хотя никогда открыто не показывал ни мне, ни ей.

— Сначала… — скромно потупил глаза Уоллес, — я думал, она дурачит меня. Но затем я сам начал кое-что замечать. Кое-какие выражения на

его лице. Как он старательно сводит нас вместе. Ну, все в этом же роде. Тогда я решил разузнать поподробнее, чтобы успокоиться.

И тогда я узнал, что на должность секретарей-помощников Приам всегда нанимал привлекательных мужчин, еще полных сил и энергии.

Я вспомнил, как он расспрашивал меня при первой встрече, как оглядывал меня с головы до ног, словно породистого жеребца, чуть ли не в зубы смотрел, — Уоллес достал из кармана сигару и закурил. С наслаждением пуская дым, откинулся на спину стула. — Честно говоря, я так и не решился прямо спросить Делию. Но если я не ошибаюсь — а я почти уверен, что нет — то все секретари Приама выполняли своеобразные двойные обязанности. Во всяком случае в течение последних десяти лет. Этим легко объясняется их частая смена. Не каждый мужчина так крепок и силен на деле, как кажется с первого взгляда… — Уоллес двусмысленно осклабился. — К тому же многие, видать, были слишком большими чистоплюями и находили подобную ситуацию… неудобной. Но факт остается фактом — Приам нанимал работника для услуг не только хозяину, но и хозяйке.

— Уберите его, — еле выдавил из себя Эллери,

поворачиваясь к Китсу. Тот, к его удивлению, даже не шелохнулся.

Альфред Уоллес спокойно продолжал свой рассказ.

— Роджер Приам — это опасное сочетание грубой силы, несдержанности и больного самолюбия. — Уоллес выпустил густой клуб дыма. — Основа его личности — в чем я имел много шансов убедиться — это неотвязное стремление господствовать надо всем вокруг. Он старался давить на Лендера Хилла, разыгрывал фарс, будто бы он ворочает миллионными сделками, не выходя из инвалидного кресла. Он пытался всячески подавлять Гроува Макгоуэна, пока тот не вырос достаточно, чтобы постоять за себя. Делия рассказывала. А уж над ней-то он всегда изгалялся, как мог, тем более, что она вообще не способна оказывать сопротивление. Делия говорила мне, что он всегда подавлял ее и в физическом смысле, пока его не парализовало. Самым грубым и вульгарным образом.

И теперь представьте себе, — в голосе Уоллеса появились серьезные нотки, — как подействовал на Приама, привыкшего безраздельно господствовать над своей женщиной, этот паралич — вся нижняя половина тела к черту! Он не был

больше мужчиной в физическом смысле. А ведь жена его — красивейшая женщина. До сих пор любое создание мужского пола при встрече с нею начинает шалеть, как жеребец на выгуле. И Приам, хорошо зная свою жену, знал так же, что рано или поздно один из этих созданий добьется ее благосклонности. Это лишь вопрос времени. И тогда в каком положении окажется он? Об этом ему было даже страшно подумать. Ведь он мог вообще ничего не узнать, его просто водили бы за нос. И ситуация вышла бы из-под его контроля, чего он никак не смог бы перенести. И Приам нашел выход на свой извращенный манер — сохранить господство над Делией через посредника, подчиненного ему.

Господи, да судите сами — он все время выбирал мужчин, так сказать, в самом соку, под стать себе самому. И физически, и психологически. Исподволь сводил их с ней, предоставляя голосу плоти довершать остальное.

Уоллес стряхнул пепел в пепельницу на столе Китса.

— «Я бы сказал, что он следует примеру героев Фолкнера, если бы не был почти уверен, что он не удосужился прочесть ни одной книги за сорок пять лет. Да он и сам не смог бы связно объяс-

нить мотивы своего поведения даже себе самому. Как большинство невежественных людей, он — человек чистого действия, без примеси самоанализа. И он просто чувствовал, что останется полноправным хозяином положения, если будет нарочно сталкивать свою жену с выбранным им орудием — мужчиной, заместителем мужа, а затем притворяться, что не замечает происходящего над его головой с завидной регулярностью… Тогда он чувствовал себя маленьким домашним божком, вершителем чужих судеб. И в пределах его владений не было иного бога, кроме Приама. Кроме Роджера Приама. — Уоллес выпустил очередной клуб дыма и поднялся. — А теперь, лейтенант, если у вас все, то я хотел бы распорядиться остатком своего выходного дня по своему усмотрению.

Китс произнес громко и раздельно:

— Уоллес, у вас не язык, а помойная яма. Я ни на секунду не поверил вашей грязной и лживой шутке. И когда я смогу окончательно убедиться в вашей мерзкой лжи, я оставлю свой полицейский значок дома, жене и детям, а сам затащу вас в какую-нибудь темную аллею и… набью вам морду.

Улыбка исчезла с лица Уоллеса, которое вдруг само собой изменилось и стало очень старым.

Он подошел к столу Китса и снял телефонную трубку.

— Вот, — сказал он, протягивая ее лейтенанту, — или вы хотите, чтобы я сам набрал номер?

— Убирайся, — прохрипел Китс.

— Но вы же хотели убедиться! А если вы должным образом спросите Делию, она подтвердит все сказанное. Делия — очень современная женщина.

— Пошел вон.

Уоллес засмеялся. Потом аккуратно положил трубку на рычаг, водрузил свою модную шляпу на кудрявую голову и вышел, что-то тихо напевая под нос.

Китс настоял на том, чтобы лично отвезти Эллери домой. Он медленно пробирался среди машин, заполонивших к пяти часам все улицы.

Ни один из них за всю дорогу не проронил ни слова.

Мысли и образы проплывали в мозгу Эллери безжизненной чередой. Он вспомнил сцену в холле дома Приама, когда он поспешно прибыл по ее вызову после кошмара с мертвыми лягушками. Уоллес стоял тогда вплотную к ней, гораздо ближе, чем может позволить себе мужчина, если только он не уверен, что не встретит протеста со

стороны женщины. И она не протестовала. Она стояла, покорно допуская такую близость, пока Уоллес сжимал ей ладонь и шептал что-то на ухо… Эллери припомнил один-два взгляда, брошенных Уоллесом на Делию. Взгляды мужчины, знающего кое-что, скрытое от других. Имеющего тайную власть над женщиной. Ее слова: «я всегда иду по пути наименьшего сопротивления»… Он вспомнил ночь, когда она поспешно спряталась в его спальне при появлении ее сына и Лаурел. В ту ночь она пришла к нему за тем, что привыкла постоянно получать в доме Приама… Может быть, ею руководил похотливый интерес к «знаменитости», или же Альфред ей просто надоел. (А все откровения Уоллеса — своеобразная месть за это?). Ему следовало бы сразу заметить в ней следы распутства, но он ошибочно принял ее слабовольную покорность за сдержанность сильной натуры.

— Мы приехали, мистер Куин, — раздался голос Китса. Машина стояла у коттеджа Эллери.

— А-а, спасибо, — кивнул он с отсутствующим видом. — Спокойной ночи.

Китс почему-то медлил уезжать. Вместо этого он спросил:

— Не ваш ли телефон звонит?

— Да, мой. Что же миссис Вильямс не возьмет трубку? — забеспокоился Эллери. И тут же рассмеялся: — Ох, она же не может ответить, потому что я сам отпустил ее сегодня на весь день. Сейчас я сам возьму.

— Подождите, — Китс заглушил мотор и выскочил из машины. — Может, это из полиции? Я сказал им, что буду здесь.

Эллери отпер дверь. Китс вошел следом, чуть не споткнувшись о порог. Эллери взял трубку.

— Алло?

Китс увидел, как Эллери буквально застыл на месте.

— Да, Делия.

Эллери слушал, храня гробовое молчание. Китс слышал, как в трубке переливался голос — вкрадчивый, теплый и влажный.

— Китс сейчас у меня. Спрячьте это, Делия. Мы сейчас будем.

Эллери повесил трубку.

— Что было нужно этой леди? — поинтересовался Китс.

— Она сказала, что только что обнаружила еще одну картонную коробку. Она оказалась в ящике для почты на повороте к дому Приама. Положена совсем недавно. На ней написано имя Приама.

Она еще ничего не говорила Роджеру, спрашивает, что ей делать. Вы слышали, что я ответил.

— Следующее предупреждение!

Китс бросился к автомобилю.

ГЛАВА X

Китс остановил машину в пятидесяти футах от почтового ящика. Они вышли и медленно двинулись пешком, исследуя каждый дюйм дороги. В изобилии встречались причудливо переплетающиеся следы шин. Около самого ящика они обнаружили несколько ямок от женских каблучков. И это было все.

Дверца ящика свободно болталась, внутри было пусто.

Они направились по дороге к дому. Китс вошел, не позвонив и не постучав. Горничная с тиком выскочила на звук открывающейся двери.

— Миссис Приам сказала сразу идти наверх, — зашептала она. — В ее комнату. — Она бросила взгляд через плечо на закрытые двери в комнату Приама. — И не шумите, она сказала, а то у него слух, как у собаки.

— Хорошо, — ответил Китс.

Магз двинулась вперед на цыпочках. Двое мужчин неподвижно смотрели вслед, пока она не исчезла за дверью. Тогда они отправились наверх, осторожно держась за перила.

Когда они оказались на верхней площадке, крайняя дверь бесшумно распахнулась. Они вошли в комнату.

Делия Приам быстро прикрыла за ними дверь и прислонилась к ней спиной.

На ней были надеты короткие шорты в обтяжку и лифчик от купальника. Ее стройные округлые бедра плавно переходили в талию. Пышная грудь распирала лифчик. Блестящие черные волосы падали небрежными прядями на плечи. Она была босиком — туфли на высоком каблуке валялись рядом. Тростниковые шторы были опущены и в полумраке ее светлые глаза сонно мерцали.

Китс бесцеремонно разглядывал ее прелести с головы до ног.

— Привет. Эллери, — с облегчением сказала она.

— Привет, Делия, — отвечал он без всякого выражения. Вообще без всякого.

— Не кажется ли вам, миссис Приам, что вам следовало бы что-нибудь надеть на себя? — сказал Китс. — В любое другое время я ничего не имел бы против вашего наряда, скорее даже наоборот. Но сейчас мы здесь по делу. — Он усмехнулся одними губами, глаза его оставались холодны. — А то я полагаю, что буду не совсем в состоянии думать.

Она оглядела себя и спохватилась:

— Ах, прошу прощения, лейтенант. Я загорала на веранде как раз перед тем, как пойти за почтой. Еще раз простите. — Ее голос звучал недоумевающе и сердито.

— Ерунда, и так сойдет, Делия, — бесстрастно произнес Эллери. — Все зависит от того, кто смотрит и с какими намерениями.

Она бросила на него быстрый взгляд. Красивый лоб прорезала морщина.

— Что-то не в порядке, Эллери?

Он просто смотрел на нее и молчал.

И тут румянец стал сходить у нее с лица. Она страшно побледнела и, бессознательным движением прикрыв руками голые плечи и грудь, бросилась мимо них в соседнюю комнату. Хлопнула дверь.

— Сучка, — беззлобно сказал Китс. Он вытащил сигарету и сунул ее в рот. Конец сигареты обломился и Китс выплюнул ее, с досадой отвернувшись.

Эллери огляделся по сторонам.

Комната была заставлена темной мебелью в испанском стиле, оклеена темными обоями, убрана драпировками с изображением ярких тропических цветов. Пол устилал темно-крас-

ный полинезийский ковер с ворсом длиной в два дюйма. Повсюду валялись подушки самых невероятных размеров, форм и цветов. В разных местах стояли огромные майоликовые вазы, полные лилий. На стене висела копия Гогена, а над кроватью — большой черный железный крест, по-видимому, старинный. Полки были уставлены керамикой, резным деревом, чеканкой — на различные экзотические сюжеты в современном стиле. В основном изображавшие обнаженных мужчин. На железных цепях свисала книжная полка необычного вида. Эллери подошел поближе: Фома Аквинский, Кинси, Епископ Беркли, Пьер Лоти, Хейвлок Элис, «Жития святых» в парижском издании. Остальное составляли детективы, и даже один его — самая последняя книжка. Гигантских размеров кровать едва возвышалась над полом, укрытая цветным покрывалом, затканным золотыми и серебряными нитями. На нем переливалось немыслимыми красками аллегорическое изображение Древа Жизни. На потолке прямо над кроватью мерцало зеркало таких же точно размеров.

— Почему-то все это напоминает мне одного актера, — раздался в тишине голос Китса, — как бишь его звали? У него на стене в уборной вместо

туалетной бумаги висел рулон кроличьего меха, с перфорацией, как положено. — Дверь соседней комнаты отворилась и Китс сказал: — Вот так-то будет лучше, миссис Приам. Премного вам благодарен. А где коробка?

Она подошла к большому, в рост человека, комоду красного дерева, отделанному затейливой индийской резьбой и чеканкой по меди, стоявшему в футе от кровати. Она открыла его. На ней теперь было надето строгое коричневое полотняное платье, чулки и туфли без каблуков. Волосы она собрала сзади в пучок. Она была бледна и подавлена и не поднимала глаз на мужчин.

Делия вытащила из комода плоскую картонную коробку размером примерно пять на девять дюймов, в дюйм высотой, перевязанную простой белой бечевкой. Протянула коробку Китсу.

— Вы уже открывали ее, миссис Приам?

— Нет.

— Значит, вы не знаете, что в ней?

— Нет.

— Точно — как и где вы ее обнаружили?

— В нашем почтовом ящике у дороги. Я вышла нарвать цветов к обеденному столу и заметила, что ящик открыт. Я заглянула внутрь и увидела вот это. Я забрала ее наверх, заперла в комод и

позвонила вам.

Коробка выглядела очень дешевой. Никаких надписей. К бечевке был прикреплен обычный багажный ярлык. На нем было написано черным карандашом печатными буквами «Роджер Приам». Буквы были нацарапаны поодиночке, нарочито нейтральным почерком.

— Дешевый товар, в любом магазине, — прокомментировал Китс, постукивая по коробке указательным пальцем. Он осмотрел ярлык. — И это тоже.

— Делия: — При звуке голоса Эллери она вздрогнула и взглянула ему в глаза, но прежде чем он успел разобрать выражение ее лица, она уже опять отвернулась. Эллери продолжил:

— Вы видели коробку, которую получил ваш муж в тот день, когда Лендер Хилл нашел мертвую собаку у себя на пороге. Эта похожа на первую коробку? Внешний вид, бечевка, ярлык?

— Да. Только та была чуть побольше. — Казалось, в бархате ее голоса на этот раз застряли осколки стекла.

— Никаких торговых меток, штампов, надписей?

— Нет.

— А надпись на ярлыке сходна с той, что была

раньше?

— Да, точно такая же. — Она внезапно положила ладонь Эллери на запястье, глядя в то же время на Китса. — Лейтенант, я хотела бы на пару минут остаться с мистером Куином с глазу на глаз.

— У меня нет секретов от Китса, — сказал Эллери, не сводя глаз с ее ладони.

— Ну, пожалуйста… — умоляюще произнесла она.

Китс вместе с коробкой отошел к дальнему окну. Он поднял шторы и углубился в изучение ровной поверхности картона.

— Эллери, вы так странно ведете себя из-за того, что произошло в ту ночь? — произнесла она самым проникновенным и самым тихим голосом, на какой только была способна.

— Ничего не произошло в ту ночь, — отвечал Эллери.

— Может быть, причина как раз в этом? — она вкрадчиво рассмеялась.

— Но с тех пор много чего произошло, — добавил Эллери.

Она тут же прекратила смеяться:

— Что вы имеете в виду?

Он безучастно пожал плечами.

— Эллери! Кто наговорил вам грязной лжи обо

мне?!

Эллери опять посмотрел на ее ладонь, лежащую на его запястье:

— Из своего жизненного опыта я хорошо знаю, что назвать что-нибудь ложью еще до того, как услышишь, о чем идет речь, все равно что признать это правдой, чистейшей правдой!

И он двумя пальцами приподнял ее ладонь, — брезгливо, как будто прикасался к чему-то не совсем чистому, — и стряхнул ее.

Затем повернулся спиной к Делии.

Китс стоял у окна, тряс коробку около уха и внимательно прислушивался. Внутри что-то шуршало. Он прикинул на ладони вес «подарка».

— Внутри что-то есть. По звуку смахивает на плотный предмет, завернутый в папиросную бумагу. И весит немного. — Он взглянул на притихшую женщину. — У меня нет права вскрывать это, миссис Приам. Но ничто не мешает сделать это вам. Прямо здесь и сейчас.

— Как бы вы дурно обо мне ни думали, — дрожащим голосом отвечала Делия, — я ни за что на свете не развяжу эту бечевку на посылке, адресованной не мне.

— Как же быть? — Китс поднял свои рыжеватые брови и протянул коробку Эллери. — Вам решать,

что же нам теперь делать.

— Убираться вон из моей спальни, вам обоим! — вдруг взвизгнула Делия.

Эллери же спокойно сказал.

— Я открою ее, Китс, но не здесь. И не сейчас. Я думаю, что нам стоит ее открыть у Приама в комнате, но в обществе и миссис Приам, и Лаурел.

— Обойдетесь без меня… — прошептала женщина. — Убирайтесь.

— Ваше присутствие необходимо прежде всего ради вас же самой, — обратился к ней Эллери.

— О себе лучше побеспокойтесь!

— Тогда мне придется прибегнуть к помощи того, кто имеет больше прав беспокоиться о вас.

— Никто не имеет!

— Даже Уоллес? — усмехнулся Эллери. — Или кто-нибудь из его многочисленных предшественников?

Делия Приам, почти падая, с остановившимся взглядом вцепилась в край комода.

— Пойдем, Китс. Мы и так зря потратили кучу времени в этом стойле для жеребцов.

Через десять минут Лаурел была тут как тут, страшно заинтересованная. Сзади нее в могильном сумраке дома белела гигантская фигура славного Человека Будущего. Молодой Макгоуэн,

видимо, снова вернулся в свою послеатомную эпоху и успел «облачиться» в свой обычный костюм, основную и единственную часть которого составляли плавки.

— Ну, что на этот раз стряслось? — добродушно поинтересовался он.

Ему никто не ответил.

Мак по своему обыкновению нагнулся, положил руки на плечи присутствующей тут же матери и поцеловал ее. Делия тревожно улыбнулась в ответ, а когда он выпрямился крепко сжала его ладонь и уже не отпускала. Макгоуэн был слегка озадачен настроением собравшихся. Наконец он решил, что в общей подавленности виноват Китс, и уставился на него со свирепым видом, бросая косые взгляды в сторону коробки.

— Эй, парень — полегче, — усмехнулся лейтенант. — Мы здесь не на деревьях. Приступать, мистер Куин?

— Да, пожалуйста.

Молодой Макгоуэн, видимо, ни о чем не догадывался. А вот Лаурел явно знала — и уже давненько — правду о Делии, пылкая материнская любовь которой заставляла ее скрывать свою жизнь от сына. И Эллери вдруг почувствовал, что больше всего на свете он не хотел бы оказаться первым,

кто откроет ему глаза на грязную действительность.

Что касается Лаурел, то она пристально посмотрела сначала на Делию, потом на Эллери, а потом как-то испуганно притихла и вся сжалась.

Эллери стоял у входа в холл и слушал речь Китса по поводу коробки.

— Он совсем такой же, как на мертвой собаке, — сказала Лаурел, мрачно разглядывая ярлык. — И буквы такие же, и черный карандаш. А что внутри?

— Вот это мы сейчас и постараемся выяснить. — Эллери забрал коробку из рук Китса и направился к комнате Приама. Все последовали за ним.

— Убрать паруса! Полный назад! — раздался чей-то голос. Мистер Кольер стоял в дверях библиотеки.

— Мистер Кольер! Не хотите ли присоединиться к нам? Тут кое-что новенькое.

— Знаете, в море я всегда был впередсмотрящим, на мачте сидел, — вздохнул отец Делии. — Вам что, и так бед мало?

— Мы как раз и хотим предотвратить грядущие беды, — как можно любезнее пояснил Китс.

— И поэтому так и рветесь узнать, что внутри? На мой взгляд — безрассудное поведение, — за-

явил старик, качая головой. — Живите сами и давайте жить другим. Или умирайте и давайте спокойно умереть другим. Что одно и то же. — Он отступил назад и демонстративно захлопнул за собой дверь библиотеки.

Эллери подергал дверь Приама. Она была заперта. Он громко постучал.

— Кто там? — неприветливо раздалось из-за двери.

Эллери распорядился:

— Делия, отвечайте.

Она поспешно кивнула.

— Роджер! Открой-ка дверь. — Голос ее звучал покорно и устало.

— Делия? Чего тебе? — послышался лязг кресла и звон стекла.

— Черт бы побрал этот ковер! Сто раз было говорено Альфреду — прибить его к… — дверь распахнулась, и Приам изумленно уставился на всю компанию. Перед ним на полке стоял графин с виски, сифон с содовой и полупустой стакан. Белки его глаз были красными и воспаленными.

— Вы что? — рявкнул он, глядя на Эллери. — Я же сказал вам держаться подальше от моего дома и не соваться, куда не просят? — Его слегка окосевшие глаза наткнулись на коробку в руках

Эллери. Он резко протрезвел и стал оглядываться по сторонам. Скользнул невидящим взором по жене и пасынку. На секунду его уже вполне сфокусировавшиеся зрачки задержались на Лаурел. В них зажглась такая ненависть, что Гроув Макгоуэн невольно выступил вперед. Лаурел же только крепче сжала губы.

Роджер протянул свою волосатую руку, скорее смахивающую на лапу пещерного медведя.

— Нет, мистер Приам.

— На этом ярлыке стоит мое имя. Дайте коробку.

— Весьма сожалею, мистер Приам.

Приам медленно наливался гневом, глаза засверкали:

— Вы не имеете права на чужую собственность!

— А я и не собираюсь предъявлять на нее права, мистер Приам. Всего лишь хочу узнать, что там внутри. Не будете ли вы так любезны пропустить нас в комнату, чтобы мы могли совершить все необходимые для этого действия как цивилизованные люди?

Во время своей речи Эллери не сводил с Приама бесстрастного взгляда. Приам отвел глаза и положил руки на рычаги кресла. Оно медленно,

как бы нехотя, откатилось назад.

Китс аккуратно затворил за вошедшими дверь. Затем прислонился к ней спиной. И остался стоять там, не сводя глаз с Приама.

Эллери начал развязывать бечевку.

Он действовал неторопливо и методично.

Руки Приама все еще сжимали рычаги. Он сидел очень прямо и не отрываясь следил за манипуляциями Эллери. Борода его мерно вздымалась и опадала на широкой груди. От щек отхлынул багровый румянец и теперь они были серыми и вялыми, как ненастное небо.

Лаурел стояла неподвижно, словно натянутая струна.

Макгоуэн мялся, переступал с одной голой ноги на другую, ему было явно не по себе.

Делия Приам стояла абсолютно спокойно, безучастная ко всему происходящему.

— Лейтенант, — внезапно произнес Эллери, когда кончил развязывать последний узелок. — Как вы думаете, что там внутри?

Китс отвечал, не сводя глаз с Приама:

— После этих дохлых лягушек я ума не приложу, что там может быть.

— Да снимите же крышку! — не выдержал Мак. — Откройте ее!

— Есть у кого-нибудь какие-нибудь предположения? — обвел глазами присутствующих Эллери.

— Пожалуйста, откройте, — умоляюще прошептала Лаурел.

— Мистер Приам, а у вас?

Приам не шелохнулся. Только губы его чуть-чуть дрогнули, а следом и борода. Но он не издал ни звука.

Эллери снял крышку.

Роджер Приам отшатнулся так, что чуть не опрокинул кресло назад. Затем, едва придя в себя, потянулся к стакану с виски. Когда он пил, зубы стучали о край, а глаза не отрывались от коробки.

Там лежал всего лишь сверток в белой бумаге.

— По вашей реакции, мистер Приам, — непринужденно заметил Эллери, — можно было подумать, что вы ожидали увидеть по крайней мере готовую к броску кобру. Или что-нибудь в этом роде. Чего вы испугались?

Приам с грохотом стукнул стаканом о выдвижную полку. Костяшки его пальцев побелели.

— Я ничего не испугался! — рявкнул он. — Ничего! — Его грудь мощно вздымалась. — Хватит лезть в мои дела! А не то я клянусь, что… — Он в

ярости выбросил вперед кулак, задел графин, и тот рухнул на пол и покатился по ковру.

Эллери вытащил сверток и начал разворачивать бумагу. Он взял содержимое за край двумя пальцами и положил на ладонь.

И он, и Китс с искренним изумлением уставились на предмет в его руках.

Потому что там не было ничего, что могло бы заставить человека трястись от страха.

На ладони лежал бумажник, обычный мужской бумажник для внутреннего кармана пиджака, сделанный из кожи аллигатора. С красивым тисненым узором, окрашенный в темно-зеленый цвет. В нем не было ничего ужасного, никаких следов — он был абсолютно новый. И очень дорогой — уголки оправлены в золото. Эллери открыл его. Пусто. Ни записки, ничего.

— Дайте мне взглянуть, — попросил Китс.

Действительно, ничего такого, чтобы заставить побледнеть взрослого мужчину.

— Никаких надписей, — сказал Китс. — Только фабричная марка. — Он озадаченно потер подбородок и снова уставился на Приама.

— Что там, лейтенант? — спросила Лаурел.

— Что именно, мисс Хилл?

— Какая марка, я имею в виду?

— Объединенные кожевенные фабрики, Голливуд, Калифорния.

Борода Приама беспомощно упала на грудь.

Но сейчас дело было не в Приаме. Потому что глаза Делии вдруг неимоверно расширились при виде бумажника, а краска отхлынула у нес с лица. Потом губы беззвучно зашевелились, как будто прогоняли призрака.

Шок. Но отчего? От страха?

Да, страх, конечно, был, но он являлся лишь следствием шока, а не его причиной.

Внезапно Эллери понял, что за чувство вызвало у Делии шок.

Узнавание.

Он был совершенно сбит с толку и крепко призадумался. Ведь бумажник совсем новый. Она не могла видеть его раньше… Если только не… Кстати, и Приам его раньше не видел. Одинаковое ли впечатление произвел он на них? Эллери сомневался в этом. Их реакция была продиктована различными чувствами. Факт поразил обоих, но по-разному. Приам напоминал естествоиспытателя, которому ясны причины и ход стихийного бедствия, в том время как его жена была всего лишь случайной и потрясенной жертвой катастрофы. Эллери придержал свое разыгравшееся

воображение. Нельзя делать поспешные выводы на основании всего лишь внешнего вида… Но и пытаться расспрашивать сейчас бесполезно. Эллери чувствовал в душе странную радость. Замечательно, как легко угасает страсть, стоит лишь узнать что-нибудь мерзкое о ее предмете. Сейчас, глядя на Делию, он не чувствовал ничего. Даже сожаления. Ему было противно вспоминать себя и свое мальчишеское ослепление.

— Делия, куда вы направляетесь?

Она шла к выходу.

— Мама!

Значит, Гроув тоже кое-что заметил. Он рванулся следом и схватил ее у самой двери.

— В чем дело?

Она сделала попытку освободиться.

— Господи, мой милый Гроув, как все глупо получается! Это уже выше моих сил. Бумажник, надо же! И такой красивый… Словно подарок Роджеру на день рождения. Пусти меня, Гроув. Я пойду распоряжусь насчет обеда.

— Да-да, мама. Конечно. — Мак опустил руки.

А Лаурел…

— Единственная вещь, способная настолько потрясти меня… — медленно произнес Китс, растягивая слова, — то есть если бы я был на месте

мистера Приама…

Лаурел была единственная из всех, кто, казалось бы, никак не отреагировал на бумажник.

— …я бы просто не знал, какого черта сдался мне этот бумажник. Как слону сенокосилка, — закончил свою бессвязную речь Китс.

Да, Лаурел — единственная не отреагировала на бумажник, но когда она подняла глаза и увидела лицо Делии, на ее собственном лице проступило точно такое же выражение внезапного шока. Сначала — озарение, понимание, узнавание. Потом — шок. Точно так же. Но это не было озарением, узнаванием предмета как такового, как у Делии. Это было понимание состояния, испытываемого Делией. Как бы цепная реакция чувств.

— Если хорошенько сосредоточиться и подумать, то теперь во всех «подарках» можно усмотреть кое-что общее… — продолжал рассуждать Китс.

— Общее, — переспросил Эллери. — Что же это может быть, Китс?

— Мышьяк, дохлые лягушки, бумажник для человека, никогда не покидающего дом. Все это просто чертовски бессмысленно и бесполезно. Вот что общее.

Эллери рассмеялся.

— Ну вот и версия появилась. Как она вам, мистер Приам? В вашей власти или подтвердить, или опровергнуть ее. Был ли первый полученный вами подарок таким же бессмысленным? Что было в первой коробке?

Приам не поднимал головы.

— Мистер Приам! Что было в первой коробке?

Никакого ответа.

— Что все это значит?

Приам не реагировал.

— Можем мы взять этот бумажник на экспертизу? — спросил Китс.

Приам остался в той же позе.

— Мистер Куин, мне показалось, что я уловил одобрительный кивок, — заявил Китс, бережно заворачивая бумажник и запихивая его обратно в коробку. — Так что я заброшу вас домой и отправлюсь прямиком в лабораторию.

Они оставили Роджера Приама все в этой же позе полного безразличия ко всему на свете.

Китс ехал медленно, свободно скрестив руки на руле и неподвижно глядя перед собой, как будто там находилась сама истина. Он непрерывно жевал сигарету, как лошадь траву на выпасе.

— Да, я недооценивал Приама, — засмеялся вдруг Эллери. — Тертый калач.

Китс не разделял его веселости:

— Почему недооценивали?

— Я-то рассчитывал, что он потеряет присутствие духа и расколется хотя бы на этом, четвертом «предупреждении». Вместо этого он ушел в глухую защиту. Будем надеяться, что для нас это лишь временное поражение.

— Вы так уверены, что бумажник — тоже «предупреждение»?

Эллери рассеянно кивнул.

— Что до меня, то я отнюдь не так уверен, — сказал Китс почти жалобно. — Я никак не могу схватить суть происходящего. Все равно что голыми руками ловить рыбок в аквариуме… Мышьяк — еще куда ни шло, хотя я все равно понятия не имел, как быть дальше. Но после всего остального, что за этим последовало…

— Вы же не станете отрицать наличие этого остального, а? Мертвый пес — это факт. Первая коробка, полученная Приамом, — такой же реальный факт. И я твердо уверен, что дохлые лягушки и квакши нам тоже не приснились. А эта последняя коробка? Да, кстати, — Эллери возбужденно потер ладони, — помните, с чего все началось? Эта записка Хиллу?

— Ах, да, — кивнул лейтенант.

— Что — да?

— Записка. Что мы знаем о ней? — пожал Китс плечами. — Да ничего. Это же не она сама, а копия. Вдруг даже не копия? Может, это только так кажется? А Хиллу просто все померещилось в бреду.

— И мышьяк тоже померещился Хиллу, и полчища лягушек, и бумажник, да? — сухо возразил Эллери. — Вспомните, где и в каком состоянии сейчас находится Хилл… Нет, Китс, вы просто попались на удочку здравого смысла. Но вы имеете дело далеко не с простыми, не с разумными в обычном смысле слова поступками. Это — плоды богатой фантазии, и чтобы разгадать их значение, требуется не логика, а еще более изощренное воображение. — Эллери смотрел в пространство прямо перед собой. — И только способность к фантазии, к неожиданным поворотам мысли, к свободному полету воображения и может помочь нам обнаружить логику, связывающую все события в один ряд. Это все равно как установить, что побудило композитора составить определенные ноты в один аккорд.

— И каким же образом можно это установить? — табачные крошки высыпались из лопнувшей сигареты на грудь лейтенанту. — От-

правленная пища, дохлые лягушки, семидесятипятидолларовый бумажник. И Бог знает что еще было в самой первой коробке. Судя по тому, что за ней последовало, — там могло оказаться что угодно: бивни мамонта или календарь для домохозяек 1897 года. Мистер Куин, эти вещи совершенно невозможно связать между собой. Они несопоставимы! — Китс всплеснул от избытка чувств руками, и машину круто рвануло в сторону. — Самое большее, что я могу допустить, — это что каждый случай имеет самостоятельное значение. Мышьяк, например, означал: «помни, как ты пытался отравить меня». Уже что-то более вразумительное! А лягушки? Они означают… Ну, что они означают, Куин?

Но Эллери отрицательно покачал головой.

— Единственное, в чем я совершенно уверен, — что между всеми на первый взгляд нелепыми событиями есть определенная связь. И самое главное — не только между событиями, но и между ними и прошлым Хилла и Приама. А также их общего врага. Более того — Приам прекрасно сознает эту связь, и именно это сознание медленно убивает его.

Нам остается только заставить заговорить Приама… или факты. Пока еще не поздно.

— Я бы предпочел Приама, — процедил лейтенант. И руки его затряслись от ярости.

Оставшийся путь они проделали в полном молчании.

Китс позвонил почти в полночь.

— Я подумал, Куин, что вам было бы любопытно поскорее узнать результаты экспертизы бумажника и коробки.

— Что там?

— Ничего. Единственные отпечатки пальцев принадлежат миссис Приам. Других нет. А сейчас я намерен, наконец, отправиться домой, чтобы убедиться в том, что я еще женат. Ну, как вам у нас в Калифорнии, а?

ГЛАВА XI

У дверей гаража Лаурел подозрительно оглянулась. Слава Богу, сегодня на ореховом дереве никого не было видно. Поблизости тоже. Лаурел проскользнула в гараж, где после яркого солнца глаза ее беспомощно блуждали в кромешной тьме, и нащупала свой остин.

— Привет, Мисс Отчаянная Голова!

— Мак! Черт возьми, ты!

Мрак слегка рассеялся. Из-за большого лимузина показалась огромная фигура.

— Мне сразу показалось, что у тебя что-то на уме, когда ты вчера вечером заявила, что намерена проспать чуть ли не до полудня. Что, деловая поездка, да?

Мак был вполне прилично одет. Надо сказать, что в одежде он выглядел просто великолепно. Почти так же великолепно, как и без одежды. Он умудрился не забыть даже головной убор — что-то вроде шотландской охотничьей шляпы с маленьким перышком украшало его голову. Он бодро потирал руки.

— Ну что, двинулись?

— Сегодня я хотела бы обойтись без тебя.

— Но почему?

— Просто хотела — и все.

— А есть какие-нибудь более веские причины?

— Ну… ты не совсем отдаешь себе отчет в серьезности моих поисков.

— Я? По-моему, я из кожи вон лез в недавнем сафари по зоомагазинам!

— Ох, да что с тобой поделаешь. Ладно, садись.

Лаурел выехала на Франклин-Роуд и свернула в западном направлении. Макгоуэн спокойно созерцал ее напряженный профиль.

— А теперь третий поворот направо, — сказал он. — Затем к западу до Фейерфакса, лево, лево руля, Шкипер!

— Мак, ты что — уже побывал там?

— Просто в Голливуде всего-навсего одна кожевенная фирма, и она расположена около Большого Фермерского Рынка.

— Господи, Мак, как я жалею, что впутала тебя в эту историю!

— Не стоит сожалений. Представь, каково тебе пришлось бы без меня, если бы понадобилось посетить… притон наркоманов, к примеру?

— Да в районе Фейерфакса и рынка ни одного притона и в помине нет:

— Тогда гангстеры, уж они-то точно есть! Их тут развелось видимо-невидимо. Знаешь, где кишат туристы — сразу и гангстеры, тут как тут.

Лаурел ничего не ответила на это, только сердце у нее слегка екнуло. И тут же за поворотом высоко над потоком машин появилась большая висящая фигура зеленого аллигатора.

Они припарковали машину на стоянке неподалеку от стадиона Гилмор. Несмотря на ранний час, почти все мощеное пространство стоянки уже было запружено автомобилями.

— И как же ты собираешься приняться за дело? — спросил Гроув, изо всех сил стараясь сдерживать свой широкий шаг, а Лаурел почти бежала рядом с ним.

— Думаю, что больших осложнений не предвидится, — бросила она на ходу. — Каждый образец они выпускают небольшими партиями, все производится и продается прямо тут же. Я просто поинтересуюсь мужскими бумажниками, потом мое внимание привлекут изделия именно из кожи аллигатора и, наконец, исключительно зеленого цвета.

— Ну, а потом? — скептически хмыкнул верный Мак.

— Ну-у… потом я постараюсь выяснить, кто

недавно приобрел бумажник такого образца. Не думаю, чтобы так уж много людей покупало зеленые бумажники из кожи аллигатора, да еще отделанные золотом. Мак, чего ты ухмыляешься? Давай скорее за дело!

Они были уже почти у самого магазина, представлявшего собой небольшой домик, стилизованный под ранчо, с витринами по бокам от входа. Ограда изображала собой типичный для Дикого Запада загон для скота, сплошь увешанный яркими расписными шкурами. Посетителей встречали крепкие девицы в ковбойских костюмах.

— Ну и как ты собираешься выудить нужную информацию из этих красоток? — спросил Гроув, стискивая двумя пальцами локоть Лаурел. — Прежде всего: они не забивают себе голову именами клиентов. Их головы для этого просто не приспособлены. Ну и потом — не станут они ради тебя рыться в старых чеках. Да я-то здесь зачем, наконец?

— Да — зачем, хотела бы я знать?

— Надеюсь, что не просто для мебели… Не забывай, что я актер, а не просто так околачиваюсь на киностудии! Так что мне ничего не стоит изобразить благородного шерифа, и тогда эти славные

ковбои передо мной не устоят.

— Тогда тебе лучше вообще раздеться, — горько сказала Лаурел. — Тогда они точно не устоят.

— Не волнуйся, я и в одежде не оплошаю! — и он с важным видом скрылся в дверях магазина.

Лаурел сделала вид, что страшно заинтересована серебряной отделкой конской сбруи, выставленной в витрине.

Хотя в магазине было довольно много народу, одна из стройных продавщиц сразу же заприметила Макгоуэна и поспешила навстречу. Лаурел изо всех сил старалась найти в ее фигуре, затянутой в замшу, хоть какой-нибудь малейший недостаток. И не находила. Мак, видимо, тоже, потому что отвечал на приветствие девицы с нескрываемым восхищением.

Они оживленно о чем-то переговаривались целых две минуты! Потом двинулись в глубину зала. Мак заломил шляпу на затылок точно так, как обычно делают в вестернах, и картинно оперся о прилавок рядом с девицей, как будто это была стойка в салуне. Затянутая в кожу и замшу ковбойская Венера начала демонстрировать ему бумажники, один за другим. Она так и лучилась доброжелательностью, вскидывая голову и поводя бедрами, как норовистая лошадка.

Так продолжалось некоторое время, в течение которого Мак с видом заправского киногероя склонялся все ниже и ниже к прилавку, и, наконец, почти коснулся губами ее плеч. Вдруг он резко выпрямился, повертел головой по сторонам и сунул руку в карман. Когда он вытащил ее, в его ладони был зажат какой-то предмет. Мисс Дикий Запад широко открыла глаза…

Спустя некоторое время Гроув вышел из магазина и прошествовал мимо Лаурел, слегка подмигнув ей.

Она последовала за ним, одновременно и раздосадованная, и успокоенная. «Сорвалось, наверное», — думала она. Эх, да и как можно доверять серьезное дело мужчине? Ведь у них все мгновенно вылетает из головы, стоит женщине оказаться поблизости. Лаурел быстро завернула за угол и очутилась в объятиях Мака.

— Дело в шляпе! — сообщил он, довольно скаля зубы.

— А ты уверен, что только в шляпе? — холодно заявила она, высвобождаясь.

— Ну-у… я-то думал, что за мой подвиг мне полагается, по крайней мере золотая звезда шерифа!

— Звезду не звезду, а вот добрый совет я могу тебе дать.

— Какой же?

— Если ты решил подыскать себе родоначальницу будущего человечества Атомного Века, то эти особи вполне сгодятся. Глядя на них, так и кажется, что они только что спустились с деревьев и готовы мигом забраться туда опять! Стоит только стянуть с них эти ковбойские штаны…

— Слушай, ты чего взбеленилась? Ты же смотрела через стекло — все было сверхневинно!

— Но ты записал ее домашний телефон!

— О боже, да ты совсем рехнулась! Это были всего лишь кое-какие деловые заметки! — он схватил Лаурел, швырнул ее на сиденье остина и сам плюхнулся рядом. — У них в прошлом году была выпущена партия мужских бумажников из кожи аллигатора. Трех или четырех расцветок. Все разошлись мгновенно, кроме зеленых. Их они сумели продать всего три штуки. Два были куплены перед Рождеством, для подарков. То есть почти семь месяцев назад. Один приобрел какой-то актер, чтобы послать своему продюсеру в Нью-Йорк. Другой — ведущий какой-то телепрограммы в подарок заезжей французской знаменитости, они отослали его в Париж. А третий и последний из проданных ими нигде не числится.

— Похоже, это как раз наш, — угрюмо кивнула Лаурел. — Что значит — нигде не числится, Мак?

— То есть девица нашла чек. Но никаких сведений о покупателе.

— А дата?

— В этом году. Но какого числа и месяца — неясно. То ли лента в кассовом аппарате соскочила, то ли еще что, но дата отсутствует.

— Ну, а не помнит ли она, как выглядел этот третий покупатель? Может быть хоть это поможет.

— Лично моя красотка ничего не продавала. Подпись на чеке была не ее.

— А чья же? Ты выяснил?

— Разумеется, выяснил.

— Почему тогда не поговорил с той, другой, которая продавала? Или ты не мог оторваться от своей Мисс Ранчо?

— Мисс… кто?! Брось, Лаурел. Понимаешь, я никак не мог поговорить с той, другой. Она уволилась неделю назад.

— Но хоть адрес-то ее и имя ты догадался записать?

— Догадался. Левис Ла Гранде. Но моя красотка заявила, что это не настоящее имя, а настоящего она не знает. Но точно, что не Левис и не Ла Гранде. И адрес тоже бесполезен — эта Левис была,

видимо, уже по горло сыта жизнью в славном Голливуде и уехала домой. Все, что моя новая подружка смогла сообщить мне о ее местопребывании, так это то, что дом ее находится где-то в Лабрадоре. Ну, а если мы все же до нее доберемся, то моя красотка убеждена, что эта особа даже и не вспомнит ничего. Она уверяет, что у Левис мозги размером с ячменное зерно.

— Значит, мы даже не сможем узнать — мужчина это был или женщина? — горестно спросила Лаурел. — Да уж, сыщики из нас…

— Ну что будем делать? Отправимся к Учителю с повинной?

— Вот ты, Мак, и отправишься. Но что ты ему скажешь? Он сам, скорее всего, будет прекрасно осведомлен к сегодняшнему вечеру. Я лично отправляюсь домой. Тебя подбросить?

— О, сегодня ты хороша, как никогда, Лаурел! Я просто не в состоянии оторваться от тебя! Делай что хочешь, но я последую за тобою всюду, как тень.

И он действительно неотступно, как тень, следовал за Лаурел всю оставшуюся часть дня, и не отрывался от нее. После захода солнца, когда исчезли все тени, он не отрывался от нее уже буквально… Только в два часа ночи смогла Лаурел

спуститься с огромного дуба на землю по веревочной лестнице. Он слез следом за ней и обхватил огромными ручищами ее шею. Затем в таком положении препроводил ее к дому Хиллов.

— Ты — суперсекс! Как порция опиума… даже круче! — патетически воскликнул сияющий Мак, когда им пришла пора расстаться на пороге дома.

— Да, ты тоже был великолепен, — сказала Лаурел, у которой на душе просто кошки скребли… Но она не подала виду и кокетливо подставила губы для поцелуя. Он поцеловал их, и это была большая ошибка со стороны Лаурел, потому что ей понадобилось еще лишних пятнадцать минут, чтобы отделаться от него.

Наконец Лаурел закрыла за собой дверь и долго ждала, затаив дыхание, пока не убедилась, что он ушел.

Тогда она выскользнула из дома и стала торопливо спускаться по дороге. В одной руке она сжимала карманный фонарик, а в другой — маленький пистолет. Около самого дома Приама она свернула на опушку леса. Там остановилась и обернула линзу фонарика носовым платком. Затем, направляя тусклый луч прямо себе под ноги, направилась напрямик к дому Приама.

Лаурел не чувствовала никакого азарта. Только тоску. Но не от страха, а от самоуничижения. Господи, как же героини приключенческих фильмов всегда так легко решаются на это? Она впервые с грустью подумала, что скорее всего просто потому, что они всего лишь героини фильмов. А если в жизни девушка вынуждена позволить молодому человеку переспать с ней только ради того, чтобы стянуть у него ключ, то она чувствует себя совсем не как героиня. А как потаскушка. Даже хуже. Ведь шлюха — та хоть что-то имеет от своего распутства, какую-то радость: деньги, квартиру, роскошные вещи и вино, или, на худой конец — удовольствие. Хотя последнее маловероятно… В общем, у проституток и то дело обстоит проще и откровеннее — нормальная честная сделка. А она… она должна была все время притворяться, изображать безумный восторг, а на самом деле все время отчаянно нащупывать ключ. Но самым сложным оказалось не поддаваться очарованию того занятия, которому они предавались… не потерять голову и сохранить ясность рассудка. Этот проклятый Мак был так нежен, так пылок, так искренен и чужд всякого притворства! И так ласков… Поэтому, если уж быть совсем честной, все ее усилия ненавидеть его и то, что они делали,

в том числе и себя саму, потерпели полный крах. «Черт бы побрал этот секс!» — простонала Лаурел, крепко сжимая в кулаке ключ и пробираясь между больших кустов сирени. Впереди темнела громада дома. Ни одного огонька. Она прокралась по краю дорожки к террасе.

В общем-то все было бы не так уж гадко, если бы не касалось именно его матери. Как только Мак умудрялся столько лет жить с ней бок о бок и не иметь ни малейшего понятия о ее поведении? И почему именно эта женщина была его матерью?

Лаурел осторожно подергала входную дверь. Она оказалась запертой. Тогда Лаурел воспользовалась ключом, благодаря Бога, что Приам не держит собак. Наконец скользнула внутрь и аккуратно прикрыла дверь за собой. На секунду сняв платок с фонарика, она окинула взглядом помещение и выключила фонарик.

Прижимаясь к перилам, Лаурел осторожно прокралась наверх.

На площадке второго этажа ей пришлось опять ненадолго зажечь фонарик. Двери в спальни были плотно закрыты. Из-за них не доносилось ни звука, так же, как и с верхнего этажа, где спала прислуга.

Лаурел на цыпочках пересекла холл и при-

жалась ухом к одной из дверей. Затем быстро и абсолютно бесшумно открыла дверь и проскользнула в спальню Делии Приам. Как любезно со стороны хозяйки было именно сегодня отправиться в Санта-Барбару, где она собиралась провести уикэнд у «старого друга семьи». Древо Жизни распростерло свои золотые ветви на пустующем ложе. Лаурел подумала: «Интересно, а на чьем ложе покоится сейчас Делия?»

Лаурел сунула фонарик за пояс своего плаща и стала один за другим выдвигать ящики. Рыться в глухую полночь в вещах матери Гроува, при тусклом свете некоего подобия потайного фонаря, казалось Лаурел почти кощунством. И не важно, что она не собиралась ничего красть. Важна не цель, а метод ее достижения. Подумать страшно, если отец Делии или этот немыслимый Альфред застанут ее здесь! Но перед ее мысленным взором встало застывшее лицо Лендера Хилла со свинцовыми губами — и все сомнения покинули Лаурел.

В шкафу предмета ее поисков не оказалось. Она перешла в гардеробную.

Духи Делии, пропитавшие все ее вещи, сталкивались с запахом средства от моли, и эту невообразимую смесь довершал слабый аромат

экзотического дерева от панелей на стенах. Делия пользовалась духами, название которых оставалось неизвестным. Они были созданы специально для нес одним из владельцев Британской Колониальной Мануфактуры, сотрудничавшей с фирмой Приама. Он придумал их для нее после своего двухнедельного пребывания в доме Роджера много лет назад. С тех пор на каждое Рождество Делия получала большой флакон этих духов откуда-то с Бермудских островов. В них входила эссенция из страстоцветов, и однажды Лаурел в шутку предложила Делии назвать ее духи «Смысл жизни». Но Делия почему-то была недовольна и нашла ее мысль совсем не остроумной.

В гардеробной Лаурел тоже ничего не нашла. Она вышла и, тяжело вздохнув, прикрыла за собой дверь.

Неужели она ошиблась? Неужели ей только показалось, и ее подозрения — лишь результат ее глубокого отвращения к Делии? Но почему тогда лицо Делии так странно изменилось при виде вытащенного Эллери бумажника… Неужели ей показалось? А тогда почему она не нашла его в предназначенном для него месте? Конечно, факт этот достаточно знаменателен уже сам по себе. Делия тогда так поспешно бросилась вон

из комнаты Роджера! И явно отправилась прямиком к себе наверх, а вовсе не в кухню. Значит, она перепрятала его в надежное место. Туда, где никому и в голову не придет искать. В комоде, где положено, его во всяком случае не оказалось.

И куда она только его подевала? Лаурел нужно было просто разок увидеть его своими глазами, убедиться в его существовании.

В комоде красного дерева с медной отделкой тоже нет. Лаурел повытаскивала все до последней безделушки и так же методично положила обратно. Наконец, очередной раз переборов искушение бросить все, отправиться домой, юркнуть в постель и натянуть на голову одеяло забвения, Лаурел нашла его.

Все-таки он оказался в шкафу. Но на совсем неожиданном месте, как и предполагала Лаурел. Делия засунула его в рукав зимнего пальто-реглан с роскошной белой атласной подбивкой. Пальто, в свою очередь, было тщательно запаковано в наглухо застегнутый пластиковый чехол. Просто и гениально! Лаурел подумала, что только очень опытный сыщик сумел бы обнаружить его. Или другая женщина…

Но странным образом Лаурел не ощущала ни малейшего торжества от своего успеха. Только

сосущую боль в сердце, как будто невидимая игла входила все глубже и глубже. И наконец непроходимая тоска полностью поглотила ее.

Да, она не ошиблась. Именно его она видела неделю назад в руках у Делии.

Это был несессер для разных женских мелочей, изящно сделанный из зеленой кожи аллигатора с золотыми украшениями. Фабричная марка — «Объединенные кожевенные фабрики, Голливуд, Калифорния».

Вот он, ключ к четвертому предупреждению!

Лаурел, потупившись, говорила Эллери в его доме на вершине холма:

— Простите, я должна была еще вчера рассказать вам, что мы с Маком побывали на Большом Фермерском Рынке. Пытались выяснить происхождение зеленого бумажника. Но ничего не выяснили. К тому же я почти уверена, что вам и так обо всем известно…

— Я получил рапорт Китса, — насмешливо окинул ее взглядом Эллери. — Нам не составило большого труда догадаться по описанию, сделанному продавщицей, что магазин имел честь удостоиться посещения самого знаменитого Обитателя Деревьев. И он, разумеется, действовал не без вашей помощи.

— Значит, вам еще не все известно.

— Что ж, лишняя информация никогда не помешает. Что-нибудь серьезное, Лаурел? У вас слишком мрачный вид.

— У меня, — с усилием рассмеялась Лаурел. — Может быть… Просто от того, что я кое-что про кое-кого узнала… и может быть, это поможет кое-что прояснить…

— Что прояснить?

— То, что мы хотим узнать! — внезапно вспыхнула Лаурел, глаза ее засверкали. — Но я еще не совсем хорошо могу увязать все факты друг с другом. Их, этих фактов, что-то слишком много… Эллери, знайте: прошлой ночью — скорее уже ранним утром — я совершила неблаговидный поступок. Ужасный поступок. С тех пор, как отравили Роджера, Альфред Уоллес всегда запирает входную дверь на замок. Я стащила у Мака ключ и после полуночи пробралась внутрь, поднялась наверх и…

— И отправилась в спальню Делии Приам, чтобы обыскать ее?

— Откуда вы знаете?!

— Потому что я видел выражение, промелькнувшее на вашем лице, когда вы заметили замешательство Делии, когда она, в свою очередь,

увидела бумажник. Вот так. Эта штука из крокодиловой кожи явно произвела на нее большое впечатление. Она либо узнала эту вещь, либо вспомнила о какой-то другой вещи, имеющей отношение к бумажнику. Или похожей в чем-то на него. И выражение узнавания на ее лице вызвало точно такое же выражение внезапного озарения на вашем, Лаурел. Делия тут же покинула комнату, и перед уходом мы постарались удостовериться, куда она отправилась. Как оказалось, прямиком к себе в спальню. На днях она уехала в Санта-Барбару, поэтому прошлой ночью, видимо, как раз в то время, когда вы пытались завладеть ключом у Макгоуэна, я нанес небольшой визит в спальню Делии Приам. Китс, естественно, не рискнул сопровождать меня: в лос-анджелесской полиции весьма строги к соблюдению буквы закона, и если бы Китса случайно застукали за разбойным проникновением в жилище граждан, ему пришлось бы несладко. И вообще тогда все наши усилия свелись бы на нет. Для оформления ордера на обыск у нас не было достаточных оснований.

Я оставит зеленый несессер из крокодиловой кожи там, где и нашел, в рукаве пальто. Видимо, вы там же обнаружили его несколько часов спу-

стя. Надеюсь, так же оставили его на месте.

— Да, — простонала Лаурел. — Значит все мои жертвы напрасны!

Эллери закурил сигарету и рассмеялся.

— Теперь позвольте мне сообщить еще кое-что, вам неизвестное, Лаурел. — Его глаза, в которых не было и тени улыбки, вдруг потускнели. — Этот зеленый несессер — подарок для Делии. Она не сама купила его. К счастью, продавщица смогла достаточно подробно вспомнить и описать покупателя, хотя тот и приобрел несессер за наличные, без чека. Когда мы предъявили ей фотографию, она тут же опознала его. Несессер был куплен в этом году в середине апреля, как раз перед днем рождения Делии. Имя покупателя — Альфред Уоллес.

— Альфред… — чуть не упала в обморок Лаурел и тут же прикусила язык.

— Не бойтесь, Лаурел, — бесстрастно сказал Эллери. — Мне известно и все остальное, касающееся Альфреда и Делии.

— Я подозревала это, но не была совсем уверена, — сказала Лаурел и подавленно замолчала. Затем вскинула на Эллери недоумевающий взгляд:

— И что же это все значит?

— Может, и вообще ничего, — медленно отвечал Эллери. — Случаются же порой совпадения. Хотя я в последнее время с совпадениями не в ладах и они обходят меня стороной, всегда уступая место твердым закономерностям. Скорее всего тот, за кем мы охотимся, видел этот несессер у Делии, что и помогло ему придумать четвертое предупреждение. В этой ситуации страх Делии вполне объясним нежеланием быть понапрасну впутанной в грязную историю. Часто поведение невинных людей кажется гораздо более подозрительным, чем виновных. Скорее всего так и есть, но… — Эллери пожал плечами, — все это надо хорошенько обдумать.

ГЛАВА XII

Но ход мыслей Эллери вынужден был принять неожиданный оборот. В мире часто случается подобное: за одну секунду внимание миллионов американцев оказалось прикованным к одному местечку на 38-й параллели на другой стороне земного шара.

Лос-Анджелес гудел, как потревоженный улей.

Дело в том, что несколько дней назад северные корейцы вторглись в Южную Корею при помощи советских танков и самоходных орудий. Эта сенсационная новость лишила Америку покоя. А когда оккупационные войска США были спешно переброшены из Японии в район Южной Кореи и встретили мощный отпор, а газеты запестрели сообщениями о раненых и убитых, разразился настоящий скандал. Президент выступил с довольно резкими заявлениями в печати, вызывающими неприятные ассоциации с временами последней войны. Был объявлен дополнительный призыв в армию. Суматоха поднялась и в ООН. Цены на мясо и кофе резко подскочили, начали быстро расползаться пугающие слухи

о грядущем дефиците сахара и мыла. Все население спешно бросилось скупать все подряд и делать запасы посолиднее, а в Лос-Анджелесе никто не сомневался, что третья мировая на носу и Лос-Анджелес будет первым городом на североамериканском континенте, которому придется изведать смертоносное дыхание атомной бомбы. Может быть, даже с минуты на минуту, прямо сегодня вечером.

В Сан-Диего, Сан-Франциско и Сиэтле господствовало, конечно, тоже не очень оптимистическое настроение, но оно не шло ни в какое сравнение с паникой, охватившей Лос-Анджелес. Всеобщей нервозности невозможно было не поддаться. В конце концов, кто мог наверняка утверждать, что нет никаких оснований для беспокойства?

Замысел романа Эллери, так и прозябавший в зачаточном состоянии в его голове, вдруг начал подавать признаки жизни. Эллери старательно крутил ручки настройки радиоприемника, пытаясь противопоставить объективную информацию шквалу наимрачнейших пророчеств о наступающем конце света, которые непрерывно доносились из кухни, где без устали причитала миссис Вильямс. Обитатель Деревьев Атомного

Века не выходил у Эллери из головы. Да, затея Макгоуэна переставала казаться такой уж нелепой…

От лейтенанта Китса уже много дней не было никаких известий.

Из дома Приамов — тоже. Эллери знал, что Делия вернулась из Монтесито, но они не виделись.

Однажды позвонила Лаурел, но не для того, чтобы сообщить новости, а скорее чтобы узнать их. Она беспокоилась за Мака.

— Он никуда носа не показывает, — недоумевала Лаурел. — Я-то думала — он будет шляться повсюду и говорить всем и каждому: «Я же предупреждал вас!» Но вместо этого он словно воды в рот набрал… Странно.

— Ну что ж, Гроув предугадал судьбу нашего «иллюзорного мира». Но, видимо, его самого собственная правота и проницательность не очень-то радуют. А что нового у Приама?

— Все спокойно. Это-то и настораживает.

— Но почему же?

— Ах, я так вымоталась за эти дни! — в голосе Лаурел чувствовался общий для всех надрыв. — Порой мне кажется, что происходящее в мире сделало наши прежние беды мелкими и ничтож-

ными. И, наверное, так оно и есть. Но потом я думаю — нет, вовсе не мелки наши заботы, и не ничтожны. Большая война — это просто большое убийство, но ни одно убийство, большое оно или маленькое, нельзя оставлять безнаказанным. Каждый должен бороться с ними на своем месте, выполняя свой маленький персональный долг. Иначе все вообще пойдет к черту!

— Да, — со вздохом отвечал Эллери. — Вы правы. Единственное, чего бы я пожелал, — это хотя бы твердо знать, в чем состоит наш маленький персональный долг, где наше место, и с чем же или с кем конкретно нам надо бороться в данном случае. Но все это пока весьма и весьма туманно. Вы скажете, Лаурел, что у нас и так уже достаточно стратегических вооружений — то есть фактов — да и тылы уже достаточно укреплены. Но вот тактика наша еще почему-то хромает… ее просто-напросто нет. Мы и понятия не имеем, откуда ожидать следующего удара, как и когда он будет нанесен. Более того, мы даже не догадываемся о целях и планах нашего неведомого нам противника. Поэтому все, что остается, это постоянно ждать и быть начеку.

Лаурел быстро проговорила: «Ну, помоги вам Бог!» — и повесила трубку.

Невидимый противник нанес следующий удар в ночь на седьмое июля. Как ни странно, первым оповестил об этом Гроув Макгоуэн. Где-то после часа ночи, когда Эллери уже собирался ложиться спать и почти разделся, раздался звонок.

— Куин! Только что случилось нечто невероятное. Думаю, вам будет интересно, — Макгоуэн говорил необычайно устало, совсем на себя непохоже.

— Что такое, Мак?

— Кто-то проник в библиотеку через окно. Похоже на обычное ограбление, но что-то я в этом сомневаюсь.

— В библиотеку?! Что-нибудь пропало?

— Насколько я могу судить — ничего.

— Ни к чему не прикасайтесь! Я буду через десять минут.

Эллери позвонил Китсу домой, услышал сонное: «Ну что там еще?..» — и поспешил к Приамам.

На повороте к их дому его встречал Макгоуэн. Все окна в обоих этажах ярко горели, за исключением комнат Приама, за которыми царил полный мрак.

— Прежде чем вы войдете, я хотел бы кратко описать, что произошло… — сказал Мак.

— Кто сейчас дома?

— Делия и Альфред.

— Ладно, говорите, Мак. Только коротко.

— Последние пару ночей я провел здесь, в своей старой спальне…

— Как?! А ваше дерево?

— Так вам коротко рассказывать или как? — вскипел гигант. — Нынче я завалился на боковую довольно рано, но никак не мог сомкнуть глаз. И тут слышу — шаги внизу. Вроде как в библиотеке. Моя спальня как раз над ней. Я подумал, что это дед, и решил поболтать с ним. Вылез из постели, хотел спуститься, окликая его по имени. Никто не отвечал. Что-то заставило меня вернуться назад и заглянуть в его спальню. Она была пуста, кровать — даже не смята. Я вернулся на лестницу и наткнулся на Уоллеса.

— Уоллеса? — переспросил Эллери.

— Да, в рубашке. Он заявил, что услышал шум и собирался спуститься посмотреть, в чем дело. — Макгоуэн как-то странно переминался с ноги на ногу и неуверенно цедил слова. — Но знаете что, Куин? Когда я застал Уоллеса у ступенек лестницы, я никак не мог понять — то ли он собирался спускаться вниз… то ли только что поднялся наверх… — Мак вопрошающе взглянул Эллери в глаза.

Раздался шум приближающегося автомобиля.

Эллери сказал:

— Порой вся жизнь, Мак, зависит от подобных нюансов… Вы нашли вашего дедушку?

— Нет. Может, в лесу стоит посмотреть? — Гроув заволновался, но изо всех сил старался говорить непринужденно. — Дед часто бродит ночами по лесу. Знаете, старческая бессонница…

— Да, понимаю, — Эллери наблюдал, как сын Делии вытащил карманный фонарик и повернулся к дому.

Автомобиль резко затормозил в футе от Эллери.

— Привет, — сказал он.

— Ну, что на этот раз. — На Китсе поверх рубашки была накинута модная кожаная куртка и голос его звучал свирепо.

Эллери вкратце объяснил, что к чему, и они отправились следом за Маком.

Делия Приам встретила их в библиотеке с совершенно обескураженным видом. Она была в темном платье, подпоясанном тяжелым поясом из чеканных медных пластинок. Волосы просто спадали на плечи, а под глазами залегли глубокие свинцовые тени. Альфред Уоллес в свободном домашнем костюме уютно устроился рядом в

кресле и покуривал сигару.

При появлении двух мужчин Делия резко обернулась, а Уоллес встал, но при этом никто не проронил ни слова.

Китс сразу же подошел к распахнутому окну и принялся внимательно изучать задвижку и переплет рядом с ней, избегая прикасаться к чему-либо руками.

— Отмычкой поработали. Кто-нибудь трогал окно?

— Боюсь, что все, — заявил Уоллес.

Китс пробормотал что-то, не совсем вписывающееся в рамки приличия, и вышел. Через несколько минут его фигура замаячила под окном, и луч его электрического фонарика заплясал по стене.

Эллери огляделся. Ему всегда нравились такого рода библиотеки, тем более что в данном случае эта комната оказалась единственной в доме, где мрачный дух Приама совсем не ощущался. Блестящие кожаные кресла и мебель черного дуба служили прекрасным фоном для книг, которые заполняли сверху донизу все четыре стены. Общий уют довершал старинный мраморный камин. Помещение было довольно просторным, и освещалось большими лампами.

— Делия, неужели ничего не пропало?

Она качнула головой: — Ничего не понимаю! — и отвернулась.

— Наверно, мы с Гроувом спугнули его, — заявил Уоллес, опять так же удобно устраиваясь в кресле.

— А что с марками вашего отца? — обратился Эллери к ссутулившейся спине Делии. Интересно, почему ему пришли на ум эти марки? Может быть, они ценные…

— Насколько я сейчас могу судить — они в целости и сохранности.

Эллери медленно двинулся вдоль полок.

— Кстати, Гроув сообщил мне, что мистер Кольер сегодня еще не ложился. Вы знаете, где он, Делия?

— Нет. — Она с пылающим лицом резко обернулась к Эллери. — У нас с отцом нет привычки следить друг за другом. И между прочим, мистер Куин, я не припомню, чтобы давала вам разрешение обращаться ко мне просто по имени! Надеюсь, что вы никогда больше не позволите себе подобной фамильярности.

Эллери откровенно усмехнулся ей прямо в лицо. Она помедлила секунду и снова отвернулась. Уоллес продолжал невозмутимо курить.

Эллери продолжил свой обход комнаты.

Вернулся Китс и коротко доложил:

— Снаружи ничего. А у вас?

— Кое-что, — сказал Эллери, разглядывая камин. — Взгляните-ка сюда! — При этих словах Делия и Уоллес одновременно обернулись.

В камине возвышались горкой остатки дров, почти одна зола. А сверху на ней лежал какой-то истерзанный и обугленный предмет непонятной формы.

— Попробуйте-ка сбоку золу, Китс.

— Совершенно холодная.

— А теперь прямо под этой сгоревшей штукой.

Лейтенант резко отдернул руку:

— Даже жжется!

Эллери повернулся к Делии:

— Сегодня вечером камин топили… миссис Приам?

— Нет. Утром топили, но к обеду все уже прогорело.

— Эту штуку только что сожгли здесь, Китс. Прямо на куче остывшей золы.

Лейтенант обернул руку носовым платком и осторожно взял обугливший комок. Перенес его на каминную полку.

— Что это было?

— Книга, Китс.

— Книга? — Китс окинул взглядом стены. — Любопытно, какая же…

— Пока нельзя сказать определенно. Все страницы сгорели дотла, а на остатках переплета никаких помет или надписей не сохранилось.

Книгу, видимо, переплетали вручную, большинство книг на полках были в особых кожаных переплетах.

— Неужели даже заглавия не проставлено? — Китс почти обнюхал остатки переплета, переворачивая черный комок сбоку на бок. — Должны же быть хоть какие-то следы букв!

— Должны, если только тот, кто совершил этот маленький акт вандализма, предварительно не позаботился об их уничтожении. Обратите внимание вот на эти порезы на корешке и обложке — кто-то поработал здесь острым инструментом перед тем, как предать книгу огненному погребению.

Китс посмотрел поочередно на Делию и Уоллеса, приблизившихся к ним.

— А из вас кто-нибудь может опознать книгу?

— Черт возьми! Опять вы оба торчите здесь!

Кресло Роджера Приама загородило вход в библиотеку. Волосы и борода его были всклокочены,

пижама распахнута на багровой волосатой груди, часть пуговиц оторвалась, словно он терзал пижаму на себе в припадке ярости. За креслом, откинутым в виде кровати, волочились одеяла и простыни.

— Ну что, вы все так и будете стоять столбом, словно в рот воды набрали? Что это за жизнь — нельзя ни на секунду глаза сомкнуть в собственном доме! Альфред, где вы шляетесь? Почему не отвечаете на мой звонок?! — свою жену он не удостоил даже взглядом.

— Я здесь, потому что тут кое-что произошло, — примирительным тоном пояснил Уоллес.

— Произошло? Что еще такое?

Китс и Эллери не сводили глаз с Приама, от которого столик и большое кресло загораживали камин, так что он пока еще не мог видеть сожженной книги.

— Кто-то проник сегодня ночью в вашу библиотеку, мистер Приам, — процедил сквозь зубы Китс. — И поверьте, я отнюдь не горел желанием наносить вам очередной визит, ибо испытываю к вам те же самые чувства, что и вы ко мне. Но если вы надеетесь опять вывести меня из себя оскорблениями и таким образом избавиться от моего присутствия, то это вам не удастся. Сейчас

это не пройдет, не надейтесь. Налицо факт нарушения неприкосновенности частного жилища, возможно кража. Так что в данном случае я нахожусь при выполнении своих прямых служебных обязанностей. Поэтому вам придется либо немедленно отвечать на вопросы, либо подвергнуться допросу в полицейском управлении. Почему эта книга изрезана и сожжена?

Китс выступил на середину комнаты, неся на вытянутой руке черные останки. Он сунул их почти под нос Приаму.

— Книга… сожжена?

Привычная краска гнева отхлынула у Приама с лица и обнажилась мучнистая белизна его лишенной солнца кожи. Приам выпучил глаза на перепачканный в золе комок и тут же в страхе отшатнулся.

— Вы узнаете ее?

Приам отрицательно качнул головой.

— И вы не можете сказать, что это все значит?

— Нет, — хрипло выдавил Приам. Казалось, он не в силах был оторвать взгляд от изуродованного переплета.

Китс с отвращением отвернулся.

— Так, он, значит, опять ничего не знает… Ладно.

— Погодите минутку, лейтенант, — Эллери быстро подошел к полкам и начал рыться в книгах. Они были просто великолепны — большинство сделаны на заказ, ручная работа, авторские миниатюры, золоченые образы, кованые застежки, иллюстрации на отдельных листах — в общем, роскошные экземпляры. И заглавия тоже были как на подбор — все сплошь классика мировой литературы. Но самое любопытное, что просмотрев уже пару десятков книг. Эллери встретил только одну с разрезанными страницами.

Книги никто не читал. Судя по девственно гладким на сгибах корешкам, последней касавшейся их рукой была рука книготорговца.

— Как давно у вас эти книга, мистер Приам?

— Как давно? — Приам облизнул пересохшие губы. — Как давно, Делия?

— Почти со дня нашей свадьбы.

— Ну да. Если есть библиотека — должны быть и книги, — кивнул Роджер. — Я обратился к книжному агенту, дал ему точные размеры всех полок и шкафов и приказал заполнить все пространство лучшими образцами. Чтоб никакой дешевки, сказал я ему! — Казалось, он старается черпать уверенность в звуках собственного

голоса, и привычная надменность начинает постепенно возвращаться к нему. — Когда он притащил выбранные им книги сюда, я швырнул всю кучу прямо ему в рожу. «Я же сказал, что не терплю дешевки! Забирайте это барахло назад, — осадил я его, — и не показывайте сюда носа, пока каждая не будет переплетена в самую дорогую кожу с самой дорогой отделкой! Сразу должно быть видно, что эти вещи стоят бешеных денег, иначе я не выложу ни цента!»

Китс едва сдерживал свое раздражение и старался смотреть в сторону.

— Да, ваш агент постарался на совесть, — пробормотал Эллери. — Я вижу, они все в первозданном виде. Так ни разу и не открывали их, мистер Приам?

— Открывать! Да вы что! И попортить эти шикарные переплеты?! Мистер, эта коллекция не имеет цены! И никто не посмеет засалить даже кончик странички…

— Но, мистер Приам, книги существуют, чтобы их читали! Неужели вам ни разу не захотелось поинтересоваться их содержанием?

— С тех пор как я спихнул экзамены за среднюю школу, я, слава Богу, не занимался подобной ерундой, — фыркнул Приам. — Чтение книг — за-

нятие для баб и всяких волосатиков. Вот газеты — это совсем другое дело! Ну, и всякие комиксы тоже. — Тут он совсем оправился и привычно задрал бороду. — Ну, что вам тут еще нужно?

— Мне нужно провести здесь еще около часа, мистер Приам. Я намерен заняться вашим книжным собранием. Даю слово, что буду обращаться с каждым экземпляром с величайшей осторожностью. Вы имеете что-нибудь против? — осведомился Эллери.

Зрачки Приама хищно сузились:

— Вы вроде и сами пописываете, так что ли?

— Так.

— Даже вроде статейки тискаете в воскресных журнальчиках?

— Иногда.

— Может, вам взбрело в голову накатать обзор типа «Книжные сокровища Роджера Приама»?

— Как вы проницательны, мистер Приам! — усмехнулся Эллери.

— Ладно, я не против, — сделал широкий жест Приам. На щеках его опять сиял прежний свирепый румянец. — Этот агент говорил, что у всех миллионеров должен быть каталог книг. Он все хлопотал, что коллекция моя уникальна и что надо обязательно составить список ради этих

биб… биб… ну, как их?!..

— Библиофилов? — подсказал Эллери.

— Во-во, их самых! Я и подумал, черт возьми, а это может оказаться полезным для всяких там знакомств в деловом мире! Ну, я и сказал ему — валяйте, составляйте список. Его копия — вот в этом письменном столе. Каталог тоже влетел мне в копеечку — четыре цвета, на особой бумаге. А уж какая работа кропотливая! — все описали, до последней книжечки. Некоторых названий я и выговорить-то не могу… — Приам довольно хмыкнул. — Впрочем, если вы в состоянии оплатить книги, то совсем не обязательно уметь выговаривать их названия. — Он махнул волосатой ручищей:

— Я не против, действуйте, мистер… имя-то я опять позабыл?

— Куин.

— Полный вперед, мистер Куин!

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Приам. Кстати, с тех пор, как был составлен каталог, появлялись ли в вашей коллекции новые экземпляры?

— Новые? — изумился Приам. — Я же скупил все самые лучшие. Чего же мне еще?.. Когда намерены приступить, мистер Куин?

— Вообще-то я предпочел бы любое другое время, только не сейчас. Но все равно ночь пошла насмарку и поспать уже не удастся, так что…

— А вдруг в другое время я передумаю, а? — Приам оскалил зубы, что, по его мнению, должно было означать самую дружескую улыбку. — Вроде вы не такой уж простофиля, хотя и книжки пописываете. Приступайте! — Приам перевел свой дикий взгляд на Уоллеса, и улыбка сразу же испарилась у него с лица. — Альфред, отвезите меня. И лучше останьтесь у меня до утра.

— Хорошо, мистер Приам, — кивнул Уоллес.

— Делия, а ты что стоишь столбом? Отправляйся в постель.

— Хорошо, Роджер.

Последнее, что было видно в проеме двери — как Роджер дружески похлопал Уоллеса по руке, когда тот перевозил его обратно. По его виду никак нельзя было догадаться, что только что его так явно трясло от неподдельного ужаса при виде сожженной книги. Казалось, он уже начисто забыл о происшедшем.

Когда Приам скрылся в своих комнатах, Эллери сказал:

— Надеюсь, вы не будете возражать, миссис Приам, если мы тут задержимся еще ненадолго.

Совершенно необходимо выяснить, что это была за книга.

— Вы что же, Роджера за дурака принимаете?

— Делия, почему вы не идете спать?

— Вы еще плохо его знаете… Гроув! — в ее голосе проступила нежность. — Где же ты пропадал все это время, мой мальчик? Я уже начала беспокоиться. Ты нашел дедушку?

Усмехающийся Макгоуэн стоял в дверях:

— Нашел. И как ты думаешь — где? Ни за что не догадаешься.

Он сделал знак рукой, и из-за его спины показался старый Кольер. Лицо его сияло от счастья, а нос был измазан каким-то порошком.

— А я был в подвале, дочка, прямо под вами.

— В подва-а-але?!

— Да. Мама, дед заперся в темной комнатушке прямо под библиотекой. Фотографией занимался.

— Дочка, я весь день возился с твоим Контаксом. Думал, ты не будешь против. Зато я уже почти наловчился. Хотя еще снимки не совсем хорошо получаются. Гроув мне кое-что новое объяснил.

— Мистер Кольер, вы просидели внизу все это время? — спросил лейтенант Китс, не веря своим ушам.

— Да, начиная с ужина.

— И вы ничего не слышали? Кто-то взломал вот это окно.

— Мой внук уже рассказал мне. Нет, я ничего не слышал. А если бы и слышал, то поскорее запер бы дверь в подвал и сидел бы тихо, как мышь. Дочка, ты что-то не в духе. Не позволяй всяким случайным невзгодам портить тебе настроение.

— Я в порядке, папа.

— Иди-ка лучше спать. Спокойной ночи, джентльмены. — И старик отправился к себе.

— Гроув, — устало сказала его мать. — Мистер Куин и лейтенант Китс собираются поработать в библиотеке некоторое время. Мне кажется, что тебе лучше тоже остаться.

— Да-да, конечно, — ответил Мак. Он подошел к матери и поцеловал ее. Она вышла, не бросив даже взгляда в сторону двух мужчин.

Макгоуэн захлопнул за ней дверь.

— В чем дело? — добродушно поинтересовался он у Эллери. — Что-то между вами и матушкой словно кошка пробежала? Что случилось?

— Мак, если вам поручено присматривать за нами, то будьте добры, займите свой пост вон в том уютном кресле, — фыркнул в ответ Эллери. — Так вы не будете нам мешать. Приступим, Китс.

Так называемые «книжные сокровища Роджера Приама», казавшиеся на первый взгляд ценным собранием мировой литературы, оказались на деле библиографическим чудовищем: так нелепа была их подборка. Но Эллери интересовали в данный момент чисто познавательные, а отнюдь не эстетические вопросы, поэтому ему было наплевать на содержание и художественные достоинства приамовой коллекции. Он просто заставил лейтенанта читать вслух заглавия книг на полках, а сам разыскивал их в каталоге. Затем они сверяли еще раз их названия и ставили галочку в списке.

Это занятие отняло у них почти два часа, за это время Макгоуэн сладко уснул в своем кресле.

Наконец все книги на полках были названы. Эллери вздохнул:

— Ну-ка, посмотрим, — и начал считывать список с конца.

— Ну, — изнемогал от нетерпения Китс.

— Вы не назвали всего одно заглавие, — Эллери отложил каталог и взял изуродованные останки книги. — Это должен был быть увесистый том с дубовым, обтянутым кожей переплетом с серебряными застежками. «Птицы» Аристофана.

— Что-что?!

— «Птицы» — пьеса Аристофана, великого сатирика и драматурга Древней Греции. Пятый век до Рождества Христова.

— Что-то я не улавливаю смысла.

Эллери погрузился в молчание.

— Вы что же, опять станете уверять меня, — закипятился лейтенант, — что сожжение книги автора, умершего два с половиной десятка столетий назад, — это еще одно ваше «предупреждение»?

— Вне всякого сомнения.

— Да каким же образом?

— Изуродована и сожжена, Китс. По крайней мере два случая из предыдущих тоже включали в себя акт насилия в той или иной форме: отравление, убийство лягушек… — Эллери запнулся.

— Ну и что?

— Лягушек. Да ведь еще одна пьеса Аристофана так и называется — «Лягушки».

Китс скорчил кислую мину.

— Хотя нет, это скорее всего простое совпадение, — продолжал Эллери. — Так, значит, что мы имеем? — Неизвестно что, затем — отравление, потом — дохлых лягушек и жаб, далее — дорогой бумажник и, наконец, — шикарное издание Аристофана, а именно: греческая сатирическая пьеса социальной направленности, поставлен-

ная впервые, если мне не изменяет память, в 414 году до Рождества Христова.

— А у меня кончились сигареты, — грустно пробурчал в ответ Китс. Эллери сунул ему свою пачку. — Спасибо. Ну, и где же здесь связь?

— Помните: «И перед каждым следующим шагом к умиранию — предупреждение, особое значение коего совершенно ясно для вас обоих»? Кажется, так — сказал Эллери. — Да-да, там так и было написано.

— Вот-вот, Куин, он абсолютно прав: «Озадачивающее и наводящее на размышления». Я, например, уже так озадачен, что дальше некуда… и от размышлений голова раскалывается. Коли вся эта белиберда призвана заморочить нам голову и только, то уж она никак в таком случае не имеет общего смысла и связи. Просто каждая выходка на свой лад — и все.

— «И перед каждым следующим шагом…» Китс! Это значит, что все идет к одной цели, все связано определенным образом. И в целом обязательно должно что-то обозначать и при этом значения должны идти как бы по возрастающей… — Эллери упрямо покачал головой. — Я в последнее время начал даже сомневаться, понимает ли сам Приам, что происходит. Сегодняшний случай

свел на нет все мои подозрения, ведь Приам практически неграмотен. Тогда каким образом он мог бы понять значение очередного «предупреждения» — уничтожения древнегреческой комедии?

— А о чем она?

— Комедия? Ну-у… насколько я помню, два афинянина подговорили птиц построить воздушный город, чтобы отделить богов от людей.

— Что ж, неплохая идея.

— Как же Аристофан назвал свой город в воздухе? Облачный Город, или что-то в этом роде…

— Знаете, это самая здравая идея из всех, что мне пришлось за последнее время узнать. — Китс в раздражении поднялся и отошел к окну.

Прошло довольно много времени. Китс стоял, уставившись во тьму, которая постепенно начинала светлеть. В комнате было холодно, и он постоянно поеживался под кожаной курткой. Юный Макгоуэн невинно посапывал в своем кресле. Эллери не проронил ни слова.

Молчание Эллери было столь продолжительным, что наконец даже Китс, который уже не способен был соображать, вдруг осознал, насколько оно затянулось. Китс резко обернулся и увидел изнуренное, невыспавшееся, небритое лицо с широко раскрытыми глазами, охваченными

лихорадочным безумием, как у девицы, приготовившейся к первому в ее жизни поцелую.

— Куин, что за идиотский вид? — обеспокоился лейтенант. — Что с вами?

— Китс, у них есть общее значение!

— Ну да. Я уже слышал это сотню раз.

— И не одно, а целых два значения!

Китс подошел к Эллери и взял у него еще одну сигарету.

— Послушайте, к чему в этом опять копаться? Пойдем-ка лучше домой, умоемся, побреемся и завалимся на боковую! — Потом он немного помолчал и спросил:

— Ну что там общее.! Не тяните…

— Два общих значения, Китс! — Эллери чуть не поперхнулся от волнения. В горле у него пересохло, голова гудела от напряжения, но на этот раз он наконец твердо знал, что напал на верный след. Все начинало обретать свой смысл.

— Вы уловили какой-то смысл в этой чепухе?

— Да, Китс. Это не чепуха.

— Тогда что же?

Но Эллери его не слышал, а нащупывал дрожащей рукой сигарету.

Китс поспешил зажечь для него спичку и тут же, абсолютно бессознательно, раскурил ею свою

собственную сигарету Потом направился к окну, сделал одну глубокую затяжку, потом другую, третью, заполняя легкие уже забытым дымом. Мрак ночи почти совсем рассеялся, оставляя кое-где на серебрящемся рассветном пространстве глубокие тени. Китс внезапно осознал, что он делает. Сначала изумился. Потом пришел в полное отчаяние и, наконец, рассвирепев, стал яростно докуривать сигарету.

— Китс.

Китс стремительно обернулся.

— Что?

Эллери был уже на ногах.

— Хозяин собаки. Как там его звали? Адрес?

— Кого? — испуганно заморгал Китс.

— Хозяина мертвой собаки, той самой, что вроде бы отравили перед тем, как оставить на пороге Хилла. Как звали хозяина? Я забыл.

— Хендерсон. Клиборн-Авеню, в районе Толюка-Лейк.

— Мне необходимо срочно увидеться с ним. Вы сейчас домой?

— Но для чего…

— Идите домой и вздремните пару часов, Китс. Позже, с утра, я надеюсь застать вас в полицейском управлении.

— Да. Но для чего…

Эллери уже выходил из библиотеки Роджера Приама неестественно короткими шагами, словно лунатик. Китс смотрел ему вслед.

Когда раздался звук отъезжающей машины, лейтенант сунул к себе в карман забытую Эллери пачку сигарет и собрал останки сожженной книги.

Гроув Макгоуэн пробудился с оглушительным зевком.

— Вы еще тут? А где Куин? — в промежутке между следующими зевками и потягиваниями поинтересовался юный гигант у Китса. — Ну, что-нибудь выяснили?

Китс прикурил новую сигарету от тлеющего окурка и резко выдохнул дым.

— Я дам вам знать… обо всем по телефону, — уныло сказал он и пошел прочь.

Сон никак не шел к нему. Он некоторое время безнадежно ворочался со старательно закрытыми глазами.

В начале седьмого Эллери уже спустился вниз в кухню в поисках кофе.

Он выпил подряд три чашки, не отрывая неподвижного взгляда от рассветного марева над Голливудом, сквозь которое пыталось пробиться

июльское солнце. Еще немного — и последний туман рассеется, тогда оно засияет вовсю. Вот так всегда — стоит лишь рассеять мглистый туман, чтобы порядок, лежащий в основе всех событий, предстал во всей своей простоте и ясности.

Что же появится из тумана, до сих пор плотно окутывавшего и его, и Лаурел, и Делию, и всех остальных? Эллери едва ли осмелился бы сейчас строить предположения. Но все-таки кое-какие жуткие очертания угадывались, и своей неопределенной чудовищностью даже захватили его воображение. Но загадочности пока не убывало. Так что надо было срочно рассеять туман.

Эллери поднялся обратно к себе, побрился, принял душ, переоделся в свежий костюм. Затем вышел из дома и сел в машину.

ГЛАВА XIII

Около восьми утра автомобиль Эллери затормозил около небольшого аккуратного оштукатуренного коттеджа на Клиборн-Авеню.

Ярко раскрашенный фанерный профиль, напоминающий Лупи — одного из гномиков Уолта Диснея, — торчал на столбе посреди лужайки, на которой искусной рукой садовника было выстрижено имя Хендерсона.

Плотно задернутые венецианские гардины выглядели малообещающе. Эллери приблизился к дому, и откуда-то раздался женский голос: «Если вы ищете мистера Хендерсона — так его нет дома».

Полная женщина в оранжевом халате свесилась через перила веранды соседнего дома, ее унизанные кольцами руки нащупывали что-то на электрическом щитке.

— А где я могу его увидеть?

Раздался легкий щелчок, потом шипение — и над шестью поливочными устройствами на зеленой лужайке распустились водяные букетики.

Женщина выпрямилась, вся красная от натуги,

и очень довольная достигнутым успехом.

— Нигде, — заявила она, отдуваясь. — Хендерсон — киноактер. Сейчас он играет роль духа удачи на пиратском корабле где-то в районе Канарских островов. Назад ожидается только через несколько недель… А вы из прессы?

— Вот невезение, — пробурчал Эллери. — А вы помните пса мистера Хендерсона?

— Его пса? Конечно! Его звали Франк. Вечно разрывал мои газоны и гонялся за бабочками прямо по клумбам с анютиными глазками… Только ничего такого не подумайте… — добавила она вдруг обеспокоенно, — я и не думала травить его. Я не выношу людей, жестоких к животным, какими бы невоспитанными эти животные ни были. И Хендерсон об этом знает.

— А какого вида был этот Франк?

— Вида?

— То есть породы.

— Ну-у… не очень большой. Но и не маленький, если разобраться…

— То есть вы не знаете, какой он был породы?

— Думаю, что какой-то охотничьей. А вы что, из Общества Защиты Животных? Или Антививисекционной Лиги? Знаете, я лично тоже против экспериментов над животными, ну, как всегда

пишут в «Экземинер», очень проникновенно… Если уж всемогущий Господь…

— А вы не могли бы уточнить, мадам, какой именно охотничьей породы был Франк?

— Ну-у…

— Английский сеттер? Ирландский? Гордон? Льюэллин? Веймарская гончая? Фокс-терьер?

— Боюсь, увы, — искренне вздохнула женщина, — что я и не знаю.

— А хоть какого цвета он был?

— Знаете, что-то вроде коричневого с белым… Нет, черным… Дайте хорошенько подумать — вроде и не совсем коричневого скорее кремового, да.

— Скорее кремового… Благодарю вас, — сказал Эллери. И пошел к своей машине. Затем он отъехал на расстояние около пятидесяти футов, как раз, чтобы скрыться из глаз своей словоохотливой собеседницы.

После небольшого раздумья он тронулся дальше.

Он проехал через Пасс и Олайв, затем мимо студии братьев Варнер и через Бульвар Бархэм выехал на Фриуэй. Быстро промчавшись по Северному шоссе в Голливуд, он нашел свободное местечко на стоянке у Мак-Кэдден Плейс и поспе-

шил за угол, к книжному магазину Пловера.

Тот был еще закрыт.

Ожидание казалось невыносимым. Какая недогадливость со стороны Пловера — так поздно открывать магазин! Эллери бездумно побрел по Голливуд-Бульвар и спохватился уже у самого Дэнс-Кафе. Его пустой желудок тут же напомнил о себе, Эллери вошел в кафе и заказал завтрак. Кто-то забыл на столике газету и Эллери автоматически прочел ее, пока наполнялся его желудок. Когда он оплачивал чек, кассир спросил: «Ну, что там сегодня новенького в Корее?» На что Эллери с глупейшим видом ответил: «Все по-прежнему», потому что он не запомнил ни слова из прочитанного.

Магазин уже открылся!

Он стремительно вбежал внутрь и схватил продавца за рукав:

— Быстро, — почти выкрикнул он, — книгу о собаках!

— Книгу о собаках, — спокойно кивнул тот. — Какую конкретно, мистер Куин?

— Об охотничьих собаках! С картинками! Цветными!

На этот раз Пловер не обманул его ожиданий. Эллери выскочил из магазина с толстенным то-

мом под мышкой.

Он быстро рванул вверх по дороге к холмам и поймал Лаурел Хилл, уже готовую закрыть за собой дверь душевой.

— Уйдите, — ошеломленно прошептала она, — я же голая.

— Выключайте ваш душ и идите ко мне!

— Но Эллери…

— Господи, да мне наплевать, что вы голая!

— Благодарю, вы очень галантны… Делии Приам вы смогли бы сказать то же самое?

— Прикройте ваши драгоценные прелести вот этим! Я буду ждать в спальне!

Эллери сунул в дверь купальное полотенце и вышел. Лаурел не заставила себя ждать больше пяти минут. Когда она появилась в спальне, ее фигуру изящно облегал красно-бело-голубой пляжный халатик.

— Не ожидала от вас такой прыти, Эллери! Надеюсь, что в следующий раз вы удосужитесь хотя бы постучать. Боже, в каком виде мои волосы!

— Да-да, — механически покивал головой Эллери. — А теперь, Лаурел, вспомните то утро, когда вы с вашим отцом стояли на пороге дома и смотрели на мертвого пса. Вспоминаете?

— Вроде да, — спокойно сказала Лаурел.

— И собаку?

— Каждый волосок на ее шкуре.

— Тогда идите сюда, — он дернул ее за руку по направлению к себе, так что она взвизгнула и поспешно запахнула свободной рукой край халатика. Не успела Лаурел опомниться, как уже оказалась около кровати. На ней, раскрытая на цветном изображении большого спаниэля, лежала книга.

— Эта?

— Н-нет…

— Смотрите картинки страница за страницей. Когда наткнетесь на собаку Хендерсона или похожую на нее, то отметьте его… или их. И так до конца книги.

Лаурел подозрительно разглядывала Эллери: неужели пропустил бутылку-другую? Что-то рановато для него… К тому же он слишком аккуратно выбрит и выглажен для человека, успевшего нализаться сразу же после бессонной ночи. Значит…

Эллери! — завизжала Лаурел, — вы что-то нашли!

Начинайте смотреть, — свирепо зашипел на нее Эллери. Но, видимо, свирепость его была заметна только ему самому, ибо Лаурел с безгра-

ничным обожанием взглянула на него и стала торопливо листать страницы.

— Полегче, полегче, — забеспокоился Эллери, — а то вы его пропустите!

— Да найду я вашего драгоценного пса! — Страницы так и порхали под ее пальцами — Вот он!

— Где?!

Эллери вцепился в книгу.

На картинке был нарисован небольшого роста коренастый песик с короткими лапами и коротким крючковатым хвостиком. Гладкая шкура. Ляжки и грудь — белесоватые, словно в манишке. Спина и уши черные, к хвосту цвет шерсти постепенно переходил в песочный.

Надпись под картинкой гласила: «Бигль».

— Бигль! — просиял Эллери. — Ну конечно — бигль![9] Конечно! И никто иной как бигль! Именно он. Как это я сразу не… Мозги, видно, совсем на старости лет атрофировались. Бигль, Лаурел, бигль!

Он схватил Лаурел на руки и запечатлел на ее мокрой макушке пять пылких поцелуев. Затем швырнул ее на кровать и стал отбивать перед ее насмерть перепуганным взором бравую чечет-

---

[9] СНОСКИ: 9

Beagle — (англ.) 1)порода собаки, 2)ищейка, сыщик, шпион. (Прим. переводчика)

ку. Свой талант танцора Эллери всегда держал в строжайшей тайне ото всех, даже от родного отца. Теперь же он плясал, припевая: «Марси, моя душка, моя радость, мой славный сыщик в юбке! Ах какой же славный ключик ты нашла для нашей тайны, оп-ля-ля, для мышьяка, оп-ля-ля, для дохлых жаб, оп-ля-ля, для остального, только главный-то ответ разгадали лишь сейчас! Оп-ля-ля — конечно, бигль, славный, старый добрый бигль! Ай да бигль! Ай да бигль! Распрекрасный бигль!» И он попытался пройтись на пуантах.

— Эллери, но при чем здесь порода собаки? — взмолилась Лаурел. — Единственная связь, которая просматривается, так это с жаргонным значением словечка «бигль». То есть — сыщик, ведь так?

— Смешно, правда? — Эллери вне себя от восторга кружился по комнате с грацией бегемота, посылая воздушные поцелуи Лаурел. И тут он чуть было не расквасил нос миссис Монк, экономке Лаурел, сунувшейся было в спальню узнать, что за шум, и тут же с ужасом захлопнувшей дверь.

Спустя двадцать минут Эллери заперся с лейтенантом Китсом в одном из кабинетов полицейского управления. До проходящих мимо дверей

сотрудников доносилось ровное бормотание Эллери, прерываемое странными сериями звуков, почти не имеющих ничего общего с обычным голосом Китса.

Их беседа продолжалась добрых полтора часа.

Когда в конце концов дверь распахнулась, на пороге показался едва держащийся на ногах человек. Китс выглядел так, как будто только что с трудом поднялся с пола после прямого удара в пах. Голова его тряслась, глаза бегали по сторонам и он без остановки говорил сам с собой. Бодрый Эллери появился следом, и они оба исчезли в кабинете шефа.

Еще через полтора часа они появились в коридоре опять. На этот раз Китс выглядел уже значительно бодрее, почти совсем как обычно.

— Я все еще верю своим ушам, — заявил он. — Но как же забавно, черт возьми, устроен наш мир!

— Как вы думаете, Китс, сколько времени вам понадобится?

— Теперь, когда мы знаем, что искать, — всего несколько дней. А что вы тем временем намерены предпринять?

— Спать и наблюдать дальнейший ход событий.

— Ха, теперь-то уж мы сумеем найти подход к этому типу! — усмехнулся лейтенант.

Они торжественно пожали друг другу руки и разошлись: Эллери домой в постель, а Китс — раскручивать полицейскую машину Лос-Анджелеса, чтобы она заработала по 24 часа в сутки бесперебойно… Необходимо было как можно скорее выяснить кое-какие обстоятельства двадцатилетней давности… но на этот раз уже со стопроцентной надеждой на успех.

За три дня из архивной пыли было извлечено еще далеко не все, но даже того, что уже удалось получить по телетайпам, было более чем достаточно для подтверждения исходной версии. Эллери и Китс сутки напролет просиживали в управлении, дополняя уже почти готовую картину все новыми и новыми подробностями. И тут зазвонил телефон Китса. В трубке раздался напряженный голос.

— Лейтенант Китс, Эллери Куин у вас?

— Куин, вас просит Лаурел Хилл.

Эллери взял трубку.

— Я по горло занят, Лаурел, поэтому совсем позабыл про вас. Что-то стряслось?

Лаурел выпалила с истерическим смешком:

— Я совершила преступление.

— Тяжкое?

— А что бывает за присвоение вещей, тебе не принадлежащих?

Эллери быстро спросил:

— Приам опять что-то получил?

В трубке послышалась короткая возня, и задыхающийся голос Гроува произнес:

— Куин, она тут ни при чем. Это сделал я.

— Это не он! — послышался визг Лаурел. — Мак, мне на все плевать! Мне осточертело находиться в подвешенном состоянии, в неизвестности…

— Да получил, наконец, Приам что-нибудь или нет?!

— Получил, — сказал Макгоуэн. — На этот раз довольно большой пакет. Его оставили сверху на почтовом ящике. Куин, я не позволю Роджеру и пальцем тронуть Лаурел! Я сам взял пакет, и дело с концом!

— А вы открывали его, Мак?

— Нет.

— Где вы сейчас?

— У вас дома.

— Сидите там и держите руки подальше от этой штуки. — Эллери положил трубку на рычаг. — Шестое, Китс!

Они нашли Лаурел и Мака в гостиной Эллери,

где те ходили кругами вокруг пакета размером примерно со шляпную коробку. Он был завернут в очень плотную бумагу и перевязан толстой бечевкой. На ней болтался старый знакомый — ярлык с именем Приама, написанным уже хорошо известными черными буквами. На самом пакете никаких других пометок не было.

— Опять его кто-то лично доставил, — сказал Китс. — Мисс Хилл, как вам удалось завладеть им?

— Я уже несколько дней вела наблюдение. Все куда-то запропастились, мне никто не звонил, и я опять решила действовать самостоятельно. Но вот проклятие! После многочасового сидения в кустах я все-таки проворонила ее!

— Ее? — безучастно переспросил Макгоуэн.

— Ну, не важно — ее, его или кто там был… — странно покраснела Лаурел.

Гроув удивленно взглянул на девушку.

— Давайте по порядку, — предложил Китс. — Начнем с того, что откроем пакет. Полагаю, что только тогда все мы сможем спать спокойно…

— Мудрые слова! — пробормотал сын Делии. Он молча рванул бечевку и развернул бумагу.

Внутри оказалась дешевая белая, без всяких надписей, коробка. Ее содержимое распирало

стенки и они слегка выпячивались.

Мак снял крышку.

Коробка оказалась доверху набитой документами самых разнообразных видов, размеров и цветов. Многие были напечатаны на бумаге с водяными знаками.

— Что за черт! — Китс наугад выбрал один листок. — Это же акция!

— Точно, — подтвердил Эллери. — И это… — Мгновение спустя они с недоумением уставились друг на друга. — Кажется, здесь все сплошь различные акции!

— Ничего не понимаю, — заволновался Китс, кусая ногти. — Это ни в какие ворота не лезет, Куин. Совсем не ложится в вашу схему!

Эллери помрачнел.

— Лаурел, Мак, что вы скажете об этой макулатуре?

Лаурел только молча пожала плечами и впилась глазами в имя, проставленное на ценных бумагах. Потом так же молча отвернулась.

— А может, это означает — Судьба? — предположил Мак. — Вроде как предупреждение…

Эллери не сводил глаз с Лаурел.

— Лучше вытряхнем всю эту коробку на стол и потом придумаем, что со всем этим делать.

Лаурел! Что с вами?

— Ты куда это собралась? — встревожился Макгоуэн.

Лаурел шла к выходу.

— Мне все это осточертело. Все. Бесконечные ожидания, надежды, поиски — и все впустую. Если вы, Эллери, и вы, лейтенант, действительно знаете что-то существенное, то почему молчите?

— Ну, мы еще не все до конца выяснили, Лаурел, чтобы говорить.

— А выясните ли вообще? — сказала она безнадежно и устало. Затем вышла, и мгновение спустя они услышали звук отъезжающего автомобиля.

Вечером около семи Китс и Эллери вместе подъехали к дому Приама в машине Китса. В руках у Эллери находилась коробка с ценными бумагами. Гроув Макгоуэн поджидал их у входной двери.

— Где Лаурел, Мак? Разве вам не передали, что я звонил? — спросил Эллери.

— Она дома, — слегка заволновался Гроув. — Не понимаю, что с ней творится. Она умудрилась выпить почти восемь стаканов мартини, и я ничего не мог с ней поделать. Первый раз вижу Лаурел в таком состоянии! Обычно она месяцами не берет в рот спиртного. Что-то мне это не нравится…

— Просто девочке тоже надо расслабиться, хотя

бы раз в жизни, вот и все, — оскалился Китс. — Ваша мать у себя?

— Да. Я ей уже все рассказал. А что вы узнали?

— Не так уж и много. С бумагой и коробкой — полный провал, наш неведомый приятель обожает работать в перчатках. А Приаму вы уже сообщили?

— Я только сказал ему, что вы оба прибудете по важному делу, — и все.

Китс кивнул, и они отправились к Роджеру Приаму.

Приам обедал. Он вонзал остро заточенный нож и вилку в толстый ростбиф. Альфред Уоллес поджаривал следующий на переносной жаровне, сдабривая его луком, грибами и томатным соусом. К мясу были поданы несколько чашек с различными специями, среди которых возвышалась на три четверти опорожненная бутылка красного вина. Приам жрал как свинья: разрывал мясо зубами, чавкал, свирепо вращал глазами и дергал челюстью. Струйки соуса стекали на трясущуюся от вожделения бороду.

Его жена молча наблюдала за ним из кресла позади Уоллеса, подобно тому, как обычно посетители зоопарка созерцают кормление зверей.

При появлении в комнате троих посторонних

вилка с куском мяса замерла в воздухе. Повисела минуту. Затем продолжила свое движение, но теперь уже без прежнего энтузиазма. Гастрономический ажиотаж Приама пропал, хотя его челюсти продолжали машинально двигаться. Глаза же остановились на коробке в руках Эллери.

— Сожалею, что приходится прерывать ваш обед, мистер Приам, — сказал Китс. — Но нам точно так же пришлось отказаться и от своего.

— Еще один кусок, Альфред, — протянул тарелку Приам. Уоллес молча наполнил ее. — Что это?

— Предупреждение номер шесть, мистер Приам, — отвечал Эллери.

Приам вонзил вилку в новый кусок ростбифа.

— Вижу, что от вас просто так не отделаться — почти дружелюбно сказал он. — И когда только вы научитесь оставлять людей в покое?

— Я взял ее, — внезапно вмешался Гроув. — Ее оставили на почтовом ящике и я забрал ее.

— А-а, и ты туда же… — Приам внимательно оглядел своего пасынка.

— Между прочим, я тоже живу здесь, как вам известно. И имею ко всему самое непосредственное отношение. И требую ясности, наконец! — вскипел Гроув.

Приам швырнул тарелку прямо в лицо Маку. Она слегка задела краешек его уха. Мак сжал кулаки и застыл на секунду, весь желтый от ненависти.

— Гроув!

Он отшвырнул бросившуюся к нему мать прочь.

— Роджер, — сказал он очень тихим голосом, — если ты вздумаешь еще раз сделать что-либо подобное… я тебя убью.

— Пошел вон! — голос Приама перешел в рычание.

— Только после того, как уйдет Делия. Где она — там и я. Бог знает, почему она вообще еще не сбежала отсюда куда глаза глядят, но пока она будет здесь, я тоже останусь. Мне от тебя, Роджер, ни черта не надо. Я и сам не пропаду. Но я имею полное право знать, что происходит в доме… Мама, не волнуйся, все в порядке!

Делия хлопотала над его посиневшим ухом. Она торопливо достала платок, ее губы тряслись, а лицо резко постарело. Мак сказал:

— И запомни, Роджер, мои слова. Только попробуй сделать это еще раз!

Уоллес опустился на корточки и стал собирать остатки пиши вперемешку с осколками.

Щеки Приама стали фиолетовыми. Он сжал кулаки и набычился. Взгляд его, уставившийся прямо в глаза Маку, был красноречивее всяких слов.

— Мистер Приам, — любезно начал Эллери, — вам знакомы эти бумаги?

Эллери положил перед Роджером коробку… Тот долго смотрел на груду акций и не двигался. Казалось, он их в упор не видит. Но постепенно на его лице начало проявляться смертельное беспокойство, и по мере его появления краска покидала его щеки, пока не исчезла совсем.

И тогда он схватил одну бумажку, другую, третью… Его громадные ручищи судорожно рыли в коробке, выгребая ее содержимое. Внезапно он весь как-то осел, руки бессильно опали, и он взглянул на свою жену.

— Я помню их. — И добавил со странной многозначительностью. — А ты, Делия?

Она сказала так, будто ее ударили в самое сердце:

— Я?

— Да ты только взгляни на них, Делия, — его голос дрожал от злобы, — если ты с тех пор так ни разу их и не видела, то сейчас у тебя есть такая возможность.

Она приблизилась к его креслу с явным опасением увидеть что-нибудь неприятное для себя, но одновременно приносящее Роджеру массу удовольствия… Если шестое предупреждение и испугало Приама, то сейчас от его страха не осталось видимого следа.

— Ближе, ближе, Делия! — Приам протянул жене один листок. — Он не кусается.

— Что ты еще задумал? — заревел Гроув и рванулся вперед.

— Макгоуэн, вы же сами видели их сегодня утром, — успокоил его Китс. — Ничего страшного. — Гроув нехотя остановился.

Лейтенант разглядывал участников сцены с уверенным блеском в глазах, покинувшим его было в последнее время. Китс откровенно разглядывал всех присутствующих, кроме Уоллеса, которого он, казалось, даже не замечал. А тот сосредоточенно хлопотал над жаровней, как если бы был в комнате совершенно один.

Делия Приам с трудом разжала губы и прочла надпись на акции: «Харви Макгоуэн».

— Совершенно верно, — хмыкнул Роджер. — Написано именно это имя: Харви Макгоуэн. Твой бывший папаша, Гроув. — И он мерзко хихикнул.

Мак оглянулся с глупейшим видом.

— Мама, я совсем не обратил внимания на имя…

Делия Приам неловко дернулась. Как будто хотела зажать ему рот.

— И на всех этих бумагах…

— Да, миссис Приам, на всех стоит одно и то же имя. Вы можете это как-то объяснить? — спросил Китс.

— Они принадлежали моему первому мужу. Я не видела их в течение… уж и не знаю скольких лет.

— Вы унаследовали эти акции от Харви Макгоуэна?

— Да. Если это действительно те самые.

— Те самые, миссис Приам, — сухо заверил Китс. — Мы навели справки. Они перешли к вам вместе со всем имуществом покойного. Где вы хранили их все это время?

— В коробке. Но не в этой. Это было так давно, что я толком и не припомню…

— Но ведь это ваше добро, не так ли? Когда вы вышли за Приама, вы его с собой забрали? В этот дом?

— По-моему, да. Я все взяла с собой. — Казалось, мысли ее страшно путаются и ей с трудом дается

связная речь. Роджер Приам следил за выражением ее лица, а его собственное кривила едкая усмешка.

— Неужели вы не можете припомнить, где вы держали их, миссис Приам? Это очень важно.

— Может быть, в кладовке на чердаке. А может, в подвале, среди старых чемоданов и коробок.

— Не стишком ясные указания, миссис Приам.

— Хватит ее мучить, Китс! — потребовал Макгоуэн. Он был в таком возбуждении, что зубы его слегка стучали. — Вы сами-то помните, куда положили ваше свидетельство об окончании начальной школы?

— Это не одно и то же, — возразил лейтенант. — Номинальная стоимость этих акций немногим более миллиона долларов.

— Чепуха! — с внезапно вспыхнувшим раздражением бросила Делия. — Эти бумажки ничего не стоят.

— Вы правы, миссис Приам. Но я думаю, что не всем это могло быть известно. Они действительно стоят меньше, чем затраты на их печать. Все фирмы, выпустившие эти акции, давно разорены.

— На бирже такие акции известны как «кошкины слезки»... — добавил Роджер Приам с явным злорадством, — или еще — «чушь собачья».

— Мой первый муж потерял почти все, что имел, на этих бумажках, — сказала Делия бесстрастным тоном. — Он был просто помешан на поисках «выгодного дельца», которое всегда в результате приносило одни убытки. Но до самой его смерти я ничего не знала. Сама не понимаю, для чего хранила этот хлам.

— Чтобы показать своему второму и любимому мужу, Делия, — сказал Роджер, — сразу же после свадьбы, припоминаешь? И помнишь, как я посоветовал тебе оклеить ими детскую Гроува в память о его папочке. Я вернул их тебе и не видел больше.

— Да говорю же вам, они где-то в доме валялись! Где еще им быть?

— Но где конкретно? И как они могли попасть в чужие руки, а? Это последнее предупреждение невероятнее всех предыдущих, вместе взятых. Как вы объясните его, мистер Приам?

— Эту чушь собачью? — засмеялся Роджер. — Оставляю честь объяснять ее вам, мои друзья, ведь это ваши прямые обязанности. Или я ошибаюсь?

Его голос был полон презрения, ему уже удалось убедить себя, что вся серия нелепых происшествий не имеет вовсе никакого значения. Он

притворялся с мастерством опытного актера, который и сам начинает верить в свою игру. Приам всегда отличался склонностью к театральным эффектам, и годы, проведенные взаперти, создали у него ощущение бесконечного спектакля, где он сам всегда играет главную роль.

— О'кей, — беззлобно кивнул Китс. — Пусть будет так.

— Вы так полагаете? — Раздался голос из заднего угла комнаты.

Все обернулись.

Лаурел Хилл стояла в дверях террасы. В зеленом жакете — руки в карманах.

Лицо ее было бледно, ноздри раздувались. Потухшие глаза остановились на Делии Приам.

— Полагаете, больше ничего нельзя поделать?

Лаурел оттолкнулась от косяка двери и сделала несколько неуверенных шагов, словно боясь потерять равновесие. Затем довольно твердо подошла к Делии Приам, все еще не вынимая рук из карманов.

— Лаурел, — начал Гроув.

— Не подходи ко мне, Мак. Делия, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да? — откликнулась та.

— Когда появился этот зеленый бумажник,

это мне кое-что напомнило. Одну вещь, принадлежавшую тебе. Когда ты была в Монтесито, я обыскала твою спальню и нашла эту вещь. Одна из твоих сумочек для безделушек — такая темно-зеленая из кожи аллигатора, сделанная там же, где и бумажник. Поэтому я убеждена, что это все — твоих рук дело, Делия!

— Уберите-ка ее лучше отсюда, — подал вдруг голос Альфред. — Она пьяна.

— Заткнись, Альфред, — с легкой угрозой сказал Роджер.

— Мисс Хилл! — воскликнул Китс.

— Н-н-нет! — засмеялась Лаурел, не сводя глаз с Делии. — Уж я то знаю, что это твоих рук дело! Вот Эллери Куин так не думает. Конечно, куда мне до него! Но эти акции твои, Делия. Это ты хранила их. Только ты знала, где они. Значит, ты одна могла послать их.

— Лаурел, — попробовал вмешаться Эллери, — в ваших рассуждениях нет никакой логики!

— Не смейте подходить ко мне! — взвизгнула Лаурел, выхватывая из правого кармана пистолет.

И направила его тупое дуло прямо в грудь Делии.

Макгоуэн громко охнул.

— Но если ты послала это последнее «предупреждение», — продолжала Лаурел, — значит, и все остальные — тоже ты! Уж не знаю, какое значение придавал им твой извращенный ум! А эти и не думают ничего предпринимать. Все ждут чего-то. Что ж, я давала им время, Делия. Но ты всегда умудришься выкрутиться, если имеешь дело с мужчинами. Своим обычным способом. Но я не вправе тебе это позволить — ведь ты убила моего отца. И я сама отплачу за него, прямо сей…

Эллери быстрым движением схватил ее запястье и выбил пистолет, а Китс поймал его на лету. Гроув со сдавленным возгласом сделал несколько шагов в сторону матери. Делия Приам даже не шелохнулась. Роджер Приам разглядывал столик перед собой. Пуля разбила вдребезги бутылку красного вина в двух дюймах от его ладони.

— Боже мой! — прошептал он. — Она почти попала в меня. В меня!

— Что за дурацкие выходки, мисс Хилл! — воскликнул Китс. — Я могу арестовать вас за покушение на убийство человека.

Лаурел переводила безумный взгляд с пистолета в руках лейтенанта на неподвижную Делию. Эллери почувствовал, как судорожно бьется у

него под рукой пульс Лаурел, словно сердце ее готово было остановиться.

— Сожалею, миссис Приам, — услышал он голос Китса, — я вовремя не сообразил, что у нее есть оружие. Это так на нее не похоже! Я должен вас просить пройти с нами и подписать протокол.

— Не глупите, лейтенант, — ответила Делия.

— То есть?

— Я не имею никаких претензий к этой девушке.

— Но, миссис Приам, она пыталась убить…

— Меня! — заревел Роджер Приам.

— Нет, именно я была ее мишенью, — голос Делии Приам лишился своего роскошного тембра. — Она не права, но я понимаю, как можно решиться на такой поступок, когда теряешь того, кого любишь. Мне бы ее мужество! Гроув, да что ты так таращишь глаза? Я полагаю, у тебя хватит ума не пенять Лаурел за ее поступок и не бросать ее. Ей, видимо, понадобилась не одна неделя, чтобы собраться с духом. И все равно пришлось даже напиться, чтобы обрести решимость. Она славная девушка, Гроув. И ты нужен ей. И я знаю, что ты влюблен в нее.

Лаурел как-то сразу осела, словно кости ее разом утратили твердость. Она тихо вздохнула и

больше не издала ни звука.

— Кажется, — пробормотал Эллери, — эта славная девушка немножко потеряла сознание.

Макгоуэн вышел из оцепенения. Он принял из рук Эллери безжизненное тело Лаурел и, дико озираясь, пошел к двери. Она распахнулась перед ним: там стоял улыбающийся Уоллес.

— Все будет хорошо, — Делия пошла следом. — Я позабочусь о ней.

Они смотрели, как она поднималась вслед за сыном: спина прямая, голова высоко поднята, губы дрожат…

Глава XIV

К вечеру тринадцатого июля были собраны все необходимые сведения.

— Или я круглый болван, — с убитым видом заявил Китс, — или вы — ясновидец. Я до сих пор не могу взять в толк, как вам удалось обо всем догадаться, не имея практически никаких фактов?

Эллери только рассмеялся в ответ.

— Вы когда назначили встречу с Приамом и с остальными?

— В восемь.

— Значит, у нас есть время выпить в честь успешного завершения дела.

Они появились у Приамов, когда часы отбивали восемь. Их встретили Делия, ее отец, Макгоуэн и молчаливая Лаурел. Роджер Приам тоже был там, специально разодетый для такого случая. На нем был зеленый бархатный пиджак свободного покроя и рубашка с накрахмаленными манжетами. Даже борода и волосы были аккуратно расчесаны. Создавалось впечатление, что он приготовился к чему-то очень важному и необыкновенному и намерен встретить это при полном параде,

как принц крови — коронацию. Альфред Уоллес держался в тени, отрешенный и недоступный, со своей обычной, слегка напряженной улыбкой на красивом лице.

— Мы вынуждены отнять у вас немного времени, — начал лейтенант Китс, — но я надеюсь, что скучать вам не придется. Я тут присутствую лишь для соблюдения необходимых формальностей. Командовать парадом будет Куин.

Он отступил назад к стене и занял позицию, удобную для наблюдения за лицами присутствующих.

— Парадом? Каким таким парадом? — в голосе Приама появились нотки прежней воинственности.

— Скорее даже не парадом, а мирной демонстрацией с откровенным обменом мнениями на самом высшем уровне, — уточнил Эллери. Приам широко раскрыл глаза. Он один изо всех присутствующих чувствовал себя более-менее непринужденно, если не считать обычного для него скрытого раздражения. Но в его маленьких глазах вспыхнул интерес.

Приам расхохотался.

— А когда вам взбрело в голову вот так попусту потратить свое время, — о моем времени вы не

подумали? Почему я должен бросать ради вашей болтовни свои дела: я не просил вашей помощи, не прошу и не буду просить. Никакой информации вы от меня не дождетесь.

— А мы собрались здесь для того, чтобы дать, а не получать информацию.

— Неужели? — иронически скривился он.

— Мистер Приам, нам все известно.

— Что — все?

— Ваше настоящее имя, например. И Лендера Хилла тоже. Мы знаем, откуда вы с Хиллом прибыли в Лос-Анджелес в 1927 году и чем вы занимались до этого. Все это нам хорошо известно и еще многое другое. К примеру, мы также знаем имя человека, чья жизнь была тесно связана с вашей до 1927 года, и кто пытается сейчас убить вас.

Бородатый хозяин дома крепко вцепился в ручки своего кресла. Но больше никак не прореагировал на сказанное. Его лицо было непроницаемо. Китс, наблюдавший происходящее со стороны, видел Делию Приам, сидящую прямо и неподвижно, как на театральной премьере. Он видел легкое беспокойство, промелькнувшее в глазах старого Кольера. Всепоглощающее внимание Макгоуэна. Низменную улыбку на губах

Уоллеса. И оживленный румянец, постепенно начавший возвращаться на серые щеки Лаурел.

Эллери продолжал:

— Я даже могу сказать вам, что было в той коробке, которую вы получили тогда же, когда Хилл обнаружил мертвого пса.

Приам не выдержал:

— Вот уж наглое вранье! Я собственноручно сжег эту коробку вместе с содержимым в тот же день, как получил ее. Вот в этом самом камине! А все остальное, что вы намерены нам сообщить, наверно, пустое бахвальство в этом же роде? Впервые слышу такую наглую ложь!

— Я отвечаю за свои слова мистер Приам.

— И вы продолжаете утверждать, что знаете, что было в коробке?

— Я знаю, что в ней было.

— Из миллионов возможных вещей вы в состоянии назвать единственную, так что ли! — Приам криво усмехнулся. — Ценю ваше самообладание, Куин. Вы бы славно играли в покер. Но в этой игре я и сам не промах. Итак — ставки сделаны. Ваш ход — что там было?

Приам поднес стакан виски к губам.

— Там было что-то похожее на мертвого угря.

Произнеси Эллери что-нибудь вроде: «Похоже

на живого единорога» — и то реакция Приама не была бы столь бурной. Он швырнул стакан на столик, так что виски выплеснулось прямо ему на бороду. Пена выступила на трясущихся губах.

Насколько мог заметить Китс, остальные тоже были в замешательстве. Даже Уоллес лишился своей обычной улыбки, хотя тут же поспешил вернуть ее на прежнее место.

— Я почти с самого начала был убежден, — невозмутимо продолжат Эллери. — Что «предупреждения», если пользоваться терминологией записки Хиллу, являются звеньями одной логической цепи. Отдельными, но взаимосвязанными. Так оно и оказалось. Они — результат грандиозного и фантастического замысла, так что лейтенант Китс сейчас более чем когда-либо убежден, что воздух Голливуда способствует зарождению невероятных химер в мозгах его обитателей. Однако каким бы фантастическим ни казался замысел таинственного преступника — он существует в действительности. А мне оставалось только разгадать его. Я разгадал — и вот он уже совсем не кажется таким фантастическим. Наоборот, очень прямолинейным, даже простоватым и имеет очень материальное и логичное объяснение. В данном случае (как и в большинстве других)

главное было — проникнуть в хитросплетения побуждений ума, создавшего этот замысел, тогда план действий, и его цели тут же стали ясны.

По мере появления «предупреждений» я пытался выявить их общий смысловой знаменатель, соединяющий разные значения различных предметов в одно логическое целое. Задача не из легких, если не знаешь заранее, где скрыто это общее. Мистеру Приаму, напротив, было гораздо легче — он с самого начала понимал тайную суть происходящего.

И однажды, когда я бесчисленный раз перебирал в уме «предупреждения», меня осенило, — заявил Эллери и прервался, чтобы раскурить сигарету. В комнате было так тихо, что слышался лишь шорох спичек о коробку и тяжелое дыхание Роджера Приама. — Мне пришло в голову, что в каждом «предупреждении» центральное место отведено какому-нибудь животному.

— Кому?! — воскликнула Лаурел.

— Причем я не принимаю во внимание собаку, посланную Хиллу. Так как она адресована Хиллу, а не вам, мистер Приам, значит, к нашей логической цепочке она не имеет никакого отношения. Однако для нас небезынтересен тот факт, что серия «предупреждений», предназначавшихся

Хиллу и не пошедших далее первого, тоже начинается с животного.

Оставим на время в покое содержание первой полученной вами коробки, мистер Приам, — любезно улыбнулся Эллери, — и посмотрим, как концепция «животного» выводится из тех фактов, которые нам достоверно известны. Ваше второе «предупреждение» — это отравленный несмертельной дозой мышьяка салат. Какое животное является носителем яда? — Тунец!

Третье предупреждение? — лягушки и жабы.

Четвертое, на первый взгляд, слегка выпадает из общего ряда — бумажник. Но бумажник сделан из кожи, а кожа принадлежит аллигатору.

В пятом случае нет никаких сомнений — мы имеем дело с «Птицами», древнегреческой комедией Аристофана.

Теперь шестое, мистер Приам. Куча обесценивающихся бумажек доставила бы мне больше всего затруднений, если бы вы сами неожиданно не пришли мне на помощь. Вы употребили по отношению к акциям разорившихся фирм пару прозвищ, бытующих среди маклеров: «кошкины слезки» и «чушь собачья». И были абсолютно правы. Так оно и есть.

Вот и смотрите сами:.. тунец, лягушки и жа-

бы, аллигатор, птицы, кошки и собаки. Первые три представлены буквально, последние два — иносказательно. И все они — животные. Замечательный акт, не правда ли, мистер Приам?

Приам буркнул в бороду что-то невразумительное.

— Однако одной догадки, что каждое «предупреждение» скрывает, подобно шараде, каких-нибудь животных, еще явно недостаточно. Я чувствовал, что смысл лежит где-то гораздо глубже, — Эллери швырнул сигарету в камин, — и до него необходимо было докопаться.

А как мне удалось докопаться — это долгая история.

Дело в том, что истину или видишь, или нет. Но она всегда здесь, перед глазами. Так и в этом случае, надо было только суметь правильно взглянуть на нее. Вся соль в том, что великие мистификации — а наш случай именно таков — предпочитают рядиться как бы в мантию-невидимку. Кстати, хотелось бы обратить ваше внимание на слово «великие», Я не случайно применил его употребительно к вашему случаю. Думаю, что его описание займет достойное место в архивах достижений преступной мысли.

— Ради всего святого! — не вытерпел Гроув

Макгоуэн. — Нельзя ли выражаться попонятнее?

— Мак, — сказал Эллери. — Что такое лягушки и жабы?

— Да, что это за животные?

Макгоуэн бестолково заморгал.

— Земноводные, — сказал старый мистер Кольвер.

— Благодарю вас, мистер Кольвер. А что такое аллигатор?

— Аллигатор — это пресмыкающееся.

— Бумажник сделан из пресмыкающегося. Ну, а к какому разряду животных относятся кошки и собаки?

— К млекопитающим, — ответил отец Делии.

— Теперь давайте упорядочим наши данные, пока исключая первую коробку, о которой может судить только один мистер Приам.

Второе «предупреждение» — рыбы. Третье — земноводные. Четвертое — пресмыкающиеся. Пятое — птицы. Шестое — млекопитающие.

И вот тут-то хорошо известные ранее факты предстают в новом виде. Казалось бы, несвязанные между собой нелепые на первый взгляд шесть «предупреждений» на самом деле имеют в своей основе строгую научную закономерность.

Остается окончательно решить, что это за на-

учная закономерность, где классы животных идут именно в таком порядке: то есть рыбы — вторыми, земноводные — третьими, пресмыкающиеся — четвертыми, птицы — пятыми, а млекопитающие — последними? Точно так, как они появились в нашем случае.

Любой студент-естественник без особых затруднений ответит на подобный вопрос.

Эта закономерность — последовательность этапов эволюции.

Пока Эллери произносил последние фразы, Роджер Приам все больше и больше прищуривал глаза, как будто перед ним постепенно разгорался нестерпимый свет.

— Теперь вы ясно можете сами заметить, мистер Приам, — с улыбкой обратился к нему Эллери, — что мои слова — не пустое вранье, не наглая ложь, как вы изволили ранее выразиться. Раз второе предупреждение — рыба — представляет вторую ступень эволюции позвоночных животных, а третье — земноводные — третью ступень и так далее, то отсюда ясно вытекает, что первое предупреждение должно представлять собой первую ступень. Насколько мне известно, по Дарвину таким первым таксомом является класс

круглоротых.[10] Минога, например, они очень похожи на угрей, но угорь — это уже полноценная рыба, и стоит на ступеньку выше. Поэтому я твердо уверен, мистер Приам, что, когда вы открыли первую коробку, вы нашли там нечто, по внешнему виду напоминающее мертвого угря. Все остальное исключается.

— Я и подумал, что это дохлый угорь, — с трудом ворочая языком, произнес Приам.

— А было вам известно, что означает эта тварь, похожая на мертвого угря, мистер Приам?

— Нет, не было.

— И в первой коробке не было никакой записки, дававшей ключ к пониманию смысла «подарка?

— Н-нет…

— Но не мог же кто-то рассчитывать на то, что вы сразу же уловите смысл первого предупреждения без всяких подсказок, — нахмурился Эллери. — Чтобы разобраться, что перед вами, надо ведь обладать хотя бы минимальным образованием, которого — увы! — у вас нет. И преступнику ваше невежество было хорошо известно: ведь, судя по всему, он вообще прекрасно с вами знаком.

---

[10] СНОСКИ: 10

Класс круглоротые (надкласс — бесчелюстные) — самые примитивные из ныне существующих позвоночных животных, (прим. ред.)

— Вы что же полагаете — он посылал все эти «предупреждения», не заботясь, будут они поняты или нет?! — вскричала Лаурел.

Этот же вопрос застыл в глазах лейтенанта Китса.

— Похоже на то, — медленно произнес Эллери, — что он действительно предпочел бы, чтобы они не были поняты. Ему важно было нагнать страх. Страх — и больше ничего. — И он беспокойно огляделся.

— Я действительно ни разу не понял, что они означают… — пробормотал Роджер Приам. — И совсем не потому, что я знал это, я так упорно…

— Было бы удивительно, если бы вы знали, мистер Приам! — Эллери подавил свое беспокойство и опять смотрел только на Приама. — Ум, способный породить или постигнуть подобный ряд символических «предупреждений», должен быть достаточно незауряден. Неважно, из каких соображений действовал наш неизвестный — внушить страх, наказать или подвергнуть жертву медленной психической пытке, но он явно способен логически мыслить в научных категориях и создавать цепи сложных ассоциаций. Возникает вопрос: почему он избрал в качестве основы для «предупреждений» эволюционную

лестницу Дарвина? Как эта идея пришла ему в голову? Деятельность нашего сознания зависит от природных способностей, образования и жизненного опыта. Чтобы построить свою систему запугивания на принципе теории эволюции и затем провести ее в жизнь с такой ловкостью и методичностью, тайный враг Лендера Хилла и Роджера Приама должен быть человеком науки — биологом, зоологом, антропологом… или натуралистом-любителем.

Когда вам на ум приходит эволюционная теория, — продолжал дальше рассуждать Эллери, — то сразу же следом — Чарльз Дарвин, ее автор. Именно он сто лет назад проводил исследования в этой области, именно он прочел знаменитую лекцию «Теория эволюции» перед Линнеевским Обществом в 1858 году, а год спустя опубликовал ее расширенный вариант в виде отдельной книги, названной «Происхождение видов». И эта книга открыла новый этап в науке

о развитии человечества.[11]

Так в нашей схеме появляется натуралист и следом Дарвин — один из крупнейших натуралистов своего времени. Отсюда уже всего один шаг до воспоминаний о его знаменитом — одном из самых знаменитых плаваний на одном из самых известных в истории науки кораблей. Дарвин принял участие в научной экспедиции, после которой сформулировал свою теорию происхождения видов путем естественного отбора. И вот это последнее воспоминание приводит нас к поистине потрясающим результатам… — Эллери оперся руками о спинку стула и напряженно подался вперед.

— Дело в том, что корабль, на котором Чарльз Дарвин отплыл из Англии, из порта Плимут, в 1831 году в свое историческое плавание, называл-

---

[11] СНОСКИ: 11

Труд, известный под названием «Происхождение видов», был начат Ч. Дарвином в 1842 г. (через 6 лет после завершения путешествия на корабле «Бигль») и издан в 1859 г. под названием «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». В 1858 г. Линнеевскому Обществу в Лондоне была представлена одна из глав этого обширного труда. В своей работе Ч. Дарвин доказывал факт эволюции и механизм, объясняющий приспособление организмов — изменчивость и естественный отбор. Происхождению человека посвящен другой труд Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.) (Прим. ред.)

ся… С. Е. В. «Бигль»[12]

— «Бигль» — вытаращила глаза Лаурел. — Тот самый мертвый пес.

— Отсюда может следовать несколько выводов, — кивнул Эллери. — Посылая Хиллу собаку — Бигля, отправитель тем самым снабдил его ключом к разгадке «предупреждений», которые должны были затем последовать: Бигль, корабль Дарвина, Дарвин, эволюция. Но такая цепочка кажется мало вероятной. Ведь скорее всего ни Хилл, ни Приам понятия не имели, на каком корабле путешествовал Дарвин сто лет назад, да и о самом Дарвине вряд ли помнили, или задумавший все это просто забавлялся своей эрудицией ради собственного удовольствия? Но это еще невероятнее. Человек с таким явно научным складом ума вряд ли станет попусту тратить время на красивые жесты.

Было всего несколько возможных объяснений, но чем больше я размышлял, тем вернее приходил к убеждению, что мертвый бигль был призван обозначить что-то относящееся к общему прошлому Хилла, Приама и их противника. Но что? Что могло напрямую связывать натура-

---

[12] СНОСКИ: 12

С. Е. В. — «на службе Ее Величества» — знак принадлежности к вооруженным силам Великобритании.

листа, двух необразованных мужчин, слово или понятие «бигль» и какое-то происшествие из их общего прошлого?

Ответ не заставил себя ждать. Настолько полный ответ, что он увязывал все в одно целое самым простым и верным способом. Стоит только предположить, что двадцать пять лет назад какой-то натуралист решил отправиться в научную экспедицию с Хиллом и Приамом. Сегодня они воспользовались бы самолетом; четверть века назад они снарядили корабль. И представьте себе, что этот натуралист, испытывая благоговение перед своим великим предшественником и одновременно ломая голову над названием их корабля, или испытывая необходимость в его переименовании, например…

В общем, я попросил лейтенанта Китса, — оборвал свой пространный рассказ Эллери, — чтобы он поискал в архивах сведения о корабле малой тоннажности, который был куплен, построен или нанят для научных целей и который был назван или переименован в «Бигль» и отбыл скорее всего из американского порта в 1925 году или что-то около этого.

И лейтенант Китс при помощи многочисленных полицейских служб всех прибрежных

городов успешно достиг цели своих изысканий. Мистер Приам, стоит ли мне продолжать?

Эллери прервался, чтобы закурить новую сигарету.

И опять в комнате слышен был только шорох спичек и тяжелое дыхание Приама.

— Ну что ж, лейтенант, придется нам перевести молчание мистера Приама на обыкновенный английский язык, — вздохнул Эллери, гася спичку. — Пора кончать с этим.

Китс вытащил из кармана листок бумаги и выступил вперед.

— Имя интересующего нас человека, — начал он торжественно, — Чарльз Льюэл Адам. Родом из очень зажиточной вермонтской семьи. Он был единственным ребенком, поэтому после смерти родителей унаследовал все их состояние. Но Адама мало интересовало богатство. Так же, впрочем, как и женщины, спиртное или веселые компании. Образование он получил за границей, никогда не был женат и вполне довольствовался своим собственным обществом.

Он представлял собой истинного джентльмена, образованного человека и ученого-любителя. Природа составляла всю сферу его интересов. Он посвящал ее изучению все свое время. Ему

никогда не приходилось для своих занятий обращаться за поддержкой музеев, университетов или других научных организаций, потому что его состояние позволяло ему ни от кого не зависеть и заниматься тем, чем ему хочется. А хотелось ему в основном колесить по свету, исследуя флору и фауну наиболее труднодоступных и удаленных от человека мест.

— Его точный возраст, — Китс заглянул в свою бумажку, — неизвестен. Все официальные архивы сгорели во время пожара 1910 года, а церковных записей не имеется, по крайней мере мы не смогли их обнаружить. Попытка установить его возраст путем опроса коренных обитателей Вермонта дала весьма противоречивые сведения, а родственников нам разыскать не удалось. Ничего не дали также поиски в списках призывников первой мировой: он не числился ни среди призванных в армию, ни среди запаса. Может быть, по какой-либо причине был освобожден от воинской службы, но об этом нам тоже ничего не удалось выяснить. Единственное, что можно утверждать наверняка, что в 1925 году, когда он снаряжал экспедицию, ему было от двадцати семи до тридцати девяти лет.

Для этой экспедиции Адам построил специ-

альный корабль небольшого водоизмещения с запасным двигателем и научным оборудованием его собственного изобретения. Теперь уже невозможно сказать наверняка, какова была тема и цель его научных изысканий. Но летом двадцать пятого года корабль Адама под названием «Бигль» покинул гавань Бостона и отправился вдоль побережья.

На Кубе они встали на починку. Это задержало их довольно надолго. И это последние сведения о них. Больше никто не видел и ничего не слышал ни о судне, ни о Чарльзе Льюэле Адаме, ни о команде его корабля. Из-за задержки на Кубе они не успели миновать ураган и после ряда безуспешных поисков морское ведомство сочло, что «Бигль» пошел ко дну вместе со всей командой и грузом.

Теперь о команде — перевел дух Китс. — Она состояла из двух человек, сорокалетние морские волки с большим опытом дальних плаваний за плечами, как и сам Адам. Нам известны их имена — их настоящие имена — но мы предпочтем величать их так, как они назвались в 1927 году: Лендер Хилл и Роджер Приам.

Китс бросил имена прямо в лицо бородатому хозяину дома, так будто это был теннисный мяч

в крутой подаче. И все присутствующие, словно зрители на турнире, одновременно повернули головы в сторону Приама. Приам же судорожно вцепился в ручки кресла и так закусил губы, что выступила капелька крови. Он слизнул ее… Выкатилась другая и запуталась в бороде. Он с вызовом встретил направленные на него взгляды.

— Что ж, — прохрипел он, — значит, вы докопались-таки. Ну и что из этого следует?

У него был такой вид, как будто он оказался на рее и пытается забрать паруса, готовый сразиться с надвигающимся ураганом.

— Остальное, — сказал Эллери, твердо глядя Приаму в глаза, — зависит от вас.

— А вы в этом так уверены? — с тем же выражением ответил тот.

— Либо вы сейчас объясните остальное, либо мы постараемся сами расставить все на свои места.

— Что ж, сделайте одолжение, мистер! — нагло ухмыльнулся Приам.

— А вы сами по-прежнему отказываетесь говорить?

— Болтовня — ваше дело.

— Ну что ж, осталось рассказать немногое, вы и сами это знаете, мистер Приам, — кивнул Эллери

с таким видом, как будто иной реакции он и не ожидал. — Зато осталось самое существенное. Прошло двадцать пять лет — и вот вы в Калифорнии. Так же, как и Лендер Хилл. Судя по тексту записки, прикрепленной к ошейнику бигля, Чарльз Льюэл Адам двадцать пять лет назад был оставлен на верную гибель, то есть при таких обстоятельствах, которые он сам в записке охарактеризовал словом «умирание». И он умер бы, если… если бы не выжил и не был сейчас здесь.

Наверное, вы с Хиллом затопили «Бигль» где-нибудь в пустынных водах, а, Приам? Скрутили Адама, оставили его умирать с голоду, а сами сбежали на шлюпке? Хорошо известно, что жители островов покрывают в утлых суденышках расстояния в шестьсот миль, а вы оба были достаточно искусными мореходами, поэтому Адам и нанял вас в свою экспедицию.

Однако ни за что ни про что моряк не пойдет на убийство и не потопит прекрасный корабль. Значит, были веские причины, мистер Приам? Если бы случился конфликт… или бунт… или кораблекрушение в результате небрежности или ошибки… или любой обычный повод, то вам с Хиллом легко было бы добраться до ближайшего порта и объяснить там исчезновение Адама и его

корабля без ущерба для себя. Но ни вы, ни Хилл не сделали этого. Вы предпочли «исчезнуть» вместе с Адамом — чтобы все считали вас погибшими вместе. Вы приложили массу усилий, мистер Приам, чтобы надежно похоронить свой прежний облик. Пару лет вы скрывались, улаживая все дела, готовя новые имена, чтобы воскреснуть под новыми личинами. Зачем? Вам было, что таить! Что-то такое, что не могло быть скрыто, появись вы в прежнем качестве, как товарищи Адама по плаванию.

Логика элементарная, мистер Приам. Может быть, теперь вы сами расскажете, что случилось?

Ни один мускул на лице Приама не дрогнул, не шевельнулся ни один волосок в его бороде.

— Тогда придется продолжить мне. В 1972 году вы с Хиллом объявились в Лос-Анджелесе и открыли фирму по торговле драгоценностями. Что вы тогда могли смыслить в драгоценностях? Мы изучили ваши судьбы до мельчайших подробностей, с самого рождения до момента, когда вы поставили свои подписи под контрактом на первое и последнее плавание «Бигля». Вы оба скитались по морям еще мальчишками, ничто в вашей жизни не могло дать вам и малейших на-

выков в крупных торговых операциях, тем более с драгоценностями. К тому же вы были бедны, как все моряки. И вот вдруг через два года вы разворачиваете широкую торговлю драгоценными камнями! И не ради ли этого вы скрываете свою личность? Потому что в ином случае власти могли заинтересоваться, откуда это вдруг у бедных моряков такая куча денег? И драгоценности? Но именно на этот вопрос вы оба менее всего хотели бы отвечать.

Отсюда легко сделать вывод, мистер Приам, что «Бигль» вовсе не затонул во время урагана, — усмехнулся Эллери. — Он преспокойно достиг цели своего плавания, возможно — необитаемого острова с богатой флорой и фауной. Мечта любого натуралиста! Адам, видимо, наткнулся на нечто, весьма далекое от предмета его научных интересов. Может быть, мистер Приам, это был клад, спрятанный одной из пиратских шаек, наводнявших в былые времена эти широты? Тех, чьи потомки преспокойно проживают сейчас на Багамских островах, к примеру… Какой-нибудь старинный клад, полный драгоценных камней. Тогда вы с Хиллом — пара бедных мореходов — напали на Адама, угнали «Бигль» в открытое море, затопили его, а сами сбежали в одной из

спасательных шлюпок.

И вот у вас в руках оказалась драгоценная пиратская добыча. Оставалось решить, каким образом ею воспользоваться. История вышла воистину фантастическая: невероятная находка, невероятный факт обладания таким богатством, и самое невероятное — что им нельзя прямо воспользоваться! Но тут одному из вас пришла в голову блестящая и совсем не фантастическая идея: просто-напросто сделать вид, что вы оба погибли, возникнуть под новыми именами и заняться ювелирной торговлей!

Вы с Хиллом так и поступили. Два года вы изучали ювелирное и торговое дело. Где? Нам выяснить точно не удалось. Когда вы решили, что подкованы достаточно, то открыли магазин в Лос-Анджелесе… а начальный капитал составили драгоценные камни, найденные Адамом на острове, ради единоличного владения которыми вы и убили его. Чтобы распоряжаться ими без помех. Открыто, законным путем. И в результате надежно разбогатеть.

Борода Приама свесилась на грудь. Глаза были плотно закрыты, словно он спал или собирался с силами.

— Но Адам не умер, — вкрадчиво продолжал

Эллери. — Вы с Хиллом просчитались. Он спасся. Только он знает, как ему удалось выжить, за счет чего он существовал, как вернулся в цивилизованный мир, где и каким образом жил все это время. По его собственному признанию в записке, он посвятил остаток своей жизни поискам вас обоих. Он искал более двадцати лет двух моряков, обрекших его на смерть — двух своих убийц, мистер Приам. Адам не жаждал богатства и удачи, ведь он уже все это имел, хотя никогда не стремился к этому. Он хотел одного — отомстить.

Тут голос Эллери потерял всю свою вкрадчивость.

— Хилл помешал его планам. Шок от известия, что Адам жив, здоров и где-то рядом, был слишком силен для слабого сердца. Хилл вообще, видимо, сильно отличался от вас, мистер Приам. Каким бы он ни был на море, в обычной жизни с течением времени он превратился в нормального цивилизованного человека. Но скорее всего он и раньше не отличался особой жестокостью. А вот вы всегда были грубым авантюристом по натуре, не так ли? Может быть, он согласился на задуманное вами преступление против своей воли, завороженный блеском будущего благополучия, которое вы ему посулили. Он был необходим вам,

чтобы добраться до берега и выжить. Вы вообще не могли обойтись без его врожденного интеллекта, далеко превосходящего ваш собственный. Во всяком случае, Хилл постарался стать тем, кем он и стал… И кто вызвал в такой славной девушке, как Лаурел, безграничную любовь и уважение… и ради чьей памяти она готова была пойти даже на убийство.

Хилл был человеком с очень впечатлительной душой, мистер Приам. Я считаю, что он умер так быстро не только от сознания того, что Адам жив, но и от ужаса, что Лаурел обо всем узнает.

Вы же скроены из более грубого материала, мистер Приам. И вы не обманули ожиданий Адама, даже напротив. Приводить в исполнение свой план относительно вас было для него сущим удовольствием. В душе он остался ученым: он действовал методично и бесстрастно, как будто вспарывал давно остывший труп. Он с невероятным мастерством действовал за вашей спиной, мистер Приам. Я полагаю, что вы до конца не понимаете, как ловко обвел он вас вокруг пальца. Или понимаете?

Приам вскинул голову и заговорил так, будто он не слушал предыдущей речи:

— Кто он? Как он теперь называет себя? Вы

знаете?

— Ах вот что вас интересует? — усмехнулся Эллери. — Увы, мистер Приам, мы не знаем. Нам известно только, что сейчас ему что-то около пятидесяти двух — шестидесяти четырех лет. И вы сами не узнали бы его: его внешность коренным образом изменилась за эти годы, он мог сделать пластическую операцию. Но даже если бы он и выглядел в точности, как двадцать пять лет назад, ни вам, ни нам от этого нет никакого проку. Ведь ему нет нужды действовать лично, понимаете. Достаточно посредника.

Приам в ответ только прищурился. Эллери продолжал:

— Мистер Приам, вы не пользуетесь особой любовью окружающих, и даже среди близких вам людей многие не отказались бы от возможности отравить вам существование. Поэтому если вы считаете, что, защитившись от мужчины определенных лет и наружности, вы в безопасности — то глубоко заблуждаетесь. Добровольный помощник Адама, старающийся не за страх, а за совесть, может быть любого пола, любого возраста… и находиться здесь, в ваших владениях, мистер Приам.

Приам сидел неподвижно. Не то чтобы в страхе,

а скорее в отчаянном напряжении, готовый в любую секунду оказать сопротивление, словно залезший на дерево кот.

— Что за гадкие намеки вы себе позволяете… — сказал возмущенный Гроув.

— Заткнись, Мак, — тихо сказал Китс, но с такой интонацией, что юный гигант мгновенно замолчал и больше не произнес ни слова.

— Я хотел бы отметить незаурядное чувство юмора Адама, — продолжал Эллери. — Интересно, а поняли ли вы, мистер Приам, в чем смысл его шуток?

— В чем? — буркнул Приам.

— В том, что у всех «предупреждений» не одно общее: значение, а два. В каждом участвует не просто животное, а — мертвое животное.

Приам дернулся.

— В первом была мертвая минога. Во втором — мертвая рыба. Третье составили мертвые жабы и лягушки. Следующее — мертвый аллигатор. Далее — «Птицы» — тут уже пошел символизм, ведь некто изуродовал и уничтожил книгу… то есть применил единственный способ, которым ее можно сделать «мертвой». И таким же отвлеченным образом последние «предупреждения» — акции, прозванные на бирже «кошкины

слезки», — имеет отношение к смерти. Ведь что может быть более «мертвым», чем имущество фирм, давно разорившихся? Большой юморист этот Адам!

Вот так ступенька за ступенькой вверх по эволюционной лестнице. От миног до высшего класса — млекопитающих. И на каждой ступеньке — мертвый представитель. Реальный или символический.

Но дело в том, мистер Приам, что Адам еще не дошел до конца, — Эллери напряженно подался вперед. У Дарвина была еще одна, последняя ступенька. И на нее Адам еще должен вступить. Я имею в виду ... самого «царя природы». Отсюда неизбежно следует, что нас ожидает еще один сюрприз. И, исходя из открытой ранее закономерности, он должен быть представлен также мертвым объектом. Значит, Чарльз Льюэл Адам намерен раздобыть... мертвого человека, мистер Приам. И его эволюционная затея потеряет всю соль, если этим мертвым человеком не окажется сам Роджер Приам!

Приам остался сидеть абсолютно неподвижно.

— Вот мы и подошли к концу, — резко нарушил молчание лейтенант Китс. — Остался сущий пустяк. Вам угрожает смерть, Приам, и она может

настигнуть вас в любой момент — завтра, сегодня вечером или даже через час. Мне приказано сохранить вас живым, Приам, и Адама я также очень хотел бы заполучить живым, ибо с точки зрения закона это гораздо предпочтительнее. Будьте спокойны — с вас не спустят глаз ни днем, ни ночью. В комнате будет постоянно дежурить наш человек. И на террасе еще один. Парочку посадим в холле…

Роджер Приам набрал в грудь побольше воздуха. Затем раскрыл рот и издал такой рев, что в буфете зазвенел хрусталь:

— Стеречь как преступника?! Меня?! С какой стати?! — Он ткнул похожим на волосатую сардельку пальцем в сторону Китса. — Я отрицаю все! Вы не можете ничего доказать! Я не прошу ни помощи, ни защиты! Что вы лезете ко мне?

— А чего вы так испугались? — презрительно усмехнулся лейтенант. — Может быть, того, что нам действительно удастся добраться до Адама, живого и невредимого?

— Я всегда, слава Богу, сам умел постоять за себя! И на этот раз сам управлюсь! — продолжал реветь Приам.

— Не сходя с кресла?

— Не сходя с кресла! А теперь убирайтесь-ка

отсюда поживее, вы... и чтоб я вас больше не видел!

ГЛАВА XV

И он их больше не видел. Постороннему могло показаться, что дело сделано и Приам их больше не занимает. Днем лейтенант Китс с головой уходил в свои обычные обязанности, а Эллери по-прежнему просиживал перед чистым листом бумаги, вставленным в пишущую машинку. Ночью же он или устраивал сам себе поздний обед, или лежал, уставясь в темноту, или подолгу курил у телефона. Он редко выходил из дома. А ночью вообще ни разу. Количество потребляемых им сигарет, трубочного табака и алкоголя давали миссис Вильямс массу тем для ее нескончаемых монологов, плавна переходивших от пророчеств о конце света до ужасов внезапного прободения язвы у Эллери.

Время от времени Лаурел, Гроув Макгоуэн, Альфред Уоллес, Кольер — даже Делия Приам! — звонили или заходили, порою без приглашения. Но каждый раз собеседник вешал трубку или уходил с тем же чувством беспокойства и недоумения, с каким начинал разговор. И неизвестно, кто кого больше расстраивал и озадачивал.

После таких бесед Эллери закуривал новую сигарету, или набивал трубку, или наливал очередную чашку крепкого кофе или стакан виски с содовой, что вызывало новый взрыв причитаний в кухне.

В одну из сырых ночей в конце июля, сразу после полуночи раздался звонок, которого так долго ждал Эллери.

Он выслушал сообщение, что-то ответил, нажал на рычаг и тут же набрал номер Китса.

Лейтенант ответил после первого звонка.

— Куин?

— Да. Срочно туда.

Эллери, не дожидаясь ответа, бросил трубку и побежал к машине. В течение последней недели он оставлял кайзер прямо у порога.

Подъехав к почтовому ящику Приама, он оставил машину рядом с уже стоящим там автомобилем Китса. Эллери медленно прошел вдоль газона вокруг дома. Он не стал зажигать фонарика. Около террасы чья-то ладонь сжала его локоть.

— Быстро, — раздался у самого его уха шепот Китса.

Дом был погружен во тьму, но из комнаты Приама на темную террасу проникал слабый свет.

Двери на террасу были распахнуты.

Оба опустились на колени, пытаясь заглянуть в щели жалюзи.

Кресло Приама было разложено в кровать. Сам он лежал неподвижно на спине, с бородой, устремленной в потолок.

В течение нескольких минут царило полное спокойствие.

Затем раздался слабый металлический звук.

Свет ночника падал прямо на дверь, ведущую в холл. Ручка была хорошо видна обоим: она двигалась. Когда она повернулась до отказа, дверь начала открываться. Заскрипела. Остановилась.

Приам не шевелился.

Дверь рывком распахнулась. Но теперь ночник оказался закрытым дверью и комната погрузилась в темноту. Все, что они могли рассмотреть со стороны террасы, — это бесформенное черное пятно в глубине комнаты, еще более темное, чем сумрак. Черный силуэт медленно приближался к креслу Роджера Приама, выставив впереди себя нечто напоминавшее короткое щупальце. Когда это нечто попало в узкую полосу света, оставшуюся от ночника, они увидели револьвер.

Около кресла Приама черное пятно прекратило свое движение.

Револьвер слегка приподнялся. Китс рванулся. Это было скорее непроизвольное сокращение мускулов, чем настоящее движение. Но пальцы Эллери крепко вцепились в локоть лейтенанта и он замер на месте.

И тут вся комната словно взорвалась с оглушительным грохотом и пришла в движение.

Молниеносным броском рука Приама вскинулась над кроватью и сомкнулась, как челюсти хищного крокодила, на запястье вытянутой руки с револьвером. Парализованный калека с нечеловеческим ревом напрягся и слегка приподнял свое тело из лежачего положения. Это была безмолвная и почти невидимая схватка, как если бы два морских чудовища сошлись в поединке на дне океана.

Затем раздался приглушенный выстрел, послышался звук тяжело рухнувшего тела и все стихло.

Когда Эллери нажал на выключатель в стене, Китс уже стоял на коленях возле лежащей на полу фигуры. Человек свернулся калачиком, словно отдыхал на диване, только одна рука неловко подвернулась, а другая была беспомощно откинута в сторону, и рядом с ней валялся револьвер.

— Прямо в грудь, — прошептал Китс.

Роджер Приам с изумлением уставился на двух нежданных гостей.

— Это Адам, — хрипло сказал он. — А вы оба откуда взялись? Он пришел убить меня. Это Адам. Я же говорил, что сам с ним управлюсь! — Он оскалил зубы в усмешке, но тут же его начала бить мелкая дрожь, он скосил глаза в сторону скрючившейся на полу фигуры и провел дрожащей рукой по глазам. — Кто это? Покажите мне его лицо!

— Это Альфред.

— Альфред?! — Борода его поникла на грудь.

Китс поднялся с колен, подошел к креслу Приама и вынул один из телефонов из особого крепления. Затем набрал номер.

— Альфред — это Адам?! — В голосе Приама звучало изумление и растерянность. Он испуганно дернулся, но это всего лишь Эллери сдернул с него верхнее одеяло и прикрыл им лежащую фигуру.

— Он совсем… — Язык на секунду отказался повиноваться Приаму. Затем он собрался слухом и закончил: — Он мертв?

— Управление? — раздался голос Китса. — Это Китс из Голливуда, здесь убийство. Да, дело Хилла и Приама. Роджер Приам только что застрелил Альфреда Уоллеса, своего секретаря и компа-

ньона… насмерть… Да-да. Прямо в сердце. Я сам видел в окно…

— Насмерть, — повторил Приам. — Насмерть. Он мертв!.. Но ведь это была самозащита. Вы сами видели — если вообще что-либо видели… Он тайком пробрался сюда. Я слышал. И притворился спящим. Да, я всегда был начеку! — Его голос дрогнул. — Неужели вы не видели, как он целился в меня? Я схватил его за руку и отвернул дуло в сторону! Это была самозащита…

— Все мы видели… — спокойно произнес Эллери.

— Вот и славно! Вы все видели. Он мертв. Ну и черт с ним! Уоллес… пытался убить меня, надо же! Слава Богу, что все разрешилось. Наконец-то.

— Да, — между тем говорил Китс в телефонную трубку. — Когда?.. Хорошо, не к спеху. — Он нажал на рычаг.

— Вы слышали, что сказал мистер Куин? — как заведенный бубнил Приам — Он все видел, лейтенант…

— Я знаю, — Китс подошел к одеялу на полу и приподнял за один угол. Затем опустил, вытащил сигарету и закурил. — Надо подождать. — Он глубоко затянулся.

— Да-да, конечно, лейтенант! — Приам нажал

какую-то кнопку, задняя часть его ложа поднялась вертикально, а передняя опустилась, образуя кресло. Он пошарил в одном из многочисленных ящиков сбоку. — Выпить не желаете? — предложил он. — Составьте мне компанию. В честь благополучного завершения! — Он грубо заржал — Честно говоря, даже я слегка струхнул!

Эллери бродил по комнате, пощипывая кончик уха и потирая затылок. Между его бровями залегли глубокие складки.

Китс молча курил и наблюдал за ним.

— Надо отдать ему должное, — бубнил Приам, дрожащими руками управляясь с бутылкой и стаканом. — Альфред Уоллес… Надо же, и профиль совсем другой. Я и не узнал его. Чисто, чисто сработано! Комар носа не подточит. Все время вел двойную игру, да небось посмеивался в кулак! Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Не так ли? — Он с торжествующей улыбкой приподнял полный стакан виски, но глаза его все еще горели дикой злобой. Он разом опрокинул содержимое себе в глотку. Когда Роджер ставил стакан на место, руки его больше не тряслись.

— И вот где он, а где — я. Так в чью же пользу игра? — Голова его свесилась на грудь, и он погрузился в молчание.

— Мистер Приам, — позвал Эллери.

Тот не отвечал.

— Мистер Приам?!

— А? — Приам вскинул голову.

— Меня беспокоит один момент. Игра окончена, так, может, теперь вы раскроете перед нами карты?

Приам внимательно взглянул на него. Затем с нарочитой медлительностью снова наполнил свой стакан.

— Что ж, мистер Куин, это зависит от вас, — ответил он. — Если вы рассчитываете, что я намерен подтвердить ту брехню, что наслушался от вас, а какой-нибудь ваш писарь у меня на террасе втихаря состряпает протокольчик, то напрасно стараетесь. А если серьезно, то да, были у нас разборки с Адамом. Уж не знаю с чего, люди добрые, но этот парень явно спятил. Во время плавания. Совсем с ума сошел.

Он начал гоняться за мной и моим напарником по палубе «Бигля» с мачете[13] в руках. Мы как раз стали на якорь у какого-то поганого островка, поэтому мы оба спрыгнули за борт, вплавь добрались до берега и спрятались в лесу. Ночью

---

[13] СНОСКИ: 13

Мачете — широкий нож для рубки тростника

налетел ураган и унес «Бигль» в открытое море. Больше мы ни корабля, ни Адама не видели. А я с напарником нашел сокровища, сделал плот и увез их на нем.

Мы поменяли имена на Хилла и Приама и скрывались два года для того, чтобы вдруг объявившийся каким-нибудь чудом Адам не смог предъявить никаких прав на треть добычи — ведь именно он снарядил корабль и сделал заявку на использование этого острова. К тому же он спятил и, если даже на деньги ему было плевать, у него все еще могло остаться желание нас убить. Вот и все, дорогие друзья. И никаких таинственных преступлений на необитаемых островах! — Он усмехнулся и проглотил второй стакан. — Это мое последнее слово.

Китс разглядывал его с долей восхищения.

— Лихо закручено, ничего не скажешь! Но если это ваше последнее слово, то нам еще есть что сказать.

— А чего же вам еще, мистер Куин? — сделал широкий жест рукой Приам. — Вы задавали вопросы, и получили ответ. Что еще за проблемы?

— А записка Адама, посланная Лендеру Хиллу? — сказал Эллери.

— Записка? — поднял брови Приам. — Да какие

еще к черту могут быть проблемы с этой проклятой запиской?

Эллери вытащил из нагрудного кармана сложенный листок.

— Вот копия с записки, сделанная Хиллом, — сказал он. — Полагаю, что всем нам будет полезно освежить в памяти ее содержание, так что зачитаю вслух.

— Валяйте! — махнул рукой Приам, но глаза его округлились от неожиданности.

— «Вы полагали — я умер», — читал Эллери. — «Исчез с лица земли. Вы убили меня».

— Ну, что я говорил? — воскликнул Приам. — Бред сумасшедшего!

— «Вы убили меня», — повторил Китс. — Он что, ураган в виду имеет, мистер Приам? — лейтенант улыбался.

— Вот на этом-то он и помешался! Я помню как, он гонялся за нами по палубе, размахивая мачете над головой и вопил, что мы хотим прикончить его. Хотя все время сам пытался зарезать нас. Поспрашивайте у ваших психиатров. Они подтвердят — мания. — Приам, довольный, откинулся на спинку кресла. Надеюсь, это все, что беспокоило вас, мистер Куин.

— Что-что? Ах да! Нет, не все, мистер Приам.

Эллери снова пробежал глазами текст. — Меня еще беспокоит стиль.

— Что-о?!

— Манера, в которой написана записка. Подбор слов.

Приам выглядел слегка обескураженным.

— А в чем, собственно, дело?

— Дело-то весьма странное, мистер Приам! Я готов поклясться, что впервые в жизни встречаю такой необыкновенный набор слов. Сколько всего их в записке, мистер Приам?

— Откуда мне-то знать?!

— Девяносто девять, мистер Приам.

Приам бросил взгляд в сторону Китса. Но тот курил с видом человека, слишком долго отказывавшего себе в таком удовольствии, а лицо Эллери выражало лишь строгую сосредоточенность. Приам пожал плечами.

— Ну девяносто девять. Не пойму. Какая разница?

— Эти девяносто девять слов, мистер Приам, состоят из трехсот девяносто семи букв английского алфавита.

— Ну и что из этого? — В хриплом голосе Приама появились вызывающие нотки. — Что вы этим хотите сказать? Что вы умеете считать?

— Я хочу сказать, и доказать, мистер Приам, что в этой записке не все в порядке, — сказал Эллери. — В моем деле слова — один из основных инструментов. Я не только сам пишу много слов, но еще больше читаю, иногда с завистью — слова, написанные другими. Поэтому я обладаю достаточным опытом, чтобы прийти к следующему выводу: впервые в жизни моим глазам предстает английский текст, неважно какого качества, но состоящий из целых девяносто девяти слов, включающих в себя почти четыре сотни букв, среди которых ни разу не встречается буква «Т»!

— Буква «Т», — эхом откликнулся Приам. Когда он смолк, губы его продолжали шевелиться, словно он жевал что-то невкусное и несъедобное.

— Я далеко не сразу заметил это, мистер Приам, — продолжал Эллери, ходя кругами вокруг тела Альфреда Уоллеса. — Это одна из тех вещей, которые трудно заметить именно потому, что они слишком очевидны. При чтении большинство из нас сосредоточиваются на смысле прочитанного, а не на его составе. Не думаем же мы о кирпичах, глядя на целое здание? Однако суть здания заключается именно в кирпичах. В английском языке

двадцать шесть основных кирпичей[14], одни из которых более важны, другие — менее. И эти кирпичи давно изучены вдоль и поперек, мистер Приам, их звучание, внешний вид, сочетаемость с другими, частота употребления и так далее. Все это подробно описано в научной литературе, так же, как химический состав воздуха.

А теперь перейдем конкретно к букве «Т», мистер Приам.

По частоте употребления в английском языке эта буква занимает второе место. Чаще ее встречается только буква «Е». То есть это второй по важности кирпич из двадцати шести, составляющих фундамент английского языка.

Более того, среди заглавных букв «Т» — самая широкоупотребляемая. Она входит в состав наиболее часто встречающихся английских слов.

Вы теперь понимаете, мистер Приам, что меня так поразило в послании Адама вашему партнеру? — Факт отсутствия буквы «Т» не просто поразителен — он невероятен! Никакие мыслимые обстоятельства или совпадения не могут привести к тому, чтобы в идущих подряд сотне слов отсутствовало «Т». Единственно возможная

---

[14] СНОСКИ: 14
26 букв алфавита

ситуация — когда эта буква опускается с умыслом. Потому что для ее пропуска нужно сознательно приложить умственное усилие!

Какие вам еще требуются подтверждения, мистер Приам? — в голосе Эллери прежняя напряженность уступила место небрежной уверенности. — Автор записки ни разу не употребил слова с буквой «Т», но ведь без них практически невозможно обойтись! Если только не делать этого специально…

В записке говорится о старой обиде и о жажде покарать вас: «Чего я хочу? Я вас убью» и «воздаяние». Почему не написать просто — убить вас? и «месть», это звучало бы гораздо естественнее. А потому что в таком случае нашим глазам предстала бы буква «Т» в слове «убить». Но допустим, что он случайно выразился слегка громоздко. Ладно. Но такое возможно один, от силы — два раза. Но так почти в каждой фразе коротенькой записки.

Далее он пишет: «Медленное умирание… неизбежное умирание». И опять «и для сознания и для организма». А ведь он не роман пишет, и не поэму, где требуется сложность и пышность употребления. И это записка, а не эссе для научного журнала. Почему же он тогда не пользуется обычными словами «смерть» и «умрете», «тело» и так

далее? Более того — вся записка говорит о смерти, а само это слово так ни разу и не употребляется! Но стоит предположить, что автор поставил себе целью избегать букву «Т» и все недоумение рассеивается само собой.

Отчего бы не выразиться, как все люди, и не написать слова «которого», но в слове «которого» есть «Т». И точно так мы встречаем «данная записка» вместо «эта записка» по той самой причине. Очевидно, что неуклюжее построение записки в целом объясняется желанием избежать слов, обычно содержащих «Т». Вам кажется, что я фантазирую? Но вы только взгляните на эту словесную уродину, эту фразу «И перед каждым следующим шагом к умиранию — предупреждение, особое значение которого совершенно ясно для вас и для него». Какая слепая конструкция. А ведь сюда так и просится простое: «на каждом этаже будет» или «получите предупреждение». И вообще «не медленное умирание», а «медленная смерть». К Чему такая лирика: «Вы полагали — вы убили меня и я умер… Долгие годы я искал вас.» Не проще ли: «Вы считали, что убили меня, что я мертв… Почти двадцать лет…» и так далее. Объяснение все то же — буква «Т».

Роджер Приам тщетно пытался что-нибудь

возразить. От сильного умственного напряжения на его лице проступили морщины, глаза чуть не вылезли из орбит. Но он так ничего и не сказал.

Все вместе они составляли весьма живописную группу: на заднем плане дымящий КИТС, на переднем — неподвижно лежащий Альфред.

— Возникает закономерный вопрос, — опять заговорил Эллери, — почему автору записки понадобилось избегать употребления буквы «Т»? И что мы из этого можем извлечь?

Во-первых, как был написан оригинал записки Хиллу? От руки или как-нибудь иначе? Прямых свидетельств мы не имеем: оригинал исчез. Лаурел мельком видела его, когда Хилл доставал его из серебряной коробки на ошейнике, но когда Хилл стал читать, то отвернулся, и она не могла увидеть текст.

Однако простейшие рассуждения помогут нам ответить на наш вопрос. Письмо не могло быть написано от руки. Ведь букву «Т» так же легко написать, как и остальные буквы алфавита. Судя по содержанию записки, ее автора вряд ли занимала в этот момент игра словами, которая отнимает и лишние силы, и время. Но если записка не была написана от руки, значит, напечатана на машинке. Вы видели ее, мистер Приам, — Хилл

показывал вам ее во время вашего посещения. Так на машинке она была отпечатана или нет?

Приам взглянул на него скривившись, но промолчал.

— На машинке, — заключил Эллери. — Тогда все упрощается. Почему автор, воспользовавшись пишущей машинкой, избегал буквы «Т»? К чему такие сложности? Да он просто-напросто не мог воспользоваться клавишей с этой буквой, так как она была неисправна.

Как ни странно, Приам сам неожиданно подал голос:

— Это всего лишь ваши догадки.

Эллери сморщился как от зубной боли:

— Не подумайте, что я люблю выставлять напоказ свои умственные способности, но ваши слова задевают меня за живое. Гадать да предполагать для меня так же противоестественно, как для епископа клясться и божиться. Я должен обратить ваше внимание на то, что к своим выводам я пришел путем строгих умозаключений, которые потребовали большого умственного напряжения. Это не игра в «угадайку». Но допустим, что это только мои догадки, которые легко подтверждаются фактами.

Из моих так называемых догадок вытекает,

что у машинки была сломана клавиша. Можем ли мы указать пишущую машинку с подобным дефектом?

Как это ни удивительно, мистер Приам, можем. И очень легко.

В первый раз по пути к вам в автомобиле Лаурел я расспрашивал ее о вас. Она подробно описала, каким образом вам удается обеспечить себе минимальную зависимость от окружающих. Подчеркнула, насколько болезненно вы воспринимаете любую помощь со стороны. И привела в пример недавний случай, она собственными ушами слышала, как вы неистовствовали из-за необходимости диктовать что-то Альфреду, вместо того чтобы самому воспользоваться пишущей машинкой, на днях отправленной в ремонт.

Приам заерзал. Китс выдвинул сбоку кресла полочку с укрепленной на ней машинкой.

Приам зашипел и забрызгал слюной, глядя, как Эллери и Китс склонились над его машинкой, не обращая на ее владельца никакого внимания.

Затем многозначительно переглянулись друг с другом.

Китс нажал клавишу с буквой «Т».

— Мистер Приам, — сказал он, — здесь только одна новая клавиша. Это «Т». Записка Хиллу была

напечатана здесь. — И он драматическим жестом указал на машинку.

Из горла Приама вырвался нечленораздельный звук. Китс вплотную придвинулся к нему.

— Кто же это умудрился воспользоваться вашей машинкой, мистер Приам? — поинтересовался Эллери елейным голосом.

Тут и гадать нечего. Даже если бы я не увидел ее собственными глазами, я бы и так понял, что она наглухо привинчена, чтобы не свалиться при движении полки или кресла. Кроме того, и Лаурел упомянула об этом.

Очевидно, что за исключением случаев серьезного ремонта, машинка неизменно при вас. Может быть, записка Хиллу была отпечатана после того, как машинку сняли для ремонта, и до того, как он был произведен? Но это невозможно по той простой причине, что Хилл получил записку за две недели до отправления машинки в ремонт, судя по сообщению Лаурел. Тогда, может быть, кто-то ухитрился воспользоваться машинкой в ваше отсутствие? Тоже исключено, поточу что вы не покидаете своего кресла уже почти пятнадцать лет. Ну тогда остается предположить, что записка была напечатана, пока вы… ну, скажем, спали? И опять невозможно: когда кресло

превращается в кровать, полка не выдвигается.

Отсюда один-единственный вывод: боюсь, мистер Приам, вы сами и написали эту записку!

И вы сами довели вашего партнера до смерти.

И единственный враг из прошлого Хилла и Приама есть сам Роджер Приам!

— Только поймите меня правильно, — сказал Эллери. — Я вовсе не имею в виду, что Чарльз Адам — вымышленное лицо. Он действительно существовал, что подтверждается документами. Он не вернулся из плавания много лет назад, и с тех пор никто его не встречал. Записка — первый и единственный знак того, что он еще жив. Но после установления истинного — вашего, мистер Приам, авторства этой записки, становится ясно, что Адам вовсе не спасся двадцать пять лет назад, что вам с Хиллом удалось-таки погубить его, и что его неожиданное появление в Калифорнии целиком инсценировано лично вами.

Вы прекрасно знали, Приам, каким ударом будет для Хилла известие, что Адам жив, когда он столько лет считал его мертвым. И не только жив, но и жаждет мести. Вы знали, что подобное известие будет болезненно именно для Хилла. Он начал новую жизнь. Он привязался к Лаурел, своей приемной дочери, для которой он был

предметом безграничной любви.

Поэтому «воскресение» Адама не столько ставило под угрозу мирное существование самого Хилла, сколько грозило отнять у него любовь единственно дорогого ему существа — Лаурел. Вы не без оснований надеялись, что слабое сердце Хилла не выдержит такого напряжения, ведь два инфаркта он уже перенес. Вы все рассчитали верно — записка добила его.

Если у Хилла еще и оставались какие-нибудь сомнения относительно подлинности записки, вы постарались развеять их во время своего визита. И для этого даже дали себе труд впервые за пятнадцать лет покинуть дом! Причиной вашего визита, конечно, была предварительная договоренность по телефону о необходимости срочной встречи с глазу на глаз. Кроме того, у вас лично был не менее веский повод тронуться с места: вы должны были убедиться, что записка действительно уничтожена, а с ней и все следы. Либо Хилл передал ее вам и вы сами приняли меры, либо он уничтожил ее в вашем присутствии. Единственное, чего вы не могли знать, Приам, а Хилл не пожелал вам открыть, так это существование копии, спрятанной в матрасе. Что заставило его поступить таким образом?

Может быть, сразу после инфаркта Хилл долго обдумывал случившееся и в чем-то сомневался? Возможно, перед вашим посещением шестое чувство подсказало ему, что здесь что-то не так. И независимо от того, удалось вам убедить его или нет, копия уже была снята и запрятана в матрас, а тайный инстинкт заставлял его, не смотря на все ваши доводы, оставить ее там и ничего не говорить вам об этом. Хотя мы не знаем и теперь не узнаем никогда, какие соображения руководили Хиллом.

Но инфаркт все-таки сделал свое дело. Убийство страхом… — задумчиво продолжал Эллери. — Более хладнокровное, чем ножом, пистолетом или даже ядом. Требующее незаурядной сообразительности и ювелирной тонкости выполнения. Одно удивляет — почему? То есть, почему вы хотели убить Хилла — понятно. Но зачем вы выбрали для этого такой изощренный сложный путь, создав «врага из прошлого»?

На это должны были быть весьма мощные побудительные причины. Это не могла быть страсть к наживе — смерть Хилла ничего не приносила вам в материальном плане: его права переходили к Лаурел. Исключается и страх разоблачения в убийстве Адама — ведь Хилл в

равной мере был замешан в этом преступлении и также был обязан ему своим благополучием. Поэтому он вряд ли стал бы ворошить прошлое. Более того, у него было больше оснований бояться разоблачения. Из-за Лаурел. Неправдоподобным кажется положение, что вы убили его из страха быть уличенным в каком-нибудь другом преступлении — растрате казенных денег, к примеру. Потому, что на деле вы почти не имели никакого отношения к фирме — всем заправлял сам Хилл, а вы просто играли роль равноправного партнера. Не имея физической возможности свободно покидать дом, вы тем самым вряд ли могли растратить деньги фирмы, подделать счета пли совершить что-нибудь в этом роде. И, наконец, ваша жена также не могла быть поводом для ненависти, ведь их отношения с Хиллом были чисто дружескими.

Голос Эллери посуровел:

— К тому же Хилл не способен на грязный поступок в отношении друга.

Убивая Хилла, вы могли достигнуть только одного. И поскольку все остальные причины очень маловероятны, я и склоняюсь к этому последнему выводу, относительно ваших побудительных мотивов.

Особенно укрепляет меня в моем мнении ваш характер, ваша психика, весь склад вашей личности.

Убивая Хилла, вы тем самым избавились от своего делового партнера. Не здесь ли собака зарыта? Полагаю, что здесь.

Приам, вас сжигает ненасытная жажда господства надо всем, что вас окружает. Единственное, что вы не в силах стерпеть, — это зависимость от других. Даже напротив, вы не только стремитесь к независимости, сколько желаете любой ценой заставить других зависеть от вас. Но так как физически вы беспомощны, вы добиваетесь власти иного рода, власти в чистом виде. Вы всегда должны быть Хозяином, даже если вы вынуждены осуществлять свою власть через посредника, как это было в случае с вашей женой.

И вы люто ненавидели Хилла за то, что он, а не вы! — был истинным хозяином в фирме «Хилл и Приам». Он вел все дела в течение пятнадцати лет и лишь делал вид, что прибегает к вашей помощи. Служащие повиновались его распоряжениям, а вас не принимали в расчет. Он заключал сделки, открывал филиалы, пускал в оборот средства, и во всех начинаниях, больших и малых, один представлял собой фирму. А Роджер Приам был

всего лишь жалким калекой, запертым в четырех стенах. Мысль, что именно Хиллу обязаны вы своим достатком и успехами фирмы, разъедала вашу душу в течение пятнадцати лет. Даже когда вы вкушали плоды успешных усилий, они оставляли горький привкус у вас на губах, который отравлял вам жизнь.

И вы решились его убить.

Стоило убрать с дороги Хилла, и вы становились единоличным властелином. Мысль, что вы можете привести фирму к краху, даже не приходила вам в голову. Но даже случись такое, я уверен, что вы остались бы при своем. Главное заставить всех повиноваться, а там хоть потоп! Главное — быть Хозяином.

Роджер Приам не ответил ничего. На этот раз он вообще не издал ни звука. Только обвел комнату блуждающим взглядом Китс еще теснее придвинулся к нему.

— Как только вы решились, то сразу же встал вопрос о способе воплощения задуманного, — продолжал Эллери. — Вы поняли, насколько физически неполноценны. У обычных убийц таких проблем не бывает. Конечно, можно было избавиться от Хилла прямо в этой комнате. Например, пригласить по делу и застрелить. Но

смерть Хилла не была для вас самоцелью. Он должен был умереть, чтобы развязать вам руки. Поэтому вы должны были убить его, оставаясь целиком вне подозрений.

И вам пришло в голову, что лучший способ отвести от себя подозрения — это создать видимость, будто опасность угрожает не только жизни Хилла, но, в равной мере, и вашей. Прием, не раз использовавшийся убийцами и прежде.

Ваша история с Чарльзом Льюэлом Адамом давала настолько же подходящую, насколько дерзкую и опасную возможность создать необходимую иллюзию. «Живой» Адам имел вполне резонные основания желать смерти вам обоим. Судьба Адама до исчезновения вместе с кораблем и командой легко могла быть прослежена в случае вмешательства властей. Нынешнее ваше с Хиллом существование плюс кое-какие намеки, оставленные в записке «Адама», легко подвели бы дотошного следователя к выгодному для вас, Приам, заключению.

Вы поступили чертовски умно, Приам. Вы избежали многих психологических ошибок, например, слишком явных намеков. Вы намеренно сделали текст записки весьма туманным. Вы упорно отказывались сообщать какие-либо до-

полнительные сведения, которые облегчили бы действия полиции. Правда, при внимательном рассмотрении, ваши «отказы» только облегчали движение в нужном вам направлении, хотя на первый взгляд казалось, что мы действуем наперекор вам.

Вы заставили нас изрядно попотеть, потому что уготовили нам просто фантастический путь.

Идея взять за основу эволюционную теорию Дарвина свидетельствует не только о богатом воображении, но и делает убедительным все остальное. Лелеять мечту о мести почти четверть века мог только слегка помешанный человек. Сознание такого человека обычно склонно к причудливым фантазиям. С другой стороны, для «Адама» было весьма естественно мыслить в привычных для него категориях, а ведь он был натуралист. Поэтому вы придумали версию, подходящую к образу эксцентричного натуралиста и ловко оставили следы, рано или поздно приведшие нас к желаемому для вас выводу. А именно: что натуралист Чарльз Льюэл Адам и есть «враг из прошлого», угрожающий вам.

Спектакль был поставлен и разыгран вами настолько безупречно, что если бы вас не угораздило воспользоваться машинкой со сломанной

«Т», мы бы так и считали виновником преступления человека, умершего четверть века назад.

Приам сделал легкое движение головой, словно кивнул. В то же время это просто могла быть непроизвольная дрожь, пробежавшая по мышцам шеи. Кроме этого, ничто не выдавало его реакцию, и не ясно было, слышит ли он вообще что-нибудь.

— В некотором смысле вам не повезло, Приам. Либо вы переоценили прочность сердечной мышцы Хилла, либо недооценили силу вашего «бумажного» удара. Потому что Хилл умер сразу же после первого предупреждения. В то же утро вы сами себе тоже послали «предупреждение», намереваясь, видимо, либо поделить остальные между собой и Хиллом, либо чередовать их. Когда Хилл скоропостижно скончался, вам уже поздно было устраняться из дела. Вы оказались в положении генерала, разработавшего хитроумный план наступления и вдруг взявшего крепость с первого штурма, который уже не в состоянии отменить отданные приказы и предотвратить все новые атаки свежих сил на уже занятую им крепость. Стоило вам прекратить посылать себе следующие «предупреждения», как сам этот факт мог навлечь на вас подозрения. И чтобы подтвердить

существование «Адама», вам пришлось посылать себе все новые «предупреждения».

Вы послали шесть штук, включая мастерски сработанную инсценировку отравления тунцовым салатом, которую вы организовали, ничем при этом не рискуя, чтобы привлечь внимание к «рыбе» — одному из звеньев задуманной вами цепочки. После шестого вы почувствовали уверенность в том, что мы окончательно заглотнули наживку и видим источник зла там, куда вы нам старательно указывали. Но, с другой стороны, вы сознавали, что если остановиться на этом и так и не подвергнуть свою жизнь опасности, то все дело пойдет насмарку. Мы могли заинтересоваться, с чего бы это «Адам» оставил свою затею? Убийцы всегда попадаются на мелочах.

Поэтому вы решили для пущей безопасности дать всей истории достойное завершение.

Самым убедительным была бы, без всякого сомнения, поимка Адама.

Обычный человек сразу бы отказался от мысли разрешить заведомо неразрешимую задачу: представить в руки полиции человека, умершего двадцать пять лет назад. Однако не в ваших правилах отступать перед препятствием только на том основании, что оно непреодолимо. В вас есть

что-то от Наполеона, Приам.

И вам удалось найти решение. Причем в результате вы надеялись убить сразу двух зайцев и предохранить себя от случайных осложнений, могущих возникнуть из-за средств, к которым вам пришлось прибегать в процессе выполнения задуманной операции. Дело в том, что вы нуждались в помощи определенного рода. Вы были в состоянии неограниченно пользоваться своим умом, частично — рука ми и слухом. Но это было все-таки недостаточно для успешного завершения дела. Оно требовало не только рук, но и ног, а в этом отношении вы абсолютно беспомощны. Вы не имели возможности самостоятельно поймать бигля, отравить его, доставить к порогу Хилла. Не могли вы и приобрести коробки и бечевки из магазина, миногу черт знает откуда, мышьяк, лягушек и так далее. Не вызывает никакого сомнения, что серебряную коробочку могла оставить или обронить сама Лаурел; мышьяк позаимствован из коробки с крысиной отравой в подвале, лягушки пойманы в окрестностях дома; что кожаный зеленый несессер Делии навел вас на мысль о бумажнике из того же материала и магазина; что вы нашли акции первого мужа миссис Приам в одной из коробок в этом же доме;

что для заполнения «птичьей» ступени вы выбрали книгу из вашей собственной библиотеки. И в каждом случае вы старались выбрать вещи из вашего ближайшего окружения. Наверное тогда у вас создавалось ощущение большей власти над происходящим. Но даже для манипуляции с вещами, находящимися непосредственно в доме или рядом с ним, вам все равно была нужна помощь чьих-то «ног».

Так кто же мог выполнять все ваши распоряжения?

Альфред Уоллес. Секретарь, сиделка, компаньон, помощник на все случаи жизни… день и ночь при вас… он подходил, как никто другой. Хотя бы по тем соображениям, что он все равно не мог бы не узнать о случившемся. А использовав Альфреда как орудие для осуществления ваших замыслов вы из помехи превращали его в пособника.

Добровольно ли взялся помогать вам Уоллес, привлеченный щедрым жалованием, или же вы шантажировали его, — теперь ответить можете только вы, Приам, — сказал Эллери, глядя на бесформенную груду на полу под одеялом. — Но это теперь не имеет ровным счетом никакого значения. Так или иначе, а Уоллес был вашими

ногами, руками и глазами за пределами комнаты. Вы отдавали приказы — Альфред выполнял их.

Но теперь вы перестали нуждаться в его услугах. Более того, вы, как и большинство убийц, обнаружили, что использовавшееся вами живое оружие — обоюдоострое. Уоллес был единственным, кто знал, чьих рук все дело. И даже неважно, что вы могли держать его в руках, угрожая каким-нибудь разоблачением или чем-либо еще. Живой Альфред всегда оставался бы постоянной опасностью и угрозой вашему спокойному существованию. И чем больше вы рассуждали на эту тему, тем больше сживались с мыслью о необходимости избавиться от Альфреда. Его смерть оборвала бы последнюю ниточку, ведущую к истине. В то же время убийство его как любовника вашей жены весьма льстило вашей ненасытной мании величия. К тому же мертвый Альфред Уоллес — это идеальный Чарльз Адам, «враг из прошлого»! Альфред по возрасту как раз ровесник Адаму. Прошлое Уоллеса восстановить невозможно из-за его потери памяти. И даже его характер вполне соответствует Адаму, как мы могли бы себе его представить.

И если бы вы бросили нам лакомый кусочек, подсунув вместо Чарльза Адама Альфреда Уол-

леса, то сразу бы убили одним выстрелом трех зайцев.

Поэтому вы организовали убийство Уоллеса.

Роджер Приам поднял голову. На его щеках опять алел здоровый румянец, а грубый голос звучал довольно оживленно.

— Я читал кое-что из ваших повестушек, Куин, — сказал Приам. — Надо отдать должное — это одна из лучших.

— Что ж, в благодарность за комплимент, Приам, — засмеялся Эллери, — я рискну предложить вам еще одну, даже лучше прежних.

Несколько месяцев назад вы приказали Альфреду найти и купить оружие. Вы дали ему на это деньги и пожелали, что бы он приобрел револьвер в свою собственность.

Сегодня ночью вы вызвали Уоллеса звонком к себе в комнату и сказали, что вам послышались чьи-то шаги около дома. Вы приказали ему взять оружие, зарядить его и незаметно пробраться назад к вам.

— Это ложь, — сказал Роджер Приам.

— Это правда, — сказал Эллери.

Приам оскалил зубы:

— Хватит меня на испуг брать! Даже если это и правда — хотя это не так, — то как Вы могли

узнать об этом?

— Мне сказал Уоллес.

Кожа на лице Приама опять потеряла свою природную окраску.

— Понимаете, я все открыл Уоллесу, как только понял грозящую ему опасность, — сказал Эллери. — Я объяснил, какой подарочек готовите вы для него, и если он хочет спасти свою шкуру, то должен играть на нашей стороне.

Его не пришлось долго уговаривать, Приам. Я думаю, вы хорошо изучили его и знаете, что Альфред всегда сразу видит, с какой стороны хлеб намазан маслом. Он сдался без борьбы. Обещал держать меня в курсе событий и сдержал свое обещание. Когда настало время, он вспомнил мои указания, а не ваши, Приам.

Когда вы сегодня ночью вызвали его звонком и приказали явиться с заряженным револьвером, Уоллес немедленно позвонил мне. Я сказал, чтобы он протянул время и спускался к вам подольше, так, чтобы мы с лейтенантом успели прибыть на место. По-моему, мы действовали оперативно, не правда ли, Приам? Последнее время мы каждую ночь были наготове. Вы скорее всего подозревали, что снаружи будет кто-нибудь дежурить, но не предполагали, что это мы собственной персо-

ной, да еще по звонку самого Уоллеса. Вы здорово разыграли эпизод отказа от полицейской охраны, вполне в духе всего спектакля, задуманного вами. Но вы не без оснований надеялись, что мы не примем всерьез вашего отказа и тайно поставим охрану. А вам только того и нужно было.

Когда Альфред появился в вашей комнате с револьвером в руке, вы рассчитывали, что тот, кто наблюдает за вами, будет полностью убежден в намерении Альфреда убить вас. Если же поблизости наблюдателя не окажется, то охранник где-нибудь у входа услышит выстрел, мигом примчится к вам и найдет мертвого Уоллеса. Найдет в вашей комнате, где вы, будто бы разбуженный от глубокого сна, окажетесь единственным свидетелем происходящего. Ваши слова некому будет подвергнуть сомнению. Полицейскому, знакомому с историей о таинственном «враге из прошлого» и его угрозах, и в голову не пришло бы усомниться. И, наконец, в случае полного отсутствия поблизости полицейских, вы сами сразу же позвонили бы куда следует. Благодаря тому факту, что револьвер принадлежит Уоллесу, ваша история завершилась бы благополучно для вас. Это был безупречный план, достойный Макиавелли. И он чуть было не удался.

Приам весь как-то встрепенулся. К нему опять вернулся дар речи, и хотя его слова звучали несколько неестественно вначале, постепенно он совсем оправился:

— Все, что рассказал вам Уоллес пустая брехня. Я не вызывал его сегодня ночью. И вы не можете доказать обратное. Вы сами только что видели его возле моей кровати с заряженным револьвером в руках, вы видели, как я боролся за свою жизнь, и я победил, а он мертв. — Бородатый калека сделал особое ударение на последнем слове, будто хотел подчеркнуть бесполезность Уоллеса как свидетеля.

— Боюсь, что вы невнимательно слушали мои последние слова, Приам, — сказал Эллери. — Я сказал «чуть было не удалось». Не думаете же вы, что я мог допустить хоть малейший риск для жизни Альфреда. Поэтому сегодня ночью он захватил с собой револьвер с холостыми патронами. По-моему, мы тоже недурно разыграли вас, а? — И Эллери громко сказал: — Уоллес, можете встать.

На глазах у Приама одеяло на полу зашевелилось и стало подниматься, как волшебный ковер-самолет, а из-под него показалось улыбающееся лицо Уоллеса.

Роджер Приам завыл, как подстреленный

зверь.

ГЛАВА XVI

Никто не мог предвидеть, включая самого Эллери, как Приам отреагирует на свой арест, следствие и суд. После его разоблачения трудно было представить себе, что он еще способен действовать. Правда, оставался Альфред Уоллес, но он зарекомендовал себя, как человек благоразумный.

Приам взял всю вину на себя. Он отрицал участие Уоллеса с трогательным великодушием. Он утверждал, что Альфред был простым исполнителем, не ведавшим, что творит. Слушая Приама, можно было подумать, будто Уоллес полный идиот и действовал совершенно бессознательно. Было очевидно, что Приам просто пытается заморочить всем голову, но закон есть закон, и он строго предписывает опираться на показания свидетелей. А так как свидетелей было всего двое: сам обвиняемый и его сообщник, то каждый из них, правда, по разным причинам — уменьшал вину Уоллеса и увеличивал — Приама.

Поэтому Уоллесу удалось выйти сухим из воды.

Как ворчливо заметил однажды Китс, Приаму удалось до конца остаться Хозяином даже своего собственного приговора за свое собственное преступление.

Говорили, что адвокат Приама, известный на западном побережье юрист, отлучился куда-то как раз накануне вынесения окончательного приговора и тем самым поставил себя в очень глупое положение, так как его подопечный умудрился покончить с собой, проглотив порцию яда. Все необходимые предосторожности были приняты, но это не помешало Приаму оставить в дураках охраняющего его надзирателя.

Роджер Приам предстал взорам вошедших лежащим неподвижно, с бородой, вздернутой к потолку, и ртом, застывшим в усмешке пирата, гордо отправляющегося ко дну вместе со своим кораблем. Казалось, его лицо говорило: «Никто, никогда, ни в чем не сможет взять надо мной верх, даже сам сенатор штата Калифорния». Если ему суждено было умереть, он просто не мог позволить кому-либо выбирать за него время и способ.

Он должен был быть Хозяином даже своей смерти.

Ко всеобщему удивлению Альфред Уоллес на-

шел нового работодателя сразу же после суда, некоего писателя из восточных штатов по фамилии Куин. Уоллес и его саквояж перекочевали в небольшой коттедж на вершине холма, а Миссис Вильямс со своими двумя чемоданами покинула его, к удовольствию обеих сторон.

Эллери не пришлось сожалеть о такой замене, ибо Уоллес оказался более искусным кулинаром, чем миссис Вильямс, — приятная неожиданность для Эллери, нанимавшего Уоллеса только как своего секретаря.

Незавершенный роман все еще задерживал его пребывание в Калифорнии, а так как дело Хилла — Приама было полностью закрыто, он решил всерьез заняться своей книгой.

Китс был поражен:

— А не боитесь ли вы, что в один прекрасный день он добавит мышьяку вам в суп?

— А какой ему от этого прок? — рассудительно возразил Эллери. — Он же получает от меня деньги за диктовку и перепечатку рукописей. А если уж речь зашла о супе, то, надо признаться, готовит он отменно. Особенно «олья подруа». Справочник уверяет, что это одно из вкуснейших блюд в мире. Как насчет того, чтобы отведать его завтра вечером?

Китс рассыпался в благодарностях, но заверил, что он вовсе не гурман и его притязания не идут дальше тушеной курицы с острым соусом, кроме того, его жена как раз пригласила на этот вечер несколько друзей посмотреть телевизор, поэтому он вынужден отказаться.

На докучные вопросы журналистов Эллери ответил, что он не из тех, кто поминает прошлые грехи. Уоллес искал работу, а он искал секретаря, вот они и нашли друг друга. И больше ничего.

Уоллес же только улыбался.

Делия Приам продала свое имение и исчезла.

Предполагали, ссылаясь на «старую знакомую, не пожелавшую афишировать свое имя», или просто на «всем известные слухи», что Делию не раз видели в Лас-Вегасе за игорным столом с самыми известными личностями преступного мира. Или еще в Нью-Мехико под вымышленным именем, где она писала мемуары для какого-то журнала. Или в самолете на Рим, под густой вуалью. А самые осведомленные уверяли, что Делия нашла себе пристанище на удаленном индийском побережье в качестве «гостьи» дикого местного раджи, известного своим пристрастием к белым женщинам. На самом деле никто не принимал всерьез эти волнующие истории, однако более

достоверных сведений не имелось. Отец Делии не мог просветить на этот счет любопытствующих: он покидал свое нехитрое снаряжение в походный баул и отправился в Канаду на поиски урановой руды. А его внук попросту отказывался встречаться с представителями прессы.

И лишь Эллери в личной беседе Гроув Макгоуэн как-то сообщил, что его мать живет в полном уединении недалеко от Санта-Мария. И по его виду можно было заключить, что он уже больше не рассчитывает увидеть ее.

Сам же Макгоуэн занимался приведением своих дел в порядок перед призывом в действующую армию.

— В моем распоряжении остались десять дней, — говорил он Эллери, — а переделать надо тысячу дел, в том числе жениться. Я говорил ей, что отъезд в Корею сам по себе требует массы приготовлений, но Лаурел уперлась и мне ничего не осталось, как согласиться.

Сама Лаурел походила на человека, возвращающегося к жизни после тяжелой болезни. Она похудела и побледнела, но ее чело несло печать безмятежного спокойствия. Она буквально ни на секунду не выпускала огромной ладони Мака из своих рук.

— Я так боюсь потерять тебя, Мак!

— Чего ты боишься, глупышка, корейских женщин? — посмеивался Гроув. — Я уже столько раз говорил тебе, что их любимые духи — чесночная похлебка!

— Я вступаю в WAC, — заявила Лаурел, при условии, что они отправят меня в Корею. Я знаю, что это не очень патриотично — ставить условия, но если мой муж сражается в Азии, я должна находиться там же.

— Вот застрянешь где-нибудь на базе в Западной Германии! — проворчал юный гигант. — И чего тебе не сидится дома? Писала бы мне длинные и пылкие письма.

Лаурел в ответ только крепче вцепилась в его ладонь.

— А чего вам дома не сидится? — спросил у Гроува Эллери. — Вернее на вашем дереве?

— Ах это… — покраснел Мак. — Мое дерево продано.

— Найдите другое.

— Послушайте, Куин, — занервничал сын Делии, — каждый варит кашу, как умеет. Вы свою, а я — свою. Я не лезу в герои, но идет война — пардон, Соединенные Штаты принимают некоторые политические меры, и я не могу. Кроме того, рано

или поздно меня бы все равно призвали.

— Это понятно, — кивнул Эллери с серьезным видом, — непонятно другое: перемена ваших прежних позиций, Мак. Что случилось с неким обитателем деревьев Атомного века? Или вы решили, что, обзаведясь подругой жизни, не стоит больше тратить время на подготовку к Всемирной Атомной Катастрофе? Надо сказать, это не совсем лестно для Лаурел.

Мак смущенно пробормотал:

— При чем тут Лаурел? Я сам…

— При том! — вмешалась Лаурел. — Но в основном виноваты вы, Эллери. Понимаете, все эти чудачества…

— Конечно, конечно, — воодушевился Эллери, — я так старался разобраться во всех обстоятельствах…

— Мне самой не сразу удалось вытянуть из него правду, — сказала Лаурел. — Да успокойся ты, Мак! Понимаете, он старался пробиться в кино. Он узнал, что один продюсер задумал серию о Сыне Джунглей, в противовес знаменитому сериалу о Тарзане, и Маку пришла в голову блестящая идея уподобиться герою фильма, прямо здесь, в Голливуде. Ну а все эти речи о грядущей Атомной катастрофе служили просто приманкой для прес-

сы. И это здорово сработало. Вокруг Мака возник такой ажиотаж, что продюсер заинтересовался им и уже был почти заключен предварительный контракт, когда вдруг папа умер, а я заподозрила убийство и подняла шум. Об этом заговорили газеты, отчим Мака оказался замешанным, чего сам и добивался, и перепутанный продюсер аннулировал контракт. Мак страшно разобиделся на меня. Правда, милый?

— Не так страшно, как сейчас. Ну ради всего святого, Лаурел, не надо разбалтывать мои маленькие секреты перед всем белым светом!

— Мак, ничего страшного, я всего лишь крохотная часть этого света, — успокоил его Эллери. — Теперь мне становится понятным, зачем вам тоже понадобилось нанимать меня. Вы питали надежду, что я в два счета разберусь в этом деле и вашим отношениям с продюсером ничто больше не будет угрожать.

— Ну да, — с несчастным видом кивнул Мак. — Он как раз явился ко мне на прошлой неделе, с вопросами по поводу моего участия в съемках. Тогда я предложил ему обратиться к моему деду, который всю жизнь страстно мечтал быть Сыном Джунглей. Но этот неблагодарный тип послал меня к черту. И вот я здесь, собираюсь в поход.

Скажите честно, Куин, Корея действительно такое мерзкое место, как о ней рассказывают?

Лаурел и Гроув заключили брак в Санта-Монике, а Эллери с Китсом были у них свидетелями. Свадебный ужин был проглочен и выпит в придорожном ресторане около Окснарда, а затем новобрачные отбыли в остине Лаурел по направлению к Сан-Луису, Пасо Роублз, Санта-Круз и Сан-Франциско. А Эллери с Китсом, возвращаясь обратно по главной автостраде на взморье, обсуждали предполагаемый дальнейший маршрут молодоженов.

— По-моему, Монтри, — с воодушевлением сказал Китс. — Я сам провел там свой медовый месяц.

— А по-моему, зная характер Мака, — Сан-Жуан-Капистрано или Ла Джолла, — возразил Эллери. — Ведь они лежат прямо в противоположном направлении.

Однако глаза наших новобрачных, затуманенные шампанским, специально припасенным Эллери для калифорнийского бракосочетания, завели их на пустынный пляж в Малибу, где они, крепко обнявшись, тихо напевали «Десять рук и десять ног» среди серебряной пены прибоя.

Однажды вечером в конце сентября, когда

Альфред Уоллес подкладывал дрова в камин гостиной, появился Китс. Он принялся извиняться за неожиданный визит, тем более что еще пять минут назад и сам не ожидал навестить Эллери. Он как раз ехал мимо дома и вдруг ни с того ни с сего решился заглянуть.

— Ради Бога, не надо извиняться за акт воистину христианского милосердия! — воскликнул Эллери. — Вот уже целую неделю я не видел ни одной живой души, за исключением Уоллеса. Альфред, лейтенант привык добавлять воду в виски.

— Не стоит, — обратился Китс к Уоллесу. — Я имею в виду воду. Разрешите воспользоваться вашим телефоном и предупредить жену.

— Чудесно! Значит, вы остаетесь, — оживился Эллери, пристально разглядывая Китса. Лейтенант казался чем-то обеспокоенным.

— Да, ненадолго, — Китс направился к телефону.

Когда он вернулся, полный стакан уже ожидал его на журнальном столике перед камином, а Эллери с Альфредом растянулись в двух из трех больших кресел вокруг него. Китс уселся в свободное кресло между ними и отхлебнул большой глоток. Эллери предложил ему сигареты, а Уоллес

зажег спичку, и через несколько минут Китс тоже задумчиво уставился в огонь.

— Что-нибудь случилось, Китс? — спросил наконец Эллери.

— Не знаю, — Китс опять потянулся к стакану. — Я веду себя, наверное, как любопытная старая дева. Я уже давно сгораю от желания кое о чем побеседовать с вами, Куин. До сих пор мне удавалось успешно бороться с этим искушением, но сегодня… — Он поднял стакан и сделал еще один большой глоток.

— И что вас беспокоит?

— Ну… история с Приамом. Хотя все давно закончено, но…

— А что конкретно в истории с Приамом?

Китс скривился. Затем со стуком поставил стакан на столик.

— Куин, я тысячу раз прокручивал в голове ваш рассказ — то, что вы говорили мне в Управлении, а потом Приаму в последнюю ночь. И я не понимаю, не могу понять, каким образом…

— Вы хотите знать, каким образом мне удалось распутать это дело?

— Я не могу назвать это иначе чем чистой случайностью, когда вдруг вы… — Китс выразительно повел глазами в сторону Альфреда, тот

деликатно отвернулся.

— Уоллес вполне может присутствовать при нашем разговоре, — усмехнулся Эллери. — Я в ту ночь сказал Приаму, что откровенно говорил с Уоллесом, и мои слова надо понимать буквально. Я был с ним абсолютно откровенен, я доверился ему. Что знаю я, знает и он, включая ответ на вопрос, так долго не дававший вам покоя.

Лейтенант покачал головой и залпом допил стакан. Альфред поднялся было снова его наполнить, но Китс остановил его:

— Больше не надо, — и Уоллес опять опустился в кресло.

— У меня на такого рода головоломки извилин в голове не хватает, — уныло произнес лейтенант. — Кроме того, тут не все вяжется. То есть не все, что вы… — Китс глубоко затянулся, пытаясь поточнее подобрать слова. — Например, Куин, вы приписали Приаму такое, что явно не вяжется с его обликом.

— Что не вяжется?

— Ну, к примеру, эта записка, отпечатанная на машинке со сломанной клавишей и отправленная Хиллу с мертвым псом в придачу…

— А что вам тут не нравится?

— Да все! Приам — необразованный человек.

Если он когда-нибудь и употреблял сложные слова — то я не слышал! Его речь вульгарна. А этот текст… Как такой, как Приам, мог изъясняться подобным образом? То есть чтобы избежать употребления буквы «Т» и выразиться окольным путем, надо… надо иметь определенные навыки в языке. Вернее — опыт в письменном изложении своих мыслей. А знание грамматики? Ведь в записке расставлены знаки препинания!

— Ну и какой из этого вывод? — спросил Эллери.

Китс страшно смутился.

— Или вы не пришли ни к какому выводу? — настаивал Эллери.

— Ну-у… пришел.

— Вы не верите, что Приам печатал эту записку?

— Печатал, с этим все в порядке. Система ваших доказательств была неопровержима… Но знаете что? — Китс швырнул сигарету в огонь. — Считайте меня недоумком. Но чем больше я думаю об этом, тем меньше одно с другим сходится. Если только не допустить, что Приам печатал на машинке, а кто-то другой диктовал ему. Слово за словом, букву за буквой.

Китс вскочил на ноги, словно хотел достойнее

встретить неизбежный отпор своих слушателей. Но Эллери ничего не сказал в ответ, только смотрел задумчиво и попыхивал трубкой. И Китс сел на место.

— Эллери, вы человек, которому не чуждо сострадание, поэтому умоляю вас избавить меня от этой умственной пытки. Объясните, где я ошибаюсь?

— Нигде, все в порядке. Что-нибудь еще не дает вам покоя?

— О, еще много чего! Вы рассуждали о проницательности Приама, его изобретательной тактике, его сообразительности. Вы даже сравнили его с Наполеоном и Макиавелли. Это Приам-то проницателен? Это он-то сообразителен и умен? Он так же сообразителен, как кастрированный бык по весне, и так же умен, как старый пингвин в зоопарке. Он не в силах составить даже меню! Единственное оружие, с которым может справляться Приам это дубина, да луженая глотка. Человек, который хвастался тем, что не читал книг с тех пор, как бегал в коротких штанишках! В конце концов надо обладать определенными научными знаниями, чтобы так ловко водить всех за нос с этой эволюционной чепухой и ничего не перепутать! Да к тому же умудриться

раскопать известную только достаточно образованным людям какую-то там древнегреческую драму, которая должна символически обозначать птиц! Нет, я не в состоянии поверить в это! Кто угодно, только не Приам!

Причем не подумайте, что я хотя бы на минуту усомнился в его виновности. Он, вне всякого сомнения, убил своего партнера. Он сам признался, черт побери! Но он не тот человек, который в состоянии придумать способ и предусмотреть все детали! Это мог сделать человек, стоящий по своему развитию на порядок выше Роджера Приама!

— Другими словами, Китс, если я правильно понял, — пробормотал Эллери, — Приам должен был воспользоваться не только чужими ногами, но и чужим серым веществом?

— Именно так, — с облегчением вздохнул Китс. — Причем я готов биться об заклад, что именно тот, кто предоставил в распоряжение Приама свои ноги, и состряпал все остальное! — Лейтенант взглянул на Альфреда Уоллеса, развалившегося в кресле, со стаканом виски в руках. Он твердо встретил взгляд Китса.

— Я имею в виду вас, Уоллес! Вы удачно отделались, благо сам Приам расписал вас как

слабоумного идиота, сдуру выполняющего любые приказы…

— Удача здесь ни при чем, Китс, — вмешался Эллери. — Все было точно рассчитано. Приам действительно считал Уоллеса тупым орудием в своих руках, а весь замысел плодом исключительно своего гениального ума. И, будучи Приамом, он не мог допустить иного варианта, на что и рассчитывал Уоллес, до тонкости изучивший своего хозяина. Уоллес так незаметно внушал ему нужные идеи, так ловко водил Приама за его большой нос, что тому и в голову не приходило, что он сам является орудием в руках искусного стратега.

Китс опять взглянул на Уоллеса. Но тот лежал в кресле, полностью расслабившись и довольно улыбаясь.

Китс внезапно почувствовал резкую головную боль.

— Значит, вы хотите сказать…

Эллери кивнул.

— Что настоящий убийца не Приам, а Уоллес. И это действительно так.

Уоллес лениво протянул руку и вытащил одну сигарету из пачки Эллери. Эллери кинул ему коробок спичек, и тот кивнул в знак благодарности.

Альфред закурил, кинул коробок обратно и снова занял полулежачее положение.

Лейтенант был в невероятном смущении.

Он посмотрел на Эллери, потом на Уоллеса, потом опять на Эллери. Тот мирно попыхивал трубкой.

— Вы имеете в виду, — каким-то по-женски визгливым голосом проговорил Китс, — что Хилла вообще убил не Приам?

— Ну это с какой стороны взглянуть, лейтенант. Допустим, Гангстер А — слишком важная птица, чтобы самому пачкать руки, — нанимает Громилу С убить Гангстера В. Громила С делает это. Спрашивается — кто виноват в убийстве В? Ответ — А и С. Как важная птица, так и пташка помельче. То есть, Приам и Альфред оба виновны.

— То есть вы хотите сказать, что Приам нанял Уоллеса совершить для него преступление? — с глупейшим видом спросил Китс.

— Нет. — Эллери достал щетку для чистки курительных трубок и сунул ее в отверстие мундштука.

— Нет, Китс, совсем не так. В этом случае Приам был бы важной птицей, а Уоллес помельче. Однако все гораздо сложнее. Приам считал себя важной птицей в этом деле, а Уоллеса — слепым

орудием. Но он ошибался. Дела обстояли как раз наоборот. Приам полагал, что он использует Альфреда для убийства Хилла, в то время как на самом деле именно Уоллес использовал для этой цели Приама. А когда Приам, уже самостоятельно, задумал спрятать концы в воду и убрать Уоллеса, то Уоллес поймал в приготовленную ему ловушку самого Приама и довел его до самоубийства.

— Как все просто, не правда ли? — горько простонал Китс. — А я-то ломаю голову! Но все-таки как сказать в двух словах, так, чтобы каждому — в том числе такому дураку, как я, — было понятно, что произошло?

По вашим словам это чудовище, беззаботно развалившееся в кресле, этот человек, которого вы сами признали убийцей и который получает от вас деньги, пьет ваше вино и курит ваши сигареты, с вашего же позволения, этот самый Уоллес задумал сначала убийство Хилла, затем Приама? Что он использовал Приама, который этого не сознавал? То есть ситуация была обратной тому, что считал Приам? В таком случае мои куриные мозги из последних силенок жаждут знать: зачем? Зачем Уоллесу понадобилось убивать Хилла и Приама? Что он имел против них?

— Вы давно сами знаете ответ на этот вопрос,

лейтенант.

— Я?!

— Кто с самого начала хотел убить Хилла и Приама?

— Кто?!

— Ну, у кого были мотивы все время желать смерти им обоим?

Китс сидел очень прямо, вцепившись в ручки кресла, и с болезненной гримасой смотрел на Альфреда Уоллеса.

— Хватит дурачить меня! — выдавил он наконец. — Все это сплошной розыгрыш.

— Вовсе не розыгрыш, Китс, — вздохнул Эллери. — Факты говорят сами за себя. Единственный, кто имел основания желать смерти Хиллу и Приаму, был Чарльз Адам. Но ведь точно так же и Уоллес? Вряд ли их было двое. Если две разные вещи порознь равны третьей, то, значит, они равны между собой. Отсюда Уоллес — это Адам. Понятно?

Китс вроде как всхлипнул. Уоллес встал и радостно наполнил бокал в его честь. Китс наблюдал за ним с таким видом, как будто ждал, когда Альфред начнет сыпать белый порошок в стаканы. Лейтенант все же выпил и затем стал мрачно разглядывать дно стакана.

— Не то чтобы я был очень туп, — задумчиво произнес он наконец, — но мне никак не удается увидеть логику в вашем поведении. Хорошо, оставим логику в покое. Вы считаете доказательством, что этот молодчик и есть Чарльз Адам. Какова же вероятность такого совпадения? Наряду с миллионами бездельников, которые охотно подрядились бы служить щедрому Приаму верой и правдой, только один человек в мире мог желать его смерти. Что-то уж очень натянуто, Куин, очень надумано!

— А с чего вы взяли, что это простое совпадение? Не было ни тени случайности в том, что Чарльз Адам нанялся выносить горшки Роджеру Приаму. У Адама так и было задумано. Двадцать пять лет он выслеживает Хилла и Приама. И однажды находит. В результате он становится одновременно нянькой, секретарем и помощником Приама… но, естественно, не как Адам, а в образе специально выдуманного для этого человека — Альфреда Уоллеса. У меня есть все основания предполагать, что быстрая смена на этом посту нескольких предшественников — его рук дело. Сам Уоллес на этот счет помалкивает, предположение остается всего лишь предположением. Я считаю также, что он находился в Лос-Анджелесе

гораздо дольше, чем сообщается в истории с потерей памяти. Что скажете, Уоллес?

Альфред в ответ только весело приподнял брови.

— Во всяком случае ему удалось наконец прочно занять место в доме Приама и надежно заморочить тому голову. Так что Приам неуклонно шел навстречу своей смерти, не сознавая, что Уоллес — на самом деле гораздо более реальный Адам, чем тот мертвый подставной «Адам», которого он собирался передать в руки полиции. Ведь Приам ни на секунду не сомневался, что кости Чарльза Льюэла давно истлели на прибрежном песке далекого острова.

Эллери окинул долгим взглядом Уоллеса, с независимым видом потягивавшего виски, словно джентльмен в своем клубе.

— Интересно, как бы вы выглядели на самом деле, Адам. Нам удалось раскопать старый газетный снимок, но от него нам мало прока и, конечно, двадцать пять лет сделали свое дело, но вы скорее всего не очень доверяли работе времени. Пластическая операция, — без всякого сомнения! Причем очень высокого качества, ведь не осталось никаких следов. Может быть, что-то в голосе еще осталось. Вдобавок — масса усилий,

чтобы изменить походку, манеру говорить и двигаться и еще тысячу подобных мелочей. Все было закончено, по-видимому, год назад, и оставшееся время вы потратили на уничтожение малейшей связи с прошлым. Итак, Приам был обречен. Или Хилл. Вы обладали той мужской привлекательностью и силой, которая требовалась для секретаря Приама, о чем вы не преминули разузнать и воспользоваться, и вот — один взгляд Делии Приам — и вы были приняты на работу. Так сказать, на закуску к кровавому бифштексу вам был уготован еще и сладкий пудинг.

Я не знаю когда или как Приам впервые обнаружил желание избавиться от Лендера Хилла. Возможно, что он вообще никогда прямо не высказывался на эту тему. По крайней мере — сначала. А вы находились рядом с ним день и ночь и все это время изучали его повадки. Поэтому тайная ненависть Приама к Хиллу не могла укрыться от вашего взора. Поэтому вы научились легко играть на тайных струнах его души. И игра эта была поистине виртуозной: улавливать желания своей жертвы раньше ее самой, и железной, но невидимой рукой направлять их в нужное русло. Почувствовав, что Приам подсознательно желает Хиллу смерти, вы ненавязчиво помогли

ему прояснить собственные желания и открыто сформулировать их. Короче, вы разжевывали идеи и клали их Приаму в рот, ему оставалось только проглотить. Это заняло несколько месяцев. Но спешить было некуда, а терпения вам не занимать.

В конце концов смутное желание превратилось у Приама в навязчивую страсть.

Естественно, что Приам не мог обойтись без помощника. На кого падет его выбор — подобный вопрос, конечно, не стоял. Ясно было сразу. Тем более что вы наверняка сумели несколько раз дать понять, что в свое время не чуждались жестокости и насилия… может быть, вы ловко симулировали смутные «воспоминания», прорывающиеся сквозь пелену «амнезии». Путь к желанной цели был очень постепенным, но вы в конце концов дошли. Дело сделано. А вы ни при чем.

Уоллес мечтательно щурился на огонь. Китс слушал Эллери, не сводя с него глаз, и ему, как когда-то в детстве, казалось, что все происходит совсем не здесь, а где-то далеко-далеко…

— У Приама были свои планы, под стать ему самому, жестокие и коварные, словно рожденные в недрах какого-нибудь Кремля или Пекина. И вы

усиленно «восхищались» ими. Хотя, может быть, не так уж явно?.. Во время долгих бесед на эту тему вы скорее всего тактично подводили Приама к мысли, что в их общем с Хиллом прошлом могло быть что-то, что давало Приаму — одному лишь Приаму! — основу для хитрого и психологически безошибочного плана. Слово за слово — вы вытянули у Приама всю историю с Адамом, вашу собственную историю. А вам только этого и надо было.

Дальнейшее становилось до смешного простым. Вам оставалось только подсовывать Приаму идеи, которые он принимал за свои. Медленно и верно вести его к пропасти. А тот был уверен, что ему удалось перехитрить весь мир и остаться вне подозрений… В то время как он перехитрил лишь самого себя. Вернее, вы его перехитрили. И можете торжествовать полную победу, Уоллес!

Эллери повернулся к Китсу.

— Понимаешь, лейтенант, после того как психологическая почва оказалась подготовленной, для Уоллеса оставалось лишь вопросом времени одурачить Приама, на деле постоянно внушая тому, что действует исключительно по его, Приама, указанию. На самом же деле Приам отдавал

те распоряжения, которые незаметно внушал ему Уоллес.

Именно Уоллес диктовал записку Хиллу, а Приам печатал, как вы справедливо догадались, Китс. Но Уоллес ни в коем случае не называл это «диктовкой», а скромно — «предложениями», или что-нибудь в этом роде, ведь так, Уоллес? Дальше. Приам печатал на машинке с неисправной буквой «Т». Случайность? Но там, где действует Уоллес не может быть случайностей. Каким-то образом Альфред умудрился без ведома Приама испортить клавишу с буквой «Т», затем уверил Приама, что вполне безопасно воспользоваться машинкой в таком виде, ведь все равно главным было проследить, чтобы впоследствии записка была уничтожена. Конечно, в планы Уоллеса входило во что бы то ни стало сохранить копию записки. И, если бы Хилл не скопировал ее, Уоллес обязательно бы позаботился, чтобы текст записки тем или иным способом попал в руки мне или вам, или кому-нибудь вроде Лаурел, кто постарался бы довести ее содержание до нашего сведения. А новая клавиша в машинке Приама, как и рассчитывал Уоллес, повела следствие в нужном направлении.

Герой описываемых событий позволил себе в

этом месте слегка усмехнуться. После чего скромно уставился в стакан.

— Ну а когда он понял, что задумал под конец Приам, — продолжал Эллери, — а именно — убить его самого, Уоллеса… то он умудрился и это обратить себе на пользу. Он решил опередить события и повернуть дело так, чтобы рывший яму сам в нее и попался. Когда я сказал Уоллесу, что мне все известно, это как нельзя лучше вписалось в его планы. За маленьким исключением — не правда ли, Адам? — что мне было известно немного больше, чем предусматривалось его планами.

Уоллес приподнял стакан приветственным движением. И залпом его выпил.

Китс задергался и заерзал в уютном кресле, будто оно вовсе не было таким уж удобным. У него на переносице залегла мучительная складка, не говоря уже о тонкой сетке морщин, избороздивших его лоб за время рассказа Эллери.

— Кажется, я к сегодняшнему вечеру настолько отупел, что просто не в состоянии принять ваши слова всерьез, то есть иначе чем за чистую правду. Вы уверяете, что этот человек — Чарльз Адам. Но где доказательства? Несмотря на все ваши логические построения, остается большая

вероятность того, что он — не Чарльз Адам. С тем же успехом он может оказаться Джоном Джонсоном, Стенли Брауном, Сирилом Сент-Клером или Патриком Селверстейном. Докажите мне, что это не так?!

Эллери расхохотался.

— На этот раз вам не удастся заставить меня продемонстрировать вам то, что называется «методом Куина». К счастью, Китс, сейчас я вполне могу обойтись самыми обычными средствами и доказать, что этот человек не может быть никем иным, кроме Чарльза Адама. Припомните-ка, каким образом он взял имя «Альфред Уоллес»?

— Он рассказал, что после припадка амнезии просто взял первое пришедшее ему в голову имя. А как его зовут на самом деле, не помнит, — сердито нахмурился Китс.

— И все это чушь, за исключением одного факта: Альфред Уоллес действительно не его настоящее имя. Но он выбрал его потому, что оно больше какого-либо другого отвечало его целям.

— Каким образом? В нем нет ничего особенного!

— А вот и неверно, Китс. Имя «Альфред Уоллес» не только особенное, но и в некотором смысле уникальное.

Альфред Уоллес — Альфред Рассел Уоллес — был современником Чарльза Дарвина. Альфред Уоллес сформулировал теорию эволюции практически одновременно с Дарвином, совершенно самостоятельно. Впервые мир узнал о его открытии из короткого доклада, сделанного им в Обществе Линнея в 1858 году, и опубликованного в Записках этого общества в том же году. Дарвин же наметил основные пункты своей теории в рукописи 1842 года. Уоллес, свалившийся в жестокой лихорадке где-то в Южной Америке, переслал свои записи Дарвину. Таким образом они и оказались опубликованы, причем одновременно.

Эллери выбил трубку о край пепельницы.

— И вот в истории с Хиллом и Приамом мы натыкаемся на человека, принимающего самое живейшее участие в событиях и носящего знаменательное имя Альфреда Уоллеса. Причем в этой истории некий натуралист Чарльз Адам использовал принцип теории эволюции, одновременно открытый в прошлом веке Дарвином и тезкой Альфреда Уоллеса, чтобы создать цепь символических событий-намеков. Неужели может быть простым совпадением тот факт, что секретарь одной из жертв Чарльза Адама выбрал себе второе имя, напрямую связанное с теорией

эволюции? Одно из миллиона возможных имен! И как Чарльз Адам основал свой убийственный план мести на научной теории, так и прозвище он добыл себе из того же научного источника. Вряд ли он допустил бы неосторожность называться сразу Дарвином: бросающаяся в глаза нарочитость такого имени лишь навредила бы ему. Имя же Альфреда Уоллеса, напротив, совершенно неизвестно широкой публике. Кстати, он мог сделать свой выбор почти бессознательно, просто движимый язвительной иронией смертельно оскорбленного человека.

Китс вскочил так внезапно, что даже Уоллес слегка вздрогнул от неожиданности.

Но Китс не обратил на него ни малейшего внимания. Его побагровевшее в свете камина лицо было обращено в сторону Эллери, который с недоумением наблюдал за волнением лейтенанта.

— Значит, вы взяли его секретарем, Куин, отдавая себе отчет в том, что нанимаете Адама-убийцу?

— Совершенно верно, Китс.

— Но почему?!

Эллери помахал пустой трубкой.

— Неужели непонятно?

— Нет, совершенно непонятно. И почему вы

вовремя мне ничего не сказали?

— Потому что вам не следовало знать об этом, лейтенант. — Эллери снова смотрел в огонь, покусывая мундштук трубки. — Это ни в коем случае не должно было всплыть на суде. Да и вещественных доказательств-то, строго говоря, нет никаких. Все мои рассуждения ничто перед законом. Но даже если бы вся история была подробно изложена на суде, из-за отсутствия доказательств Уоллеса все равно невозможно привлечь к ответственности, а вот лишние толки могли бы помешать осудить Приама или смягчили бы заслуженный им суровый приговор.

Китс, я не могу допустить, чтобы Приам ушел от возмездия лишь на том основании, что он не ведал, что творил. Я предпочел подождать, пока он получит по заслугам, а потом уже разбираться с джентльменом, сидящим справа от вас. И вот он здесь в течение двух месяцев, а я все еще не решил, как поступить. Может быть, вы посоветуете, Китс?

— Но он же убийца, черт подери! — вскипел Китс. — И неважно, что ему не повезло двадцать пять лет назад… С той минуты, как он решил преступить закон, он уже ничем не отличался от своих обидчиков! И не мне доказывать вам

прописные истины!

— Конечно, конечно, теоретически вы абсолютно правы, — печально кивнул Эллери. — Вне всяких сомнений, он — преступник, дурной человек. Вы знаете это, я знаю это, но и он это тоже знает. Однако он ничего не говорит, и что мы с вами в этом случае можем доказать?

— Короче, как любит выражаться мой капрал — шлангом прикоснулся, а на нет и суда нет? — спросил Китс.

— Думаю, что и не стоит доводить до суда, — отвечал Эллери. — Уоллес Адам — это совершенно особый случай. Разве сможем мы доказать, что именно он сломал клавишу с буквой «Т»? Разве сможем мы доказать, что он вдохновлял Приама на убийство Хилла? Разве можем мы доказать, что он помогал Приаму выдумать версию «предупреждений», если сам Приам яростно отрицал это? Разве сможем доказать, что было на уме у этого молодца? Разве мы сможем доказать хоть что-нибудь, Китс?

Уоллес посмотрел на лейтенанта с некоторой долей уважения.

Китс посмотрел в ответ прямо ему в глаза и не отводил взгляда в течение целых трех минут.

Затем лейтенант взял свою шляпу, натянул ее

по самые уши и молча удалился.

Послышался демонстративный хлопок дверью.

И автомобиль Китса пронесся вниз с холма, как будто сам дьявол гнался за ним.

Эллери вздохнул и начал набивать трубку.

— Черт бы побрал вас, Адам! Что мне с вами делать? Невозмутимый секретарь взял еще одну сигарету из пачки Эллери.

И, улыбаясь своей ироничной, таинственной и немного надменной улыбкой, ответил:

— Зовите меня Альфред.